

№ 3 (36)
2016

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:

Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;

И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;

Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;

А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);

В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;

Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;

Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;

Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);

И.С. Еремина,
д-р пед. наук,
канд. юрид. наук, доцент;

В.В. Кульгин,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Уткин Н.И., Александрова А.Ю. Становление законодательства о чрезвычайных ситуациях в России / 5

Шатилов С.П. Организационно-структурная перестройка НКВД и НКГБ в годы Великой Отечественной войны / 9

Конституционное право. Муниципальное право

Гунич С.В., Баринов Д.А. Конституционно-правовой статус органов внутренних дел Российской Федерации / 17

Уголовный процесс

Вениаминов А.Г. Актуальные вопросы заключения и исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым / 24

Нурiev И.Н.-о. К вопросу о понятиях разумного срока и условий обеспечения реализации разумного срока предварительного расследования / 31

Горчакова Е.В. Начальник органа дознания: понятие и содержание правового положения / 36

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Никитенко И.В. Криминальная миграция в азиатской части России: историко-правовой очерк / 42

Рогова Е.В., Капустюк П.А. Экономическая составляющая оптимизации уголовного законодательства Российской Федерации / 48

Егорова Т.И. Распределение ролей в организованном незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (на примере контрабанды): статистика и правоприменительная практика / 54

Самойлюк Н.В. Проблемы квалификации оставления в опасности / 59

Шабалина Ю.В. О взаимодействии правовых систем России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере уголовного судопроизводства / 66

Семикина М.С. основополагающие направления противодействия эксплуатации несовершеннолетних / 71

Административное право. Административный процесс

Репьев А.Г. Специальный правовой статус: сущность и содержание (на примере сотрудника органов внутренних дел) / 80

Кашкина Е.В., Хандогина А.В. Производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: особенности и тенденции развития законодательства / 87

Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
И.В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
С.В. Супрун,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент
(г. Краснодар);
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 20.09.2016.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 33.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2016

Ковалева И.В. К вопросу о нормативном правовом регулировании процедуры реализации органами внутренних дел изъятого из гражданского оборота и конфискованного оружия / **93**

Крицкая М.С. Объекты и субъекты общественного контроля за деятельностью полиции в условиях децентрализации государственного управления / **98**

Понукарина Е.С. К вопросу о создании комплексной системы социальной реабилитации и ресоциализации как одного из направлений антинаркотической политики Российской Федерации / **106**

**Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.
Оперативно-розыскная деятельность**

Егоров Н.Н. Тактические приемы производства вербальных следственных действий / **112**

Мерецкий Н.Е., Ким С.С. Соотношение процессуального и криминалистического аспектов доказывания при проведении вербальных и невербальных судебных действий / **121**

Коршунова О.Н. Структура методики поддержания государственного обвинения: современные подходы и решения / **127**

Облаков А.А. Криминалистическая характеристика преступлений: понятие, структура и основные направления использования / **134**

Жердев П.А. Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений / **143**

Зубенко Е.В. Особенности расследования оставления в опасности в ходе дорожно-транспортного происшествия (преступления) / **149**

Тайнов С.В. Особенности планирования расследования преступлений, связанных с хищениями в сфере дорожного строительства / **156**

Клименко А.К. Актуальные проблемы практики расследования мошенничеств с использованием средств связи / **162**

Усенко О.В. Теоретическое обоснование концепции разработки оперативно-тактических комбинаций, применяемых в раскрытии и расследовании незаконных организации и проведения азартных игр / **169**

Михайлова Л.В. О понятии и сущности оперативно-розыскного обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта / **177**

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право

Шмаков В.Н. К вопросу о содержании гражданско-правового института защиты профессиональных чести, достоинства и репутации сотрудников полиции по действующему российскому законодательству / **183**

Информационное право

Рыдченко К.Д. О Концепции информационной безопасности детей: содержание, значение и перспективы развития / **190**

Информация для авторов / 199

№ 3 (36)
2016

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
M.A. Tuliglovich,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, associate professor

Executive Secretary
A.A. Osadchy

Editorial staff:
E.U. Antonova,
Doctor of Law, associate professor;

I.M. Antonov,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

D.A. Barinov,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

A.S. Bakhta,
Doctor of Law, professor
(Moscow);

V.N. Boiko,
Doctor of Law, professor;

N.N. Deryuga,
Doctor of Law, professor;

L.N. Dreval,
Doctor of Law, professor;

N.N. Egorov,
Doctor of Law, professor
(Moscow);

I.S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

V.V. Kuligin,
Doctor of Law, professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Utkin N.I., Alexandrova A.Y. Formation of the emergency legislation in Russia / 5

Shatilov S.P. Organizational restructuring of the national commissariat of the internal affairs and the national commissariat of state security in the great patriotic war / 9

Constitutional law. Municipal law

Gunich S.V., Barinov D.A. Constitutional-legal status of the agencies of internal affairs of the Russian Federation / 17

Criminal procedure

Veniaminov A.G. Actual questions of conclusion and execution of pretrial agreement on cooperation with the accused / 24

Nuriev I.N-o. To the question of concept of reasonable term and the conditions of ensuring the implementation of reasonable term of preliminary investigation / 31

Gorchakova E.V. Chief of the agency in charge of preliminary investigation: concept and the contents legal status / 36

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Nikitenko I.V. Criminal migration in asian part of Russia: historical and legal sketch / 42

Rogova E.V., Kapustyk P.A. The economic component of the optimization of the criminal legislation of the Russian Federation / 48

Egorova T.I. The distribution of roles in organized illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances (for example smuggling): statistics and practice / 54

Samoylyuk N.V. Problems of qualification of abandonment are in a danger / 59

Shabalina Y.V. Interaction of legal system of Russia and the Asia-Pacific region in criminal proceedings / 66

Semikina M.S. Fundamental areas of combating exploitation of minors / 71

Administrative law. Administrative procedure

Repyev A.G. Special legal status: essence and the contents (on the example of the employee of law-enforcement bodies) / 80

Kashkina E.V., Khandogina A.V. Proceedings on the administrative supervision of persons released from prison: features and trends of the law / 87

N.E. Meretsky,
Doctor of Law, professor;
I.V. Nikitenko,
Doctor of Law, associate professor;
S.V. Suprun,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;
S.U. Udartsev,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor
(Krasnodar);
N.A. Shabelnikova,
Doctor of History, professor
(Vladivostok)

Managing editor

E.U. Kolobanova

Proofreader

N.B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 20.09.2016. Format 60x84 1/8. Size 23,25 printer sheets. Circulation 300 copies. Order № 33.

Free price.

Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. Editorial office. Printing House. 15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 2016

Kovaleva I.V. To the question of normative legal regulation of the procedure of realization by the bodies of internal affairs are withdrawn from circulation and confiscated weapons / **93**

Kritskaya M.S. Objects and subjects of public control over the activities of police in terms of decentralization of public administration / **98**

Ponukarina E.S. To the question about creating an integrated system of social rehabilitation of and resocialization as one of the areas of anti-drug policy of the Russian Federation / **106**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Egorov N.N. Tactics of conduct of verbal investigative actions / **112**

Meretskiy N.E., Kim S.S. The ratio of procedural and criminalistic aspects of evidence while conducting verbal and non-verbal judicial actions / **121**

Korshunova O.N. Structure of a technique of the public prosecution: modern approaches and decisions / **127**

Oblakov A.A. Criminalistic characteristics of crimes: definition, structure and principal ways of usage / **134**

Zherdev P.A. Use of forensic tools and methods in the detection and investigation of crimes / **143**

Zubenko E.V. It is in danger of feature of investigation of leaving during the road accident (crime) / **149**

Tainov S.V. Special features of planning investigation of crimes involving theft in road construction / **156**

Klimenko A.K. Actual problems of investigation of frauds with means of communication / **162**

Usenko O.V. The theoretical basis of the concept of development of tactical combinations used in the investigation of an illegal gambling organization and conduct / **169**

Mikhailova L.V. About the notion and essence of the operative-investigative ensure prevention, detection and investigation of theft at the facilities of maritime transport / **177**

Civil law. Business law. Family law

Shmakov V.N. To the question about the content of civil legal institution of protection of professional honor, dignity and reputation of the police officers in the applicable Russian legislation / **183**

Information law

Rydchenko K.D. About the concept of children information safety: content, meaning and development prospects / **190**

Information for authors / 199

УДК 340.130.3

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ В РОССИИ

Николай Иванович Уткин, профессор кафедры доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Алена Юрьевна Александрова, инспектор ученого совета (Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России)

E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

alena.karpacheva@inbox.ru

Раскрываются исторические и правовые предпосылки становления, формирования и развития законодательства о предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации. Отмечается, что на протяжении всей истории становления государства и права в России уделялось большое внимание вопросам правового регулирования защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация; законодательство; предпосылки формирования; историко-правовые предпосылки; защита населения и территорий.

FORMATION OF THE EMERGENCY LEGISLATION IN RUSSIA

Nikolay Ivanovich Utkin, chair professor Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Alena Yurievna Alexandrova, inspector of academic council (Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia)

Reveals the historical and legal background of formation and development of legislation on prevention and liquidation of emergency situations in the Russian Federation. It is noted that throughout the history of the formation of state and law in Russia had given a great importance to the issues of legal regulation of protection of population and territories from emergencies.

Keywords: emergency; legislation; background of the formation; historical and legal background; protection of population and territories.

Чрезвычайные ситуации присутствовали в жизни государства и общества на протяжении всех периодов их становления. Стремительное развитие новых технологий в производстве, сплошная урбанизация порождают и возникновение новых природных, биолого-социальных и техногенных чрезвычайных ситуаций (ЧС), число которых неуклонно растет.

По данным Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), в 2014 г. на территории нашей страны произошло 262 ЧС, из которых более 70 % составляют техногенные [2].

Понятие «чрезвычайная ситуация» дано в Федеральном законе от 26 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Закон). Исходя из этого, следует сделать

вывод, что становление и развитие законодательства о чрезвычайных ситуациях в России формально начинается с этого момента.

Согласно Закону, «чрезвычайной ситуацией» признается обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Однако вышеизложенное не означает, что на других этапах развития отечественного государства и права не было попыток юридического закрепления мер по предупреждению и ликвидации ЧС.

Анализ исторической литературы показал, что к настоящему моменту сохранились достоверные источники, раскрывающие вопросы борьбы со стихийными бедствиями во времена древнерусских племен.

До появления письменности у северо-восточных славян посредством мифов и иных сказаний передавалась информация о необъяснимых для них стихийных бедствиях и различного рода природных явлениях. Из поколения в поколение переходили сказания о неисчислимом ущербе от наводнений, пожаров и землетрясений. Летописи древнерусских племен описывали стихийные бедствия как своего рода «божественное провидение», «кару небесную» за несправедную жизнь.

Издревле одним из самых разрушительных стихийных бедствий на Руси был пожар, из-за небрежного обращения с огнем неоднократно выгорали целые города, последствия были катастрофическими.

Защита населения и территорий от ЧС, до ее нормативного закрепления, осуществлялась посредством взаимопомощи и доброй воли.

Среди наиболее значимых нормативно-правовых источников закрепления мер защиты населения и территорий от огненных стихийных бедствий в допетровский период следует отметить Судный закон людям 1015 г., Русскую Правду (Пространная редакция) XII в., Судебник Ивана III 1497 г., Судебник Ивана IV 1550 г., Наказ о градском благочинии 1649 г., Соборное уложение 1649 г. В приведенных нормативно-правовых актах закреплялась смертная казнь за поджоги и воровство после пожаров.

При Петре I издавались указы, которые были направлены на предупреждение стихийных бедствий, а не только на их ликвидацию. Так, Указом от 17 августа 1701 г. «О строении в Москве на погорелых местах достаточным людям каменных домов, а недостаточным мазанок» запрещалось строительство деревянных домов. Указом от 13 ноября 1718 г. устанавливалось строительство плашкоутов с насосами для тушения пожаров вблизи рек или на судах. В годы правления Петра Великого были определены обязанности руководителей органов местного самоуправления (воевод в губерниях) в области защиты населения и территорий от ЧС, а именно в Инструкции, или Наказе воеводам 1719 г.

В 1715 г. в Петропавловской крепости была установлена водомерная рейка-футшток для измерения уровня воды в устье реки при штормовых нагонах, что следует отнести к мерам предупредительного характера в части защиты населения от наводнений. С ее помощью академик И.Г. Лейтман в 1726 г. определил ординар Невы – нормальный уровень воды при безветренной погоде [1]. От этого ординара и стали считать все превышения уровня, благодаря этому была создана целая классификация наводнений Санкт-Петербурга. Подъемы воды с тех пор и навсегда было принято делить на опасные, особо опасные и катастрофические. О предстоящем наводнении стали извещать выстрелом пушки с Петропавловской крепости.

В то же время различные стихийные бедствия даже в XVIII-XIX вв. воспринимались как нечто сверхъестественное, о чем свидетельствуют воспоминания очевидцев наводнения 7 ноября 1824 г. в Петербурге [1].

С развитием горной, химической и других видов промышленности, морского судоходства появляются и различного рода опасности, непосредственно с ними связанные, обуславливающие становление законодательства в каждой из этих областей.

Первая половина XIX в. в Российской империи – период активной деятельности по кодификации российского законодательства. Это составление Полного собрания законов Российской империи, Свода законов Российской империи во II отделении Собственной Е.И.В. канцелярии, а также создание новых кодифицированных нормативно-правовых актов, таких как Уложение о наказаниях 1845 г. и Устав пожарный 1832 г. В Уставе обобщены требования пожарной безопасности для различных видов деятельности, правила поведения при пожаре и ряд других не менее важных вопросов.

Государственное значение вопросы защиты мирного населения приобрели в первой половине XX столетия.

В Кодексе законов о труде РСФСР 1922 г. в ст. 11 прописано, что в исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями и др.) все граждане РСФСР могут привлекаться к труду в порядке трудовой повинности, согласно специальным постановлениям Совета народных комиссаров или органов, уполномоченных на то Советом народных комиссаров. В данном нормативно-правовом акте впервые в истории советского и российского права упомянут термин «стихийные бедствия» [1].

В 1932 г. создана местная противовоздушная оборона (МПВО), в основные обязанности которой входила защита населения, объектов промышленности и транспорта от авиационных налетов. В суровые годы Великой Отечественной войны формирования МВПО спасли огромное количество зданий и сооружений, позволили значительно уменьшить количество разрушений в городах, обеспечить надежную защиту мирного населения и бесперебойную работу народного хозяйства страны [1].

В 1956 г. принято Положение о МПВО СССР, в котором МПВО названа системой общегосударственных мероприятий, осуществляемых на территории страны. На МПВО возлагается ответственность за организацию подготовки населения всей страны по противовоздушной, противоатомной, противохимической и противобактериологической защите. Преобразование в 1961 г. МПВО в Гражданскую оборону страны обеспечило высокую готовность сил гражданской обороны и стало одним из сдерживающих факторов угрозы развязывания ядерной войны Соединенными Штатами Америки против СССР [1].

Однако ориентированность только на защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций военного времени усложняла решение специализированных задач во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В условиях научно-технической революции первой половины XX в., с появлением абсолютно нового вида энергии – энергии атома, с быстрым ростом потребления минерального топлива, с нерациональным использованием ресурсов основным источником опасности для человека становится созданная им техносфера. Взрыв реактора на Чернобыльской атомной электростанции в апреле 1986 г., а затем и землетрясение в Армении в 1988 г. выявили серьезные пробелы и проблемы в отношении защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, например такие, как координация и взаимодействие всех специальных служб.

В 1989 г. Верховным Советом СССР создана постоянно действующая комиссия Совета министров СССР по чрезвычайным ситуациям. Постановлением Совета министров СССР от 15 декабря 1990 г. была образована Государственная общесоюзная система по предупреждению и действиям в чрезвычайных ситуациях, положив начало развитию совершенно новой системы защиты населения и территорий уже не только от угроз военного характера и оружия массового поражения, но и от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [1].

Постановление Совета министров СССР от 21 ноября 1990 г. № 1175 «Об утверждении Временного положения о Государственной комиссии Совета министров СССР

по чрезвычайным ситуациям» в ст. 1 закрепило, что основной целью Комиссии является обеспечение постоянной готовности органов государственного управления всех уровней к быстрым и эффективным действиям в случае возникновения экстремальной обстановки, вызванной авариями, катастрофами, стихийными и экологическими бедствиями, а также координации и контроля за работой министерств, ведомств СССР и Советов министров союзных республик по профилактике, предотвращению и ликвидации последствий таких аварий, катастроф и бедствий, созданию аварийно-восстановительных и поисково-спасательных средств и систем жизнеобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях, эвакуации его из районов, где сложилась экстремальная обстановка [1].

Указом от 19 ноября 1991 г. № 221 Президент РСФСР создает Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий на базе Государственного комитета РСФСР и Штаба гражданской обороны РСФСР.

Постановление Правительства РФ от 18 апреля 1992 г. № 261 положило начало становлению российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях.

Постановление Правительства РФ от 25 ноября 1992 г. № 912 «Об утверждении Положения о Государственном комитете Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (далее – ГКЧС) впервые определило статус Комитета как центрального органа федеральной исполнительной власти, осуществляющего межотраслевое регулирование вопросов гражданской обороны в области защиты населения, территории страны, объектов, являющихся национальным достоянием Российского государства, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обусловленных авариями, катастрофами, стихийными бедствиями и применением возможным противником современных средств поражения, а также координацию деятельности органов государственного управления Российской Федерации в этом направлении.

В данный период практически завершается формирование центрального аппарата ГКЧС и его структур на различных уровнях, от Министерства обороны СССР переходят в состав ГКЧС силы Гражданской обороны СССР.

Согласно Указу Президента РФ от 10 января 1994 г. № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», происходит трансформация ГКЧС в Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в настоящее время является основным законодательным актом в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий. Федеральный закон послужил отправной точкой в создании правовой базы в данной области.

Становление и развитие законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера происходило одновременно со становлением и развитием отечественного государства и права. При этом вопросам защиты населения и территорий от ЧС уделялось большое внимание на каждом этапе развития государства и общества. В разные периоды времени власть старалась закрепить на законодательном уровне мероприятия, направленные на борьбу с ЧС и уменьшение последствий от них. В настоящий момент отношения в области защиты населения и территорий от ЧС регулируются обширной разноуровневой нормативно-правовой базой, состоящей из федеральных конституционных и федеральных законов, кодексов, указов президента, постановлений правительства, законов субъектов Российской Федерации, многочисленных нормативных актов министерств и ведомств, нормативных актов органов местного самоуправления. Кроме того, нормы, затрагива-

ющие вопросы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, имеются в многочисленных правовых актах, посвященных абсолютно иным аспектам [3].

Литература

1. История МЧС России: курс лекций / под ред. В.С. Артамонова [и др.]. СПб.: СПб УГПС МЧС России, 2008.
2. О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2014 году: государственный доклад МЧС России. М.: МЧС России, 2015.
3. Уткин Н.И., Немченко С.Б. Обзор законодательства в сфере пожарной безопасности, гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2014. № 4.

УДК 340.158

ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА НКВД И НКГБ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Петрович Шатилов, доцент кафедры Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: shatilov_sp@mail.ru

В статье рассматриваются основные причины объединения НКВД и НКГБ в годы войны. Анализируются структурные изменения, произошедшие в наркоматах в исследуемый период и основные направления их деятельности, а именно: борьба со шпионами, диверсантами, террористами и агентами иностранных разведок, занимающихся подрывной деятельностью внутри СССР; борьба с антисоветскими элементами; охрана руководящего состава партийных и государственных органов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Народный комиссариат внутренних дел; Народный комиссариат государственной безопасности.

ORGANIZATIONAL RESTRUCTURING OF THE NATIONAL COMMISSARIAT OF THE INTERNAL AFFAIRS AND THE NATIONAL COMMISSARIAT OF STATE SECURITY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sergej Petrovich Shatilov, chair associate professor of the Barnaul Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article is considered the main reasons for combining the National commissariat of the Internal Affairs and the National commissariat of State Security during the war. It is analyzed the structural changes that have taken place in the Commissariats in the study period and the main directions of their activity specifically the fight against spies, saboteurs, terrorists and foreign intelligence agents involved in subversive activities in the USSR, the fight against anti-Soviet elements, security of the governing staff of the party and government organs.

Keywords: the Great Patriotic War; the National commissariat of the Internal Affairs; the National commissariat of State Security.

Начавшаяся война существенным образом изменила военно-политическую и оперативную обстановку в стране. На работу правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны существенное воздействие оказали несколько факторов: пораже-

ния Красной армии на фронтах, которые с первых месяцев войны привели к резкому ужесточению карательной политики в СССР; разведывательно-подрывная деятельность спецслужб противника; мобилизация всех ресурсов, вызвавшая необходимость перестройки всей экономики страны на военный лад.

Высшие органы государственной власти в первый месяц войны осознали необходимость объединения в одно ведомство НКВД и НКГБ в целях обеспечения большей эффективности их деятельности. Поэтому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР [1].

Однако следует отметить дискуссионность вопроса об истинных причинах объединения.

Так, по мнению В.Н. Меркулова, бывшего наркома государственной безопасности, а с апреля 1943 г. заместителя наркома внутренних дел СССР, объединение НКВД и НКГБ носило субъективную причину: «Сталин с подозрением относился к Берии, полагая, что тот может за его спиной организовать сговор, поэтому держал рядом с Берией его, т.е. Меркулова, который никогда никаких политических амбиций не имел» [11, с. 207].

Далеко не все придерживаются этой позиции, так как она дает одностороннее представление. По меньшей мере, имелось несколько причин объединения этих двух правоохранительных органов. Во-первых, существенно увеличилось значение ряда ответственных задач по обеспечению правопорядка (например, подрывная деятельность разведки фашистской Германии), потребовавших объединения усилий НКВД и НКГБ. Во-вторых, большая часть квалифицированных сотрудников данных структур ушла на фронт, в связи с этим также возникла необходимость консолидации НКВД и НКГБ. В-третьих, агентурный аппарат данных органов практически полностью был разрушен последствиями войны, что, в свою очередь, также потребовало объединения усилий НКВД и НКГБ.

Война вызвала необходимость существенного расширения содержания правоохранительной деятельности для данных наркоматов. Правоохранительная деятельность включала в себя не только поддержание правопорядка и законности, но и обеспечение достаточно стабильного функционирования экономики страны, сохранение боеспособности частей и соединений Красной армии и Военно-морского флота; борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника.

По мере освобождения территорий, подготовки квалифицированных сотрудников, восстановления агентурного аппарата и т.д. отпала необходимость существования единого органа – 14 апреля 1943 г. происходит восстановление самостоятельного функционирования Наркомата внутренних дел СССР, Наркомата государственной безопасности СССР и наркоматов в союзных и автономных республиках. НКВД СССР, как и прежде, оставался возглавлять Л.П. Берия, НКГБ СССР руководил В.Н. Меркулов. Происшедшие реорганизационные процессы в центре вызвали необходимость изменения системы на местах. Во всех административных районах из райотделов НКВД путем выделения были образованы районные отделения НКГБ.

Руководство страны прекрасно понимало, что реорганизацию необходимо провести без ущерба для эффективной деятельности наркоматов. Чтобы не ухудшить работу органов НКВД и НКГБ, организационную перестройку необходимо было провести таким образом, чтобы не ослабить работу агентов по находящимся в разработке и производстве в первую очередь агентурным и следственным делам. В связи с этим 11 мая 1943 г. была принята директива двух наркоматов (НКВД и НКГБ), в которой уточнялись задачи, стоящие перед органами НКГБ СССР. Перечень этих задач был лаконичным и исчерпывающим: проведение разведывательной деятельности за границей; борьба со шпионами, диверсантами, террористами и агентами иностранных разведок, занимающихся подрывной деятельностью внутри СССР; проведение борьбы с антисовет-

скими элементами, выявление их в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и пр.; осуществление охраны руководящего состава партийных и государственных органов*.

На местах во исполнение директивы принимались дублирующие ее приказы. Так, например, приказом начальника УНКВД по Краснодарскому краю от 15 июня 1943 г. были определены основные направления реорганизации в крае и закреплены стоящие перед НКГБ задачи, аналогичные тем, что значились в директиве**.

В приказе был определен порядок перераспределения между подразделениями НКВД и НКГБ зданий, имущества, транспорта. Во исполнение приказа был проведен раздел имущества между райотделами НКВД и НКГБ Тимашевского райотдела УНКВД по Краснодарскому краю.

Имущество было распределено следующим образом: помещения – пять кабинетов в основном здании достались райотделу НКГБ, три кабинета и дом, находящиеся около основного здания, перешли райотделу НКВД; столы, стулья и канцелярские принадлежности оставались в кабинетах без права перемещения; транспорт – райотдел НКГБ получил трофейный легковой автомобиль «Опель-кадет», один мотоцикл, два велосипеда, три лошади; райотдел НКВД получил два мотоцикла, три велосипеда, шесть лошадей; за райотделом НКВД остались КПЗ, баня и дезинфекционная камера, а остальные хозяйственные постройки планировалось использовать совместно, как и приобретаемый фураж для лошадей и запасные части для повозок; пишущая машинка передавалась в пользование райотделу НКГБ, при этом она подлежала совместному использованию***. Таким образом, имущество было разделено примерно поровну.

Все реорганизационные мероприятия необходимо было провести в течение пяти рабочих дней без отрыва от основной текущей работы.

Несмотря на требования руководящих нормативных правовых актов, регулирующих порядок выделения подразделений НКГБ из подразделений НКВД, возникали проблемы в основном субъективного свойства. Так, начальник Ейского горотдела УНКВД по Краснодарскому краю (по всей видимости, из-за личных амбиций) провоцировал конфликт между сотрудниками горотделов НКВД и НКГБ. В докладной записке начальника Ейского горотдела НКГБ на имя секретаря Ейского горкома ВКП(б) от 10 сентября 1943 г. перечислялись злоупотребления начальника Ейского горотдела УНКВД по Краснодарскому краю, а именно то, что он самовольно проник в гараж НКГБ и «изъял» там две покрышки, отказался впускать в общий гараж сотрудников НКГБ. Кроме того, дал указание бухгалтеру не считать сотрудников, перешедших в отдел НКГБ, установил запрет на пользование печатью, принадлежащей горотделу УНКВД, командиру истребительного батальона дал указания оставить горотдел НКГБ без охраны. Подводя итог злоупотреблениям начальника Ейского горотдела УНКВД по Краснодарскому краю, оценил их как деятельность, направленную на дезорганизацию работы государственного аппарата****.

Вне всякого сомнения, разногласия по поводу распределения служебного имущества между НКВД и НКГБ наносили определенный вред в процессе организации деятельности вышеуказанных государственных органов, но они были не столь серьезными по сравнению с несогласованностью действий органов НКВД и НКГБ в оперативно-служебной работе. На это обратили свое внимание нарком внутренних дел Л. Берия и нарком государственной безопасности СССР В. Меркулов в совместной директиве за

* Отдел реабилитации и архивной информации ИЦ ГУВД Алтайского края. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

** Специальный архивный фонд ИЦ ГУВД Краснодарского края. Ф. 18. Д. 2. Л. 241-242.

*** Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 162. Оп. 1. Д. 235. Л. 10.

**** Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 235. Л. 33.

№ 266/48 от 16 июля 1943 г., определяющей степень и формы участия органов НКВД и НКГБ в агентурной работе, направленной на борьбу с бандитизмом.

В конце 1943 г. разногласия между НКВД и НКГБ практически были разрешены, в принятых нормативных правовых актах были четко определены задачи, которые возлагались на данные органы.

Работа органов НКГБ в первые месяцы войны протекала в исключительно сложных условиях. С началом войны основное усилие подрывной деятельности шпионы, диверсанты, террористы и агенты спецслужб противника сосредоточили на Красной армии и особенно тех ее частях и соединениях, которые находились непосредственно на линии фронта. Проведенный анализ архивных материалов свидетельствует о том, что в 1941-1943 гг. вражеская разведка только в прифронтовую полосу забросила около 55 % своих агентов. В конце войны при масштабном отступлении немецких войск этот процент увеличился почти до 90 % [11, с. 534].

В связи с постоянным отступлением частей и соединений Красной армии в начале войны, активные действия вражеских диверсантов и шпионов вызывали панику среди военнослужащих, это привело к тому, что помимо решения собственно контрразведывательных задач НКГБ пришлось решать не менее важную задачу по наведению порядка в прифронтовой полосе. В период всей войны по мере ухудшения обстановки на фронтах актуальность этой работы возрастала [6, с. 83].

Так, согласно сообщению НКВД СССР от 2 августа 1942 г. № 1497/Б в ГКО и ЦК ВКП(б) об итогах борьбы с агентурой немецкой военной разведки органами НКВД с начала года было задержано 7 755 агентов противника, из них 222 парашютиста, изъято 74 радиостанции, 31 из которых должна была использоваться для дезинформации командиров частей и соединений Красной армии [11, с. 102-103].

В тылу страны деятельность территориальных и транспортных подразделений НКГБ осуществлялась в чрезвычайно сложной оперативной обстановке. Тому способствовал ряд причин: с целью оперативной перестройки советской экономики на военный лад произошла массовая эвакуация мирного населения и материальных ценностей на восток страны; проводилась мобилизация военнослужащих запаса и формирование новых воинских частей и соединений; велась активная разведывательно-подрывная работа спецслужб фашистской Германии.

Многие предприятия легкой, пищевой и других отраслей промышленности в годы войны приобрели оборонное значение, т.к. были перепрофилированы на выпуск продукции, необходимой фронту [3, с. 74-76], что привело к увеличению количества объектов, подлежащих контрразведывательному обслуживанию.

По этой причине практически во всех НКГБ-УНКГБ республик, областей, краев с началом войны были разработаны планы мероприятий по укреплению охраны наиболее важных оборонных и народнохозяйственных предприятий, расположенных на их территории. Например, 22 июня 1941 г. УНКГБ Москвы и Московской области был разработан план мероприятий по усилению охраны стратегических объектов. В соответствии с этим планом вводилось особое оперативное обслуживание 114 оборонных заводов и режимных предприятий, 14 железнодорожных и стратегических мостов. Увеличивалось количество патрульных милицейских постов, были организованы обходы главных железнодорожных магистралей и объектов, усиливалась борьба со шпионами и диверсантами [4, с. 119-120].

В освобожденных территориях органы НКГБ совместно с органами НКВД проводили большую оперативную работу: опрашивали местных жителей, изучали захваченные немецкие архивы и т.п. с целью выявления оставленных вражеских агентов, лиц, сотрудничавших с оккупантами (бывших карателей, полицейских, внедренных службой гестапо и СД в патриотическое подполье агентов-provokаторов и т.п.) [8, с. 52].

Так, с января по 15 апреля 1945 г. при очистке тылов действующей Красной армии было изъято: агентов и гласного состава разведывательных и контрразведывательных

органов противника, террористов и диверсантов – 8 470 чел.; членов фашистских организаций – 123 166; командного и оперативного состава полицейских органов, тюрем, концлагерей, сотрудников прокуратуры и судебных органов – 3 319; руководителей крупных хозяйственных и административных органов, газетно-журнальных работников – 2 272; изменников родины, предателей, ставленников и пособников оккупантов, бежавших с немецко-фашистскими войсками – 17 495*.

На территориях Украины, Белоруссии, Прибалтики имелись свои особенности работы органов НКГБ. После освобождения этих территорий правоохранительные органы были вынуждены вести борьбу с национальными сепаратистами, ушедшими в подполье. В тылу советских войск националисты вели диверсионную работу на стратегических объектах, убивали представителей власти, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и т.п.

В конце 1944 г. – начале 1945 г. на Украине, в Белоруссии, Литве и Латвии существовали многочисленные, хорошо вооруженные (при помощи гитлеровцев) националистические повстанческие формирования. Поэтому к операциям по их ликвидации приходилось привлекать регулярные части Красной армии, войска НКВД и «Смерш». Для уничтожения малочисленных формирований организовывались оперативные группы, возглавляемые сотрудниками НКГБ. Только за год (с февраля 1944 г. по февраль 1945 г.) в западных областях Украины было проведено 9 508 чекистско-войсковых операций, во время которых было ликвидировано 73 333 чел., захвачено 93 965 чел. [10, с. 114].

Война обострила ограниченность ресурсов (не хватало рабочей силы, продовольствия, времени и т.д.), что усиливало и до того накопившиеся в советском обществе социальные и национальные противоречия, на фронтах имели место ошибки, бездействие и преступная халатность командиров различного звена, что также могло сказаться на состоянии обороны страны. Чтобы не допустить организованных выступлений против советской власти и роста социальной напряженности, органам власти и военного управления была необходима достоверная, своевременная и полная информация. Поэтому одной из важных задач для НКВД и НКГБ стал сбор данных в отношении событий или процессов, представляющих угрозу безопасности страны, и последующее информирование органов власти и военного управления [12, с. 26]. В общем виде порядок информирования властных инстанций выглядел следующим образом: материалы, подготовленные городским и районными подразделениями УНКВД-УНКГБ, направлялись в адрес республиканского, областного или краевого управления, а также в адрес первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б). Управление подготавливало на их основе спецсообщения, направляемые одновременно в центральный аппарат указанного ведомства и первому секретарю обкома (крайкома) партии. После этого партийные комитеты предпринимали конкретные меры по устранению выявленных недостатков, минимизации негативных последствий и пр. [11, с. 8-10].

При всем этом следует отметить, что правоохранительная деятельность НКВД и НКГБ в годы войны осуществлялась в основном в рамках охранительных правоотношений. Она должна была соответствовать принципам, лежащим в основе охранительных отношений. Однако в силу тоталитарности Советского государства и чрезвычайной ситуации многие принципы действовали не в полной мере или формально. В частности, принцип согласования личных и общественных интересов практически не действовал, так как главной целью Советского государства в годы войны была победа над вероломным врагом, в связи с этим общественные интересы вышли на первый план, а личные интересы советских граждан стали второстепенными для государства. Принцип многовариантности решения в годы войны также реализовывался не в полной мере в связи с введением военного положения, повлекшего недостаточность времени, материальных средств, профессиональных кадров и т.п.

* Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 235.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в годы Великой Отечественной войны органы НКГБ часто привлекались для решения не свойственных им задач, в том числе для контроля особыми отделами НКГБ за действиями командования, борьбы с дезертирством и т.д. Территориальные органы НКГБ активно участвовали в перестройке экономики страны на военный лад, совместно с администрацией предприятий принимали меры по выполнению оборонных заказов. Привлечение органов НКГБ было вынужденной мерой, призванной компенсировать неэффективность работы в экстремальных условиях других структур государственного аппарата. Однако в ходе реализации этих задач органы государственной безопасности нередко использовали репрессивные методы, добивались выполнения поставленной цели под угрозой привлечения граждан к уголовной ответственности.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны происходили структурные изменения в НКВД и НКГБ, вызванные потребностями военного времени и новыми задачами, обозначенными перед наркоматом.

Как уже отмечалось, с первых дней войны заметно активизировалась деятельность диверсантов, шпионов, агентов немецкой разведки, в том числе подготовленных еще до войны на самой территории Советского Союза. Их задачами были скрытый сбор информации в тылу Красной армии, распространение заведомо ложных слухов, передача командованию частей Красной армии ложных приказов и сообщений посредством проводных линий связи и радиостанций; создание агентами повстанческих и антисоветских групп в тылу страны [5, с. 56].

В целях эффективной борьбы с данными преступными явлениями СНК СССР 24 июня 1941 г. были приняты специальные постановления «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами противника в прифронтовой полосе» [13, с. 124] и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» [14, с. 17].

В силу этих нормативно-правовых актов при городских и районных отделах НКВД были созданы истребительные батальоны. В компетенцию последних входило выполнение широкого круга задач, а именно: они осуществляли охрану промышленных предприятий, железнодорожных сооружений, электростанций, мостов, водокачек и других важных народнохозяйственных объектов; находили и обезвреживали вражеских парашютистов и диверсантов, поддерживали контакты с местным населением.

К концу июля 1941 г. в стране было сформировано 1 755 истребительных батальонов общей численностью 328 тыс. чел. Кроме того, были организованы группы содействия истребительным батальонам численностью свыше 300 тыс. чел. [9, с. 98].

Руководили деятельностью истребительных батальонов штабы истребительных батальонов, сформированные НКВД СССР, НКВД союзных и автономных республик, при УНКВД краев и областей. Повсюду организовывались оперативные группы с целью руководства истребительными батальонами при НКВД-УНКВД.

Штабы истребительных батальонов находились при районных отделениях милиции. Начальниками батальонов в большинстве случаев были назначены начальники городских отделений милиции, а в районах области – соответствующие начальники и заместители начальников районных отделений НКВД. Очевидно, определяя название должности «начальник истребительного батальона», компетентные органы исходили из того, что, во-первых, указанные формирования создавались при органах внутренних дел для выполнения специальных задач; во-вторых, они являлись воинскими формированиями; в-третьих, органы внутренних дел возглавляли «начальники», а не «командиры». Однако впоследствии в практику вошло название «командир истребительного батальона», что зафиксировано в последующих ведомственных актах.

Были определены принципы комплектования личным составом истребительных батальонов. Они комплектовались из числа прошедших проверку, смелых, самоотверженных и исполнительных коммунистов и комсомольцев, советских активистов, владеющих оружием. Бойцы батальонов действовали без отрыва от постоянной работы, что под-

тверждает не государственный, а общественный характер истребительных батальонов. Однако в период войны возникла необходимость во многих субъектах страны перевести истребительные батальоны на казарменное положение [13, с. 122]. Постановлениями ГКО от 24 июля 1941 г. № 260 и № 261, объявленными приказом НКВД СССР от 27 июля 1941 г., личный состав истребительных батальонов был переведен на казарменное положение [13, с. 130]. При переводе на казарменное положение сохранялась среднемесячная заработная плата, выплачиваемая бойцам по месту работы, а с 10 апреля 1942 г. истребительные батальоны, находящиеся на казарменном положении, переводились на денежное и материальное обеспечение по системе НКВД [13, с. 132]. Данные нормативно-правовые акты закрепили государственный статус истребительных батальонов в годы войны.

В связи с необходимостью улучшения качества следственной работы при отделах контрразведывательного, секретно-политического, экономического и транспортного управлений и при оперативном отделе ГУЛАГа НКВД СССР, были созданы следственные отделения или группы при отделах контрразведывательного, секретно-политического, экономического и транспортного управлений и при оперативном отделе ГУЛАГа НКВД СССР.

Для расследования сложных уголовных дел была создана следственная часть НКВД СССР, в состав которой входили наиболее квалифицированные следователи.

В годы войны многие новые структурные подразделения НКВД создавались в процессе реорганизации существовавших правоохранительных органов. Так, Управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо значимых предприятий промышленности и Управление конвойных войск НКВД СССР были преобразованы в Главное управление внутренних войск. Четвертый специальный отдел НКВД СССР был создан из Особого технического бюро НКВД СССР и отделений оперативной техники. Главное управление лагерей горно-металлургической и топливной промышленности было создано на базе действовавших управлений лагерей горно-металлургических предприятий, лагерей топливной промышленности, лагерей черной металлургии.

Хозяйственное управление, отдел кадров, Первый специальный отдел были сформированы в результате объединения соответствующих отделов бывшего НКВД СССР и бывшего НКГБ СССР.

Управление учебных заведений было ликвидировано, его функции переданы отделу кадров. Функции особого отдела войск НКВД были переданы Управлению особых отделов НКВД СССР, а сам отдел расформировали.

В связи с развернувшимся масштабным оборонным строительством в структуре НКВД СССР приказом НКВД СССР от 23 августа 1941 г.* создается Главное управление оборонительных работ. Уже в 1941 г. в строительстве оборонительных сооружений на Украине участвовало свыше 2 млн, в Ленинграде и его окрестностях – около 500 тыс. чел., в Москве – около 600 тыс. чел. Всего в строительстве оборонительных рубежей летом и осенью 1941 г. было задействовано около 10 млн чел. [2, с. 173].

В связи с необходимостью оперативного выявления шпионов, террористов, диверсантов, дезертиров и других лиц, занимающихся подрывом боеспособности Красной армии и Военно-морского флота, Директивой НКВД СССР от 5 июля 1942 г. была произведена реорганизация Управления особых отделов. В войсках было создано 12 таких отделов.

В силу того что на НКВД СССР Постановлением ГКО от 30 января 1943 г. были возложены функции по строительству, восстановлению, эксплуатации обслуживания и охране всех магистральных линий, использовавшихся для правительственной ВЧ-связи между Ставкой Верховного главнокомандования и штабами фронтов и армий, было образовано Управление войск правительственной связи как одно из подразделений в структуре Главного управления внутренних войск [11, с. 318-319].

* Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 387.

С началом Великой Отечественной войны расширяются масштабы уголовных репрессий прежде всего в отношении членов семей лиц, совершивших преступления против государства, а также в отношении некоторых народностей, выселяемых в отдаленные районы на востоке нашей страны. Возникла необходимость регулировать эти процессы, с этой целью и была создана специальная организационная структура, в результате работы которой к 1 июля 1944 г. на учете отдела спецпоселений НКВД СССР состояло 2 225 000 чел. [7, с. 154].

Кроме того, создается структурное подразделение по делам военнопленных, так как к середине 1943 г. эта проблема стала уже вполне актуальной. Это нашло свое отражение в происшедших изменениях в Центральном аппарате НКВД СССР: численность сотрудников Управления по делам военнопленных НКВД СССР (в январе 1945 г. оно было преобразовано в Главное управление) за два года (1943-1945 гг.) была увеличена со 100 до 300 чел.*.

Таким образом, в годы войны НКВД и НКГБ подверглись значительным как организационным, так и структурным изменениям. Это было обусловлено требованиями военного времени. Помимо охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, приобретающих в условиях войны особое значение, НКВД и НКГБ выполняли ряд специальных задач, связанных с новой политической и военно-хозяйственной обстановкой. В частности, на территориях, находящихся в непосредственной близости от театра боевых действий, на блокадных и освобожденных территориях основные усилия НКВД и НКГБ были направлены на охрану тыла фронтов, вооруженную борьбу с вражескими парашютистами, диверсантами, шпионами; борьбу с мародерством, паникерством и распространителями всякого рода провокационных слухов и измышлений; осуществление наблюдения за точным и неуклонным выполнением приказов военных властей и т.д.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 33.
2. Великая Отечественная война. 1941-1945 гг.: энциклопедия. М., 1985.
3. Грищенко В.В. К вопросу об обеспечении законности и правопорядка при охране объектов государственной важности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 7.
4. Демидов А.М. Деятельность органов государственной безопасности в сфере экономики в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. М., 2001.
5. Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. М., 1981.
6. Коровин В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003.
7. Кузнецова О.А., Нестеров С.В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 12 (140).
8. Лысенков С.Г., Дубовицкая Н.В. Правовое обеспечение деятельности внутренних войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной. К 200-летию образования внутренних войск МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 50.
9. Некрасов В.Ф. На страже интересов Советского государства. М., 1983.
10. Овченко Ю.Ф. Операция «Мотря»: борьба с националистическим подпольем // Исторические чтения на Лубянке. М., 2003.
11. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Кн. вторая: От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). М.: Русь, 2003.
12. Першин К.В. Участие структур НКВД–НКГБ в информационном обеспечении органов власти и военного управления в 1941-1942 гг. (на примере Сталинградской области) // Апробация. 2014. № 5.
13. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999.
14. СССР в Великой Отечественной войне (1941-1945). Хроника. М., 1970.

* Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 211.

УДК 342.518

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Сергей Владимирович Гунич**, старший преподаватель кандидат
юридических наук;**Дмитрий Алексеевич Баринов**, начальник кафедры кандидат
юридических наук, доцент

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: sertylio@mail.ru

bardmal@mail.ru

В статье проводится анализ места и роли органов внутренних дел в системе федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Авторы констатируют отсутствие в современном законодательстве рациональной и понятной для общества структуры их организации. Высказываются предложения по совершенствованию функционального их построения в рамках триады «министерство – служба – агентство».

Ключевые слова: исполнительная власть; органы внутренних дел; полиция; система; структура; министерство; служба; агентство.

**CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF THE AGENCIES
OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION****Sergey Vladimirovich Gunich**, senior lecturer *kandidat nauk*, degree in Law;**Dmitrii Alekseevich Barinov**, chair head *kandidat nauk*, degree in Law,

Associate Professor

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article analyzes the place and role of the agencies of internal affairs in the system of the federal organs executive power of the Russian Federation. The Authors demonstrates the absence in the modern legislation the organization their structure at rational and comprehensible for society. The Author offers the measures for improvement of their functional building within the triad «a ministry – a service – an agency».

Keywords: executive power; agencies of internal affairs; the police; system; structure; a ministry; a service; an agency.

Ключевой задачей развития конституционализма выступает формирование рациональной системы органов власти и управления. В современной России большое внимание при этом уделяется институтам гражданского общества, деятельность которых призвана осуществлять общественный контроль над функционированием отдельных элементов этой системы. В частности, многие авторы отмечают, что обеспечению принципов и требований законности, созданию необходимых условий для эффективного участия институтов гражданского общества в разработке и реализации основных направлений государственной политики в области внутренних дел с учетом потребностей и интересов граждан, обеспечению защиты их прав и свобод, совершенствованию

взаимодействия ОВД Российской Федерации с общественными объединениями, дальнейшей реализации согласованной политики в области формирования у граждан объективной оценки деятельности МВД России и его территориальных органов будет способствовать создание новых институтов взаимодействия ОВД с гражданским обществом [6, с. 127].

Так, в ходе реформы органов внутренних дел Российской Федерации законодательное закрепление получило развитие системы общественных советов, призванных обеспечить согласование общественно значимых интересов различных субъектов правоотношений в сфере внутренних дел. Основной же целью проведенной реформы, получившей отражение в принятых законах и подзаконных актах, являлось построение не только эффективной, но и понятной для общества системы и структуры данных органов. Представляется, что именно этот фактор способен обеспечить полноценную реализацию принципа общественного доверия и поддержки граждан, а также открытости и публичности их деятельности.

Полученный результат можно оценить, проведя анализ соответствующих нормативных правовых актов. Отметим, что гражданам, не обладающим определенными юридическими познаниями, самостоятельно, без привлечения квалифицированных специалистов, разобраться в системе органов внутренних дел представляется весьма затруднительным. Небезосновательно можно предположить, что отчетливо представить ее сложно и самим сотрудникам этих органов. На практике они чаще ограничиваются лишь выстраиванием системы подчинения для того или иного сотрудника, куда включается непосредственный начальник, руководитель территориального органа и министр внутренних дел Российской Федерации.

В вопросе же соотношения тех или иных составных частей территориальных органов с подразделениями полиции, кажется, способны запутаться и сами законодатели. Так, например, на практике к полиции причисляются сотрудники кадровых, воспитательных и иных обслуживающих деятельность органов внутренних дел подразделений. Хотя соответствующие задачи на полицию не возлагаются [2]. Общее же изобилие бланкетных и отсылочных норм в правовых актах, регламентирующих данный вопрос, способно свести на нет любую попытку разобраться в их системе и структуре. Здесь же следует отметить и противоречие их друг другу, а также общим конституционным принципам.

Так или иначе, можно констатировать, что органы внутренних дел представляют собой структуру федеральных органов исполнительной власти, включающих в себя полицию и входящих в единую централизованную систему Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). К ним относятся: центральный аппарат МВД России, территориальные органы МВД России, образовательные учреждения, научно-исследовательские, медико-санитарные и санаторно-курортные организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, представительства МВД России за рубежом, а также иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления возложенных на органы внутренних дел полномочий [1].

Как видно, определить место и роль здесь полиции оказывается сложнейшей задачей. Тем не менее, представляется, что именно сотрудники полиции составляют основу данных органов. Также отсюда можно заключить, что перечисленные подразделения являются структурными подразделениями МВД России. То же можно отнести и к полиции, которая является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел [8]. Однако четкого указания места полиции в системе государственной власти, как частично уже было показано, законодательство не содержит. Для его определения, как представляется, необходимо обратиться к конституционным положениям построения системы федеральных органов исполнительной власти. Отметим, что на первоначальных этапах реформы ор-

ганов внутренних дел от идеи формирования региональных и муниципальных сил охраны правопорядка в России отказались.

Согласно Конституции Российской Федерации, полномочия по установлению системы федеральных органов исполнительной власти, порядка их организации и деятельности находятся в пределах исключительного ведения Российской Федерации и реализуются путем принятия федеральных конституционных и федеральных законов, имеющих прямое действие на всей ее территории [4]. Однако в случае отсутствия соответствующего закона, как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, данный вопрос может быть разрешен Президентом Российской Федерации путем издания указа [13]. Конституционный Суд указал, что при регулировании данной сферы необходимо исходить из понимания системы как определенных видов федеральных органов исполнительной власти, а структуры – как перечня конкретных органов, входящих в эту систему. Логично предположить, что виды и перечень органов внутренних дел также будут определяться в данных нормативных правовых актах.

Действующая система федеральных органов исполнительной власти установлена Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и включает в себя федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства [9]. Анализ перечня органов, раскрывающих данную систему, позволяет отнести к органам внутренних дел лишь Министерство внутренних дел Российской Федерации [12]. Федеральных служб и федеральных агентств оно в своем ведении не имеет. Следовательно, исходя из буквального толкования вышеприведенных положений, полиция является составной частью данного министерства, о чем лишние раз свидетельствуют и соответствующие положения законодательства. Таким образом, очевидно, что полиция выполняет присущие Министерству внутренних дел функции.

Для их анализа обратимся к уже упомянутому указу Президента РФ, который, как следует из предыдущих рассуждений, является родовым в вопросе функционирования федеральных органов исполнительной власти. В нем четко закреплено, что федеральное министерство:

- осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности;
- самостоятельно осуществляет правовое регулирование в установленной сфере деятельности;
- осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении федеральных служб и федеральных агентств;
- не вправе осуществлять функции по контролю и надзору, а также функции по управлению государственным имуществом в установленной сфере деятельности, за исключением случаев, устанавливаемых указами Президента РФ или постановлениями Правительства РФ.

На последнем полномочии, точнее, его отсутствии, хотелось бы сосредоточить особое внимание. Для целей данного указа под функциями по контролю и надзору понимаются:

- осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных законодательством и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения;
- выдача разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) конкретных действий юридическим лицам и гражданам;
- регистрация актов, документов, прав, объектов, а также издание индивидуальных правовых актов.

Под функциями по управлению государственным имуществом понимается осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, феде-

ральным казенным предприятиям и государственным учреждениям, подведомственным федеральному агентству, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ.

Таким образом, можно заключить, что если возможность совершения данных действий исключена из сферы полномочий федерального министерства и Министерства внутренних дел, в частности, то она не присуща и его составной части – полиции. Однако в соответствии с законодательством на полицию возлагаются, например, такие обязанности, как:

- возбуждать уголовные дела, производить дознание по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым не обязательно, осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, что, как известно, сопровождается изданием индивидуальных правовых актов;

- осуществлять государственный контроль (надзор) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения;

- выдавать гражданам и организациям лицензии и разрешения в сфере оборота оружия, осуществления частной детективной (сыскной) и охранной деятельности;

- осуществлять контроль за деятельностью частных детективов и частных охранных организаций;

- осуществлять контроль (надзор) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом запретов и ограничений и т.п.

Также установлено, что являющиеся федеральной собственностью и используемые полицией земельные участки находятся в постоянном (бессрочном) пользовании, а здания, сооружения, оборудование и другое имущество – в оперативном управлении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Все это явно выходит за пределы полномочий министерства как разновидности федеральных органов исполнительной власти вообще, Министерства внутренних дел в частности, а следовательно, и любых составных его частей. Тем не менее, для федеральной службы установлена следующая компетенция:

- осуществление функций по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, а также специальных функций в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации, борьбы с преступностью, общественной безопасности;

- издание в пределах своей компетенции индивидуальных правовых актов на основании и во исполнение федерального законодательства, актов Президента РФ и Правительства РФ, нормативных правовых актов федерального министерства, осуществляющего координацию и контроль деятельности службы, и др.

Из приведенного перечня следует, что полиция должна обладать статусом федеральной службы, находящейся в ведении Министерства внутренних дел. В поддержку такого вывода можно привести и тот факт, что в существующих условиях в территориальных органах МВД России на уровне субъектов Российской Федерации проявляется некоторая несогласованность при организации системы подчинения их сотрудников. Так, в состав органов внутренних дел входит следственный департамент, а также иные следственные подразделения, осуществляющие уголовное судопроизводство. На местах же складывается система подчинения во главе с руководителем территориального органа, который на деле осуществляет функции по руководству полицией в пределах подведомственной территории. Таким образом, поскольку производство предварительного следствия по уголовным делам полицией не осуществляется [8], следственные подразделения территориального органа внутренних дел выпадают из сферы компетенции его руководителя, который к тому же не имеет и законодательно определенного процессуального статуса [14].

Кроме того, неясным представляется правовой статус и одного из заместителей руководителя территориального органа внутренних дел – начальника полиции [7]. Из уже сказанного и анализа соответствующих полномочий вытекает, что фактическое руководство деятельностью полиции на определенной территории осуществляется самим руководителем территориального органа внутренних дел. Следовательно, в подобной организации системы подчинения можно усмотреть не только дублирование управленческих полномочий, но и некоторое противоречие законодательно закрепленному принципу единоначалия на службе в органах внутренних дел [11].

Все это приводит к запутыванию системы управления, а также к необоснованному росту руководящего аппарата на фоне сокращения общей численности сотрудников низового (исполнительского) звена органов внутренних дел. Данная проблема получила освещение и на расширенном заседании коллегии МВД России, прошедшем 8 февраля 2013 г. Так, было отмечено «снижение эффективности работы отдельных служб и подразделений на районном уровне, вызванное организационно-штатными и структурными изменениями, существенным сокращением личного состава, неравномерностью нагрузки на руководителей органов внутренних дел, прежде всего на местах»*.

В связи с этим в качестве одного из направлений совершенствования организационной структуры органов внутренних дел можно рассмотреть возможность передачи полномочий по производству предварительного следствия по подведомственным делам Следственному комитету Российской Федерации. Подобные меры будут способствовать объединению в рамках единого федерального государственного органа функции осуществления уголовного судопроизводства в соответствии с его предназначением [10]. Это позволит в большей степени сосредоточить усилия органов внутренних дел, а фактически уже полиции, на выполнении функций, присущих сфере внутренних дел, а не замыкаться лишь на успешности осуществления уголовного преследования.

Думается, что это внесет организационную ясность и благотворно скажется на адекватности формирования общественного мнения о деятельности полиции, что является одним из основных критериев официальной оценки их деятельности. Кроме того, это позволит исключить возможность как манипулирования статистикой, так и необоснованного отказа в производстве неотложных следственных действий. К сожалению, подобные факты все еще встречаются на практике, что объясняется неверной квалификацией совершенного преступного деяния, и, как следствие, наблюдается затягивание сроков предварительного расследования в связи с передачей соответствующих материалов по подследственности.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на общую положительную оценку проведенной реформы органов внутренних дел, тщательный ее анализ позволяет выявить некоторую бессистемность принимаемых политически властных решений. Существующая система организации не только не приближает их к нуждам населения, но и путем окончательного запутывания сводит на нет все усилия по внедрению института общественного контроля за деятельностью соответствующих подразделений и служб. Данная цель, тем не менее, ставилась во главу угла проведенного реформирования.

Как отметил Д.А. Медведев – инициатор данной реформы, «Российское государство прилагает значительные усилия к совершенствованию системы исполнительной власти в Российской Федерации и повышению эффективности ее функционирования. Не случайно одним из приоритетных направлений административной реформы, проводившейся в нашей стране начиная с 2004 г., стал переход от отраслевого принципа построения системы федеральных органов исполнительной власти к функциональному. Однако сделать это безупречно не удалось. Далеко не во всех сферах управления государственные функции удалось распределить в рамках триады «министерство – служба – агентство» [5].

* URL:<http://www.kremlin.ru/news>

Исходя из сказанного, представляется целесообразным, применительно к рассматриваемой сфере, на законодательном уровне наделить полицию самостоятельным статусом федеральной службы с закреплением за ней соответствующих полномочий. При этом, учитывая наметившуюся в последнее время тенденцию образования «иных полиций» (военная, экологическая, полиция нравов и т.п.), необходимо в составе органов внутренних дел выделить несколько видов федеральных служб, реализующих государственную политику и осуществляющих правовое регулирование в самостоятельных сферах деятельности. Примером могут послужить образование Федеральной службы общественной (гражданской) полиции, Федеральной службы дорожной полиции, Федеральной службы транспортной полиции и т.п.

Также необходимо завершить процесс создания единой системы государственной службы, для чего потребуются введение в действие Федерального закона «О правоохранительной службе», необходимость принятия которого обсуждается с 2004 г. Сотрудники органов внутренних дел, таким образом, на основании данного закона будут замещать должности государственной правоохранительной службы, что позволит им в большей степени включиться, например, в механизм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [3, с. 15-17]. Пока же, к сожалению, в законе даже нет указания на то, что полиция является правоохранительным органом.

В целом подобная модель функционирования, как представляется, позволит избавить законодательные акты от излишней регламентации деятельности сотрудников органов внутренних дел. Такое предельно детализированное регулирование характерно для актов регламентарного и инструктивного характера. Думается, что соответствующие правила должны получать закрепление в правовых нормах подзаконного характера, а не выступать предметом рассмотрения в парламенте государства.

Кроме того, учитывая, что деятельность органов внутренних дел непосредственно касается прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, система их организации, безусловно, должна быть доступна для понимания не только юристов и управленцев, но и широких слоев населения. Граждане должны понимать, что собой представляет система органов внутренних дел, на какую помощь они могут рассчитывать, что, наконец, им придется оценивать. Без знания места и роли каждого конкретного подразделения в общей массе их организации, порядка их подчинения и характера возлагаемых на них задач, сделать это будет весьма затруднительно. Предлагаемое функциональное разделение должно помочь им в этом разобраться.

Сказанное позволит выстроить прозрачную систему организации органов внутренних дел, четко определить их статус в системе государственных органов исполнительной власти, адекватно определить правовое положение их сотрудников и т.п. Основным же результатом, как ожидается, будет заключаться в максимальной понятности порядка их организации и деятельности для граждан, а следовательно, и открытости для различных форм общественного контроля. Все это позволит в действительности обеспечить доверие и поддержку граждан, а общественное мнение будет способно стать реальным критерием официальной оценки их деятельности. Таким образом, органы внутренних дел Российской Федерации в действительности приобретут социально ориентированный облик и в большей степени будут соответствовать характеру правового демократического государства.

Литература

1. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 (в ред. от 12.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1334.
2. Вопросы организации полиции: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 250 (в ред. от 27.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1336.

3. Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6.
4. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Медведев Д.А. 20 лет: путь к осознанию права // URL: <http://www.rg.ru/2013/12/10/medvedev.html>
6. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие / под ред. Д.А. Барина. Хабаровск, 2014.
7. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 249 (в ред. от 20.01.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1335.
8. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
9. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 (в ред. от 22.06.2009) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.
10. О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
11. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.
12. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 (в ред. от 21.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 22. Ст. 2754.
13. По делу о толковании ст. 71 (п. «г»), 76 (ч. 1) и 112 (ч. 1) Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 866.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 14.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

УДК 343.137.9

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
И ИСПОЛНЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ОБВИНЯЕМЫМ**

Андрей Германович Вениаминов, старший преподаватель Российского государственного социального университета кандидат юридических наук

E-mail: VeniaminovAG@rgsu.net

Статья посвящена актуальным вопросам, возникающим в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором. Раскрыты порядок заключения соглашения, обязательства сторон, а также вопросы выделения в отдельное производство уголовного дела. Особое внимание автором уделено проблеме возможного сообщения обвиняемым ложных сведений с целью минимизировать наказание за совершенные преступления. Оспорено положение, обязывающее заключившего досудебное соглашение обвиняемого полностью соглашаться с предъявленным обвинением.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; прокурор; предъявление обвинения; судебное разбирательство; выделение в отдельное производство; обвиняемый; ложные сведения.

**ACTUAL QUESTIONS OF CONCLUSION
AND EXECUTION OF PRETRIAL AGREEMENT
ON COOPERATION WITH THE ACCUSED**

Andrey Germanovich Veniaminov, senior lecturer of the Russian State social University *kandidat nauk*, degree in Law

The article deals with actual questions of the conclusion of pretrial agreement on cooperation between the accused and the prosecutor. The order of conclusion the agreement, the obligations of the parties, allocation in separate proceeding are covered. The author paid special attention to the problem of probable lie by the accused to minimize his future punishment for the committed crimes. The provision of admit guilt by the accused, concluded pretrial agreement on cooperation, is challenged.

Keywords: pretrial agreement on cooperation; the prosecutor; accusation; trial; allocation in separate proceeding; the accused; false information.

Главой 40.1 УПК РФ в российское уголовное судопроизводство введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого с прокурором, который является отечественным аналогом получившей распространение в законодательстве многих государств так называемой сделки о признании.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) [9] указывалось, что в целях раскрытия и расследования «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений, чрезвычайно важно предоставлять правоохранитель-

ным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Как видно из логики законодателя, сотрудничество обвиняемого с прокурором должно применяться избирательно, с учетом правовой и фактической сложности уголовного дела, количества эпизодов и лиц, подлежащих уголовной ответственности, тяжести совершенных ими преступлений. Представляется, что в простых, очевидных уголовных делах соглашение с преступником неприемлемо, поскольку какого-либо значения для расследования сообщенные им сведения не имеют. В связи с этим А.С. Шаталов верно отметил, что процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве «изначально не предназначена для массового применения, но претендует на то, чтобы стать реальной мерой, направленной на борьбу с организованными формами преступности» [14, с. 36]. Аналогичный вывод подтверждают и научные исследования по данной проблематике [6].

Досудебное соглашение о сотрудничестве, согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, определяется как соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Значение досудебного соглашения о сотрудничестве видится в создании такого механизма расследования уголовного дела, при котором в равной степени обеспечивались бы как публичные интересы государства в раскрытии преступных посягательств и привлечения к уголовной ответственности всех совершивших их лиц из числа членов организованных групп и преступных сообществ, так и права обвиняемого давать показания по существу предъявленного обвинения, участвовать в других следственных действиях в целях оказания всестороннего содействия в установлении обстоятельств уголовного дела и, как следствие, минимизировать назначение наказания за совершенные им преступления.

В силу ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в котором указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Конкретизируя указанное положение, в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» приводится примерный перечень действий, которые обязуется совершить подозреваемый, обвиняемый в целях содействия следствию: добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам, в оперативно-розыскных мероприятиях в целях предотвращения и раскрытия преступлений, а также сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имущества, добытого преступным путем, о структуре преступной организации и др.

По нашему мнению, законодателем правильно отмечено, что инициатива заключения соглашения о сотрудничестве должна исходить от самого обвиняемого, а не от стороны обвинения. Обратное ставило бы под сомнение добровольный характер указанного обвиняемым сотрудничества и не позволяло однозначно судить о наличии у него ранее не известных следствию сведений об обстоятельствах совершенных им и другими лицами преступлений.

Обязательства обвиняемого должны носить четко выраженный, определенный по объему и содержанию перечень действий, направленных на содействие обвинению в

доказывании по уголовному делу, которые он обязуется реально совершить во исполнение соглашения о сотрудничестве.

Касательно обязательств стороны обвинения, то они, по мнению ряда ученых, сводятся к разъяснению правовых последствий заключения досудебного соглашения [3, с. 50].

К обязательствам стороны обвинения по соглашению с обвиняемым могут быть отнесены также следующие действия: 1) внести в суд представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу; 2) применить в отношении подозреваемого, обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение, его близких родственников, родственников и близких лиц меры безопасности [5, с. 16-18].

Как отмечает И.Б. Михайловская, конструкция гл. 40.1 УПК РФ достаточно загадочна с точки зрения процессуальных правоотношений. В самом деле, соглашение заключается обвиняемым и прокурором, а исполнение обещанного прокурором снижения наказания зависит от суда. Другими словами, ни один из участников соглашения заведомо не имеет полномочий для выполнения взятых на себя обязательств [8, с. 16-18].

Здесь необходимо отметить, что в силу ст. 317.5 и 317.6 УПК РФ прокурор, в случае утверждения обвинительного заключения, выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания, в котором подтверждает активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, чем фактически выполняет обязательства, взятые стороной обвинения в соглашении с обвиняемым.

По смыслу ст. 317.4 УПК РФ, уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит обязательному выделению в отдельное производство в порядке п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ. Данное положение также не бесспорно, о чем указывали многие авторы [1, с. 26-30].

В связи с этим логично поднять вопрос об объективности раздельного рассмотрения судами уголовных дел в отношении заключившего досудебное соглашение лица и остальных его соучастников. Ведь в данном случае у одного и того же лица во взаимосвязанных между собой уголовных делах возникает разный процессуальный статус, а следовательно, и различный интерес в их исходе, что не может не влиять на соблюдение законности при рассмотрении данных дел в суде.

О.Н. Тиссен справедливо указывает, что абсолютное большинство уголовных дел, выделенных в отдельное производство в порядке гл. 40.1 УПК РФ, направляются в суды для рассмотрения по существу ранее основного дела. Это обусловлено стремлением органов предварительного следствия усилить доказательства виновности соучастников субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве преюдициальным значением вступившего в законную силу приговором суда [11, с. 67-69].

Ввиду необходимости выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, ряд авторов справедливо замечают, что в «своем деле» таковое лицо является подсудимым, а по «другому делу», находящемуся на стадии предварительного расследования, – свидетелем [10].

Логично предположить, что заключивший досудебное соглашение обвиняемый может приукрасить роли в совершении преступления своих соучастников, а свое участие, наоборот, существенно приуменьшить (показать, например, о своей роли как пособника, а не организатора или исполнителя преступления). В таком случае органы предварительного следствия, доверяя обвиняемому, выдвигают в отношении его обвинение в совершении преступления в соучастии с лицами, в отношении которых он дает такие «изобличающие» показания. Прокурор, заключивший досудебное соглашение с таким обвиняемым, утверждает в отношении его обвинительное заключение, а суд на основании представления прокурора выносит приговор в порядке ст. 316 УПК РФ без исследования доказательств, не давая в связи с этим какой-либо оценки фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Как мы уже отмечали выше, в указанной ситуации разрывается единая система доказательств по уголовному делу, рассматриваемому, по сути, разными судебными составами в отношении разных обвиняемых. Как известно, закрепленный в Конституции РФ и других законодательных актах принцип независимости судей предполагает самостоятельный подход к вынесению итогового процессуального решения по делу, которое принимается ими по своему внутреннему убеждению. Но после вступления в законную силу приговора в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, установленные им обстоятельства, в силу ст. 90 УПК РФ, должны приниматься без дополнительной проверки другим судом, рассматривающим «основное дело» в отношении остальных фигурантов дела.

Создание таким путем преюдиции существенно нарушает права других обвиняемых по уголовному делу, которое еще по существу судом не рассмотрено. Ведь лица, чья вина еще в установленном законом порядке не доказана, в другом приговоре выступают в качестве соучастников осужденного, где их действиям, по сути, уже дана и правовая, и фактическая оценка, что может повлечь вынесение в отношении их незаконного, необоснованного и несправедливого приговора.

В связи с этим Д.В. Дробинин считает, что «представляется более правильным рассмотрение общего уголовного дела ранее выделенного: это не только исключит предрешение вопроса о виновности, но и позволит полнее оценить вклад согласившегося на сотрудничество обвиняемого в раскрытие других преступлений и изобличение других лиц» [7, с. 29].

Отсюда объяснимо будет стремление обвиняемого надлежащим образом исполнить свои обязательства по досудебному соглашению о сотрудничестве и на основании этого обеспечить в последующем назначение себе минимального наказания.

Согласно ст. 317.5 УПК РФ, в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение, должны быть исследованы характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, исследованы преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым, и другие обстоятельства.

В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», проверяя указанные выше обстоятельства, суд исследует не только имеющиеся в уголовном деле материалы (справки, заявление о явке с повинной, протоколы и копии протоколов следственных действий и т.д.), но и иные представленные сторонами документы, в том числе относящиеся к другим уголовным делам, возбужденным в результате сотрудничества с подсудимым (материалы оперативно-розыскной деятельности, материалы проверки сообщения о преступлении, копии постановлений о возбуждении уголовного дела и (или) о предъявлении обвинения, копии протокола обыска, документа, подтверждающего факт получения потерпевшим похищенного у него имущества, и др.).

При этом неизбежно также встает вопрос об истинном характере сообщенных обвиняемым сведений, о возможном оговоре и заведомо ложном доносе на других лиц в совершении как связанных, так и не связанных с расследуемым уголовным делом преступлений. На практике широко распространены случаи, когда с учетом сообщенных обвиняемым сведений следственным органом возбуждаются и расследуются другие уголовные дела, которые приводятся в представлении прокурора как результат выполнения обвиняемым соглашения о сотрудничестве.

В силу ст. 317.8 УПК РФ, если после назначения подсудимому наказания в соответствии с положениями гл. 40.1 УПК РФ будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные

сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разд. XV УПК РФ.

Согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16, если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности, или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке.

Однако ни положения гл. 40.1 УПК РФ, ни упомянутое постановление Пленума Верховного Суда РФ не дают четкого ответа на вопрос о том, как суд должен оценивать материалы возбужденных уголовных дел в контексте оказания подсудимым содействия органам предварительного расследования. Ведь сами факты возбуждения уголовного дела, а равно получения в ходе его расследования тех или иных доказательств, еще не означают достоверность показаний подсудимого, положенных в основу досудебного соглашения о сотрудничестве, а значит, и не подтверждают надлежащее исполнение им условий такого соглашения.

Не ясно, как поступать суду первой инстанции на момент вынесения приговора в порядке ст. 317.7 УПК РФ, если уголовные дела, возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым, в свою очередь, сами не рассмотрены судом, а значит оценка показаний последнего и других производных от них доказательств еще по существу не дана? В связи с этим рассматривающий уголовное дело суд в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не может достоверно оценить степень оказанного таким лицом содействия, а значит, вынести законный приговор и назначить такому лицу справедливое наказание.

Приведем следующий пример. Следственными органами УФСКН России по Республике Татарстан К. обвинялся в серии преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В ходе расследования уголовного дела с К. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве с прокурором, в ходе которого обвиняемый взял на себя обязательства среди прочего сообщить об известных ему фактах противоправной деятельности ряда должностных лиц органов МВД.

В отношении К., полностью признавшего свою вину в совершении инкриминируемых преступлений, судом в порядке ст. 317.7 УПК РФ постановлен обвинительный приговор без исследования доказательств по делу. В представлении прокурора о выполнении К. условий досудебного соглашения помимо прочего приводились сведения о возбужденном уголовном деле в отношении работников полиции. После дачи К. показаний о таких фактах органами Следственного комитета в отношении сотрудников МВД возбуждено уголовное дело по факту превышения ими своих должностных полномочий.

При постановлении приговора суд фактически ограничился повторением доводов прокурора, однако какие-либо материалы уголовного дела в отношении должностных лиц МВД в следственном органе СК России не запрашивал, показания К. и другие следственные действия с его участием не исследовал, оценку им ввиду продолжающегося на тот момент расследования не давал.

Примечательно, что после вступления в законную силу приговора в отношении К. и назначения ему наказания в соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ от показаний в отношении сотрудников полиции он отказался*.

* URL: <http://tatarstan.sledcom.ru>

Указанный пример как нельзя лучше демонстрирует недопустимость превращения института досудебного соглашения о сотрудничестве в инструмент манипулирования правосудием со стороны обвиняемого, желающего под видом содействия расследованию облегчить свое положение.

Ряд авторов полагают, что для пресечения таких фактов должны предусматриваться определенные механизмы ответственности, например, введение в УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства оговора заведомо невиновного лица в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве [2, с. 33-35].

Содействие обвиняемого органам предварительного расследования должно реально способствовать выявлению ранее неизвестных обстоятельств совершенных преступлений, установлению всех причастных к ним лиц, розыску и нахождению похищенного имущества, выражаться не только в даче каких бы то ни было абстрактных «изобличающих» показаний, но в действенном сотрудничестве, активном участии в следственных действиях и формировании доказательств, подтвержденных совокупностью иных данных по уголовному делу. Вместе с тем закрепленный в УПК РФ институт досудебного соглашения о сотрудничестве содержит также положения, которые должным образом не отвечают правам и законным интересам самого обвиняемого.

Нельзя не согласиться с Е.Л. Федосеевой, полагающей, что на момент заключения досудебного соглашения не всегда можно предвидеть перечень необходимых для его реализации мероприятий, в точности определить объем того обвинения, которое может быть предъявлено лицу по результатам расследования уголовного дела. Поэтому согласившийся на сотрудничество обвиняемый должен сообщить все известные ему сведения об обстоятельствах преступления и выполнить все действия, направленные на исполнение взятых на себя обязательств, независимо от объема предъявленного ему обвинения [12].

Однако оказание содействия обвинению во исполнение досудебного соглашения вызывает для обвиняемого ряд побочных последствий, вытекающих из положений гл. 40.1 УПК РФ.

Как было указано выше, судебное разбирательство в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве с прокурором, производится в соответствии со ст. 316 УПК РФ, регламентирующей особый порядок судопроизводства.

Требования гл. 40 УПК РФ, в свою очередь, предполагают, что обвиняемый, дело которого рассматривается в особом порядке, должен согласиться с предъявленным ему обвинением, то есть фактически полностью признать себя виновным [13, с. 33-35].

Следовательно, взятые на себя обязательства по досудебному соглашению о сотрудничестве с прокурором обвиняемый обязан воспринять не только в контексте оказания полного и всестороннего содействия органам предварительного следствия, но и априори признать себя виновным во всех преступлениях, которые ему будут инкриминированы стороной обвинения.

Представляется, что обязанность совершить действия по изобличению соучастников преступления, розыску имущества, добытого преступным путем, и так далее вовсе не означает, что обвиняемый должен заведомо соглашаться с обвинением в том объеме, в котором он будет признан следователем достаточным. И хотя обязанность обвиняемого признать вину в предъявленном обвинении прямо не предписывается текстом досудебного соглашения, она фактически следует из положений гл. 40.1 УПК РФ. В противном случае, несогласие с предъявленным обвинением исключает постановление приговора в особом порядке и, как следствие, – назначение подсудимому меньшего наказания. На наш взгляд, налицо явное противоречие в законодательстве и нарушение основополагающих принципов уголовного процесса.

В контексте данной проблемы Р.А. Александров обращает внимание еще на один парадокс, когда обвиняемый вынужден соглашаться и с теми пунктами обвинения, ко-

торые ему предъявлены не только до заключения досудебного соглашения, но и после заключения такового, а также и после выполнения им всех условий данного соглашения [1].

Здесь следует согласиться с П.В. Вдовцевым, который полагает, что необходимо различать условия заключения и соблюдения досудебного соглашения о сотрудничестве и условия рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Несогласие лица с предъявленным обвинением должно служить основанием для рассмотрения уголовного дела в общем порядке, но возможность назначения ему наказания в соответствии с требованиями ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ должна сохраняться, что не должно признаваться как несоблюдение подсудимым заключенного им ранее досудебного соглашения о сотрудничестве [4, с. 108-110].

Представляется, что непризнание обвиняемым полностью или частично своей вины не должно во всех случаях рассматриваться как введение в заблуждение следствие и суд, а является реализацией его законного права на защиту. Другое дело, когда речь идет о ложном характере сведений относительно не известных следствию обстоятельств дела, непосредственно составляющих предмет досудебного соглашения о сотрудничестве. Только в этом случае может идти речь о нарушении обвиняемым условий досудебного соглашения.

Таким образом, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве должно обеспечивать оптимальный баланс соблюдения публичных интересов общества и государства в борьбе с организованной преступностью, бандитизмом и коррупцией, соблюдение прав и законных интересов обвиняемых по защите от незаконного обвинения и осуждения, а также назначение справедливого наказания соразмерно тяжести и общественной опасности совершенных преступлений.

Литература

1. Александров Р.А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смещением различных институтов «сделок с правосудием» // Российский судья. 2015. № 6.
2. Багаутдинов Ф.Н., Нафиков И.С. Актуальные вопросы реализации в уголовном судопроизводстве досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2015. № 11.
3. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения. М., 2013.
4. Вдовцев П.В. Является ли согласие обвиняемого с предъявленным обвинением условием досудебного соглашения о сотрудничестве? // Уголовное право. 2015. № 2.
5. Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором // Российский следователь. 2015. № 11.
6. Головизин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
7. Дробинин Д.В. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3.
8. Михайловская И.Б. Досудебное соглашение сторон о сотрудничестве: предмет судебной оценки по уголовному делу // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2.
9. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве)». URL: <http://base.garant.ru/5461833> (дата обращения: 15.03.2016).
10. Степаненко Д., Петровская М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Тиссен О.Н. К проблеме ограниченной преюдиции фактов, установленных в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2014. № 10.

12. Федосеева Е.Л. К вопросу о необходимости заключения с обвиняемым нового (дополнительного) досудебного соглашения о сотрудничестве. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

13. Федотова Д.В. Особенности условий применения института досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2014. № 1.

14. Шаталов А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. 2010. № 5.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ РАЗУМНОГО СРОКА И УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗУМНОГО СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Ибиамин Нуру-оглы Нуриев, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: amin-nuriev@mail.ru

В статье исследуются положения Уголовно-процессуального кодекса РФ о разумном сроке предварительного расследования. Рассматривается позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу. Особое внимание уделено содержанию понятий разумного срока и условий обеспечения его реализации. По мнению автора, в УПК РФ необходимо дать определение разумного срока, а в науку уголовного процесса ввести понятие «условия обеспечения реализации разумного срока предварительного расследования».

Ключевые слова: разумный срок; нормативно определенный срок; предварительное расследование; условия; причины; следственные действия; права.

TO THE QUESTION OF CONCEPT OF REASONABLE TERM AND THE CONDITIONS OF ENSURING THE IMPLEMENTATION OF REASONABLE TERM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Ibiamin Nuru-ogly Nuriev, post graduate of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article examines the provisions of the Criminal Procedure Code of the reasonable term of preliminary investigation. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation is studied. The special attention is paid to the content of concepts of reasonable term and conditions of ensuring its implementation. According to the author, it is necessary to open the content of the concept of reasonable term in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and it is necessary to enter the concept of "the condition of ensuring the implementation of reasonable term of preliminary investigation" into the Criminal Procedure science.

Keywords: reasonable term; standard fixed term; a preliminary investigation; conditions; causes; investigative actions; rights.

Актуальность соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования очевидна. Эта проблема приобретает с течением времени особую остроту, поскольку в правоприменительной практике не всегда обеспечивается реализация разумного срока предварительного расследования. Это неизбежно приводит к нарушению конституционных прав участников уголовного процесса. Так, согласно данным Следственного управления Управления на транспорте МВД Рос-

сии по Дальневосточному федеральному округу, удельный вес уголовных дел, окончанных в 2015 г. в сроки, свыше установленных УПК РФ, составил 18,3 % (по России – 15,7 %), что свидетельствует о наличии критической ситуации в служебной деятельности должностных лиц, о ненадлежащей организации работы руководителей следственных подразделений.

В статье 6.1 УПК РФ формулируется понятие разумного срока, устанавливаются порядок и пределы действия этой нормы. Формально-логический анализ данной нормы позволяет сформулировать некоторые вопросы, требующие внесения ясности в понятийно-категориальный аппарат уголовно-процессуальной науки.

Так, часть 1 ст. 6.1 УПК РФ гласит: «Уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок». Согласно ч. 2 этой же статьи, «уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом». Отсюда следует, что разумный срок – это срок, установленный УПК РФ. То есть все установленные УПК РФ сроки являются разумными. В то же время в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П отмечается: «...Такой подход не означает приравнивание разумного срока к нормативно установленному...». Конституционный Суд РФ формулирует позицию о том, что разумный срок – это не то же, что и нормативно установленный срок, а нарушения разумного срока обозначает как «неоправданные задержки». Видимо, Конституционный Суд РФ исходит из того, что, как минимум, существуют понятия «срок», «нормативно установленный срок», «разумный срок», «неоправданные задержки».

Немало проблем возникает в связи с тем, что законодатель не раскрывает в УПК РФ содержательную сторону понятия «разумный срок». Зачем в одной статье УПК РФ использовать два понятия – «разумный срок» и «сроки, установленные настоящим Кодексом»? Тем более что разумный срок упоминается в единственном числе, а сроки, установленные настоящим Кодексом, – во множественном числе: разумный срок – это установленные Кодексом сроки.

Анализ упомянутых понятий позволяет говорить о том, что более широкое понятие «процессуальный срок» включает в себя более узкие понятия «нормативно установленный срок» и «срок, нормативно не установленный». В свою очередь, срок, нормативно не установленный, подразделяется на два вида – превышающий нормативно установленный и меньший по сравнению с нормативно установленным. Такая ситуация может возникнуть в связи, например, с реализацией норм гл. 40.1 УПК РФ, поскольку подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.

По смыслу норм УПК РФ, разумный срок охватывается понятием «срок, превышающий нормативно установленный».

Итак, понятие «нормативно установленный срок» не тождественно понятию «разумный срок». Задачу определения содержательной стороны понятия «разумный срок» не решает и Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Указанное противоречие в ст. 6.1 УПК РФ более рельефно обозначается в ч. 2 этой статьи: установленные Кодексом сроки (которые тождественны разумному сроку) допустимо продлить, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок (который тождественен уже установленным нормативным срокам). Круг замкнулся: необходимо соблюдать нормативный срок, допустимо продлить его до разумного срока, но не забывать, что последний – это и есть первый.

Как представляется, целесообразно в ч. 1 и 2 ст. 6.1 УПК РФ нивелировать имеющие место формально-логические противоречия, сформулировав четкое определение

понятия «разумный срок» и тем самым отграничив его от другого понятия – «сроки, установленные настоящим Кодексом». Это предложение актуально и с той точки зрения, что право на судопроизводство в разумные сроки – это один из видов прав человека, охрана которого предусматривается ст. 11 УПК РФ (принцип обеспечения прав и свобод человека, принцип публичности).

Кроме того, слово «разумный» необходимо заменить на более приемлемый по смыслу синоним (например, «срок, превышающий нормативный» или «допустимые сроки, превышающие нормативные» и т.п.).

Отметим также, что в научной литературе подобного рода размышления не находят дискуссионного поля.

Смысловая неопределенность понятия «разумный срок» усложняет также и вопрос об условиях обеспечения реализации разумного срока предварительного расследования.

Некоторые авторы полагают, что в законе сформулированы все условия для соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства. Так, например, Е.В. Середа, О.В. Буланова утверждают: «...для соблюдения разумных сроков на досудебной стадии уголовного судопроизводства законодательством созданы все необходимые условия» [5, с. 12].

С таким подходом нельзя согласиться. Анализ ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ показывает, что законодатель учитывает наличие обстоятельств определения разумного срока уголовного судопроизводства – это правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу. В части 3.2 этой же статьи к указанным обстоятельствам присовокупляются общая продолжительность применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства. В части 4 статьи указываются обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями, которые не принимаются во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

Как видим, в УПК РФ определена целая система многочисленных и разнообразных обстоятельств, так или иначе влияющих на определение разумного срока уголовного судопроизводства, однако содержание самого понятия «разумный срок» остается неизвестным.

Далее. Нормативные сроки императивны. Они должны соблюдаться безоговорочно, «переходя» в разумные сроки при определенных обстоятельствах и в строго определенном порядке. Об этом прямо говорится в ч. 1 ст. 6.1 УПК РФ: продление нормативных сроков «допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом». В соответствии с указанной нормой появляется возможность некоторого расширения по времени «до разумного срока» уголовного преследования, назначения наказания и прекращения уголовного преследования. При этом обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные выше обстоятельства являются значимыми лишь для определения разумных сроков, а не для обеспечения их реализации. Обстоятельства для участников уголовного процесса – это объективная данность в окружающей действительности. Причем законодатель предпринимает попытку систематизировать, создать целостную систему значимых для определения разумного срока обстоятельств.

Понятно, что в процессе формирования условий для реализации разумного срока необходимо учитывать обозначенную законодателем систему указанных обстоятельств.

Разумный срок является процессуальным, то есть охватывающим процессуальную деятельность участников уголовного процесса, включающим в себя нормативно установленные сроки, другие разумные сроки для реализации того или иного действия. Нельзя забывать и о том, что деятельность участников уголовного процесса часто направлена на выполнение управленческих, организационных, разъяснительных, планирующих, контролирующих и иных функций. Следовательно, для обеспечения реализации разумных сроков предварительного расследования необходимо применять системный подход и создавать целостную, продуманную систему соответствующих условий. В связи с этим возникает вопрос об определении понятий «условия», «система условий» в контексте рассматриваемых вопросов.

Существуют различные формулировки понятия «система». Анализ позиций и точек зрения относительно данного понятия приводит к выводу о том, что система – это совокупность взаимосвязанных элементов, объединенных общей целью, задачами, функциями, признаками, уровнем иерархии и наличием прямой и обратной связи. Иногда система определяется как любой процесс, проходящий в определенных условиях, в совокупности с этими условиями.

Таким образом, систему условий обеспечения реализации разумного срока предварительного процесса можно определить как уголовно-процессуальную систему, обладающую определенными элементами и объектами, взаимными связями между ними, функциями, структурами, уголовно-процессуальными целями и задачами.

При таком подходе можно говорить о том, что уголовный процесс реализуется в указанной системе. С позиций синергетики – науки о функционировании сложных систем – указанная система должна рассматриваться во взаимосвязи с другими сложными системами и объектами (система правоохранительных органов, элементы гражданского общества: наука, семья, религия и так далее, система контролирующих и надзорных органов, образовательная система и прочее).

Представляется, что система условий реализации разумного срока предварительного расследования имеет вполне определенные характеристики: по происхождению – она реальная, по уровню сложности – сложная, по наличию целей – целеустремленная, по признаку управляемости – управляемая, по характеру взаимодействия с внешней средой – полужакрытая, по признаку изменчивости – динамическая.

Заметим, что преимущество системного и синергетического подходов к изучению указанных условий состоит в том, что появляется дополнительная возможность моделировать протекание процессов, имеющих уголовно-правовое значение, более эффективно формировать общую среду (условия) реализации разумного срока. Кроме того, оценка отдельных элементов системы условий по заранее установленным параметрам позволяет формализовать нечисловые параметры этой системы в числовые. В таком случае модели протекания уголовного процесса получают не только схематический вид, но и числовое определение. Нет особой нужды говорить о том, что в таком случае возрастает возможность использования информационных технологий и вычислительной техники.

Важно заметить, что система условий обеспечения реализации разумного срока является сложной системой. Поэтому, как и любая сложная социальная система, она является слабой по параметру самоорганизации. В силу этого она трудно взаимодействует с внешней средой, является вероятностной, требующей для своего функционирования дополнительных организационных усилий, правовых средств повышения эффективности функционирования, научных усилий в изучении закономерностей ее развития.

Для определения условий, которые способствуют реализации разумного срока предварительного расследования, необходимо иметь представление об их сущности. Слово «условие» означает то, от чего зависит нечто обусловливаемое. Условие – это компонент в комплексе вещей, объектов, связей между ними, наличие которого обеспе-

чивает существование того или иного явления [6, с. 707]. При этом можно определить огромное количество условий, так или иначе влияющих на интересующее нас явление. Но если отбросить из всей совокупности условий общие условия, то мы получим набор необходимых условий, которые сопровождают обуславливаемое явление. Однако существуют во всей совокупности условий такие из них, которые превращают вероятность проявления явления в реальность такого проявления. Такие условия называют достаточными [4, с. 401]. Таким образом, набор условий, из которых нельзя исключить ни одного условия, не разрушив целостность обусловленности, и к которым нельзя добавить ни одного условия, которое будет излишним в целостной обусловленности, называют необходимыми и достаточными условиями. Необходимые и достаточные условия являются основанием для существования обуславливаемого явления.

Причина в ряду этих понятий относится к необходимым условиям. Но она выделяется тем, что является таким условием, которое самым непосредственным образом порождает явление. Причина – это главный фактор возникновения явления, включающий в себя внутренние и внешние истоки возникновения явления. В то же время в литературе условия рассматриваются только как внешний фактор возникновения явления. Другими словами, условия представляют собой среду протекания явления, в которой проявляется действие причины возникновения явления в соответствии с законами природы и общества. С точки зрения формальной логики, следствие есть и результат действия причины, и результат наличия условий. Поэтому, с одной стороны, необходимые и достаточные условия являются средой возникновения явления (обеспечение разумного срока предварительного расследования), с другой стороны, явление (обеспечение разумного срока предварительного расследования) необходимо рассматривать как следствие воздействия системы необходимых и достаточных условий.

Следовательно, в науке и в практической работе возможно использовать понятие «условия обеспечения реализации разумного срока предварительного расследования», которые представляют собой совокупность взаимосвязанных обстоятельств, мер, направленных на создание благоприятной обстановки (среды), обеспечивающей целенаправленное управление процессом реализации разумного срока предварительного расследования.

Анализ литературы и юридической практики показывает, что можно выделить группы уголовно-процессуальных условий обеспечения реализации разумного срока: правовые (совершенствование законодательства, анализ и учет судебной практики); организационно-управленческие (планирование, организация, коммуникация, регулирование, контроль, корректирование процесса реализации разумного срока в целях быстрого, своевременного установления обстоятельств уголовного дела); мотивационно-психологические (процессуально-должностная активность по организации осуществления правовых норм, профессионализм участников уголовного процесса) [5, с. 39].

Отметим, что в настоящее время пространство исследований закономерностей формирования системы условий обеспечения реализации разумного срока не является пока целостным, что служит дополнительным стимулом в изучении проблем в этой сфере.

Таким образом, на наш взгляд, в ст. 6.1 УПК РФ необходимо внести изменения, определив содержательную сторону понятия «разумный срок». Словосочетание «разумный срок» целесообразно заменить на словосочетание «допустимый срок, превышающий нормативный».

Кроме того, в понятийно-категориальный аппарат науки уголовного процесса необходимо ввести понятие «условия обеспечения реализации разумного срока (допустимого срока, превышающего нормативный)». Система этих условий может включать в себя три блока: 1) правовые условия, 2) организационно-управленческие условия, 3) мотивационно-психологические условия.

Литература

1. Аширбекова М.Т. Принцип публичности и процессуальный режим производства по уголовному делу. М., 2009.
2. Аширбекова М.Т. Соблюдение разумного срока как качественная характеристика производства по уголовному делу // Российская юстиция. 2010. № 12.
3. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006.
4. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973.
5. Середа Е.В., Буланова О.В. Применение разумных сроков на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2014. № 18.
6. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

УДК 343.13

НАЧАЛЬНИК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Екатерина Витальевна Горчакова, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: brooks9@ Rambler.ru

Статья посвящена анализу научных взглядов на правовое положение (правовой статус) начальника органа дознания. В ней рассмотрены общее понятие и содержание правового статуса личности, а также проанализированы особенности правового положения начальника органа дознания, его процессуальные и организационно-управленческие полномочия, а также обоснована необходимость нормативного закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации уголовно-процессуального статуса начальника органа дознания.

Ключевые слова: правовой статус личности; процессуальное положение (статус) участников уголовного судопроизводства; орган дознания; начальник органа дознания; уголовно-процессуальные полномочия; процессуальный статус начальника органа дознания.

CHIEF OF THE AGENCY IN CHARGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION: CONCEPT AND THE CONTENTS LEGAL STATUS

Ekaterina Vitalevna Gorchakova, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to the analysis of scientific views on the legal status of the chief of the agency in charge of preliminary investigation. That is why it consists the general concept and the maintenance of legal status of the personality. Besides, the article is devoted to the particulars of the legal status of the chief of the agency in charge of preliminary investigation and it is devoted to the analysis of his procedural and organizational and administrative powers, and also need is proved standard fixing in the Code of criminal procedure of the Russian Federation of the criminal procedure status of the chief of the agency in charge of preliminary investigation.

Keywords: legal status of the personality; procedural status of participants of criminal legal proceedings; the agency in charge of preliminary investigation; chief of the agency in charge of preliminary investigation; criminal procedure powers; procedural status of the chief of the agency in charge of preliminary investigation.

Необходимость четкого установления правового положения начальника органа дознания обуславливает последовательное рассмотрение таких правовых категорий, как правовой статус личности, орган дознания, начальник органа дознания, а также указывает на целесообразность выявления особенностей правового положения лица, выполняющего функции начальника органа дознания.

В юридической науке существует подход, в свете которого понятия «правовое положение» и «правовой статус» личности признаются синонимами [3, с. 91]. Так, не делая различий между понятиями «правовой статус личности» и «правовое положение личности», Л.Д. Воеводин полагает, что для установления сущности правового статуса личности «с определенной степенью научной точности» необходимо избрать нужный критерий. Таким критерием, по его мнению, является «закрепленное правом место (правовое положение) индивида в обществе и государстве...» [2, с. 32]. Ориентируясь на данный подход, в рамках настоящей статьи понятия «правовое положение» и «правовой статус» личности будут использоваться как тождественные.

Единство мнений относительно понятия правового статуса личности в юридической теории отсутствует. Так, например, Г.В. Игнатенко характеризует его как юридически закрепленное положение человека в обществе, его права, свободы и обязанности, установленные законодательно и гарантируемые государством [6, с. 17], И.Н. Кондрат – как систему признанных и гарантируемых государством в законодательном порядке прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека как субъекта права, отражающую весь комплекс связей человека с обществом, государством, окружающими людьми [8, с. 110].

Таким образом, правовой статус субъектов характеризуется прежде всего совокупностью их прав и обязанностей. Не отрицая того факта, что совокупность прав и обязанностей является основой правового положения (правового статуса) личности, отметим, однако, что его содержание далеко не всегда исчерпывается этими компонентами. Данное положение найдет свое подтверждение в ходе изучения должностных полномочий начальника органа дознания.

Основу правового статуса личности составляет ее общий, или конституционный статус, в рамках которого правами, свободами и обязанностями в совокупности образуются единый согласованный комплекс, нашедший отражение в Конституции Российской Федерации. Так, статьей 2 Основного закона к обязанностям государства отнесено: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим особая роль правового статуса личности, а также его понятие, развитие, соблюдение и охрана государством и его органами (законодательными, правоохранительными, судом) презюмируется, а сам правовой статус приобретает особую значимость в решении проблем, связанных с дальнейшим поступательным, восходящим развитием российского общества, России в целом [1, с. 146].

В развитие общего, или конституционного статуса в науке выделен специальный, или отраслевой статус, то есть статус, который призван учитывать и в индивидуальном порядке отражать особенности отдельной категории лиц, положение того или иного субъекта. Очевидно, что правовой статус начальника органа дознания находится в неразрывной связи с общим определением правового статуса личности, являя при этом пример отраслевого, уголовно-процессуального статуса, в котором закрепляются свойственные исключительно указанной отрасли права и обязанности данного должностного лица. Характеризуя правовой статус начальника органа дознания, Г.Д. Луковников определяет его в качестве «уголовно-процессуального статуса, подразумевающего выполнение должностным лицом органа дознания перечня процессуальных и организационно-управленческих функций» [10, с. 123].

Рассматривая орган дознания в качестве участника уголовного процесса, О.С. Илюшкина указывает на то, что начальник органа дознания, так же как и орган дознания, осуществляет главные задачи уголовного судопроизводства, направленные на

обеспечение гарантий реализации прав и исполнения обязанностей подчиненными ему должностными лицами, а также отвечает за ненадлежащее исполнение указанными лицами своих обязанностей [7, с. 71]. Отсюда следует, что, говоря о правовом положении начальника органа дознания, подразумевается, как правило, весьма объемная процессуальная конструкция, реализация которой, по справедливому замечанию Г.Д. Луковникова, «ориентирована на согласованную защиту интересов общества, государства и личности» [10, с. 124]. В подтверждение этого можно привести ряд статей УПК РФ (п. 7 ст. 5, ст. 41, ч. 3 ст. 144, ч. 2 ст. 147, ч. 4 ст. 225), в которых закреплены основные полномочия начальника органа дознания.

Основываясь на вышеизложенном, сформулируем следующее определение правового статуса начальника органа дознания: правовой статус начальника органа дознания – это уголовно-процессуальный статус, подразумевающий выполнение начальником органа дознания или его заместителем ряда процессуальных и организационно-управленческих полномочий, способствующих осуществлению задач уголовного судопроизводства, а также обеспечивающих гарантию реализации прав и исполнения обязанностей подчиненными ему должностными лицами органа дознания.

Правовой статус начальника органа дознания нельзя рассматривать, не упомянув о круге органов дознания, к которым, согласно УПК РФ, относятся:

1) органы внутренних дел Российской Федерации и находящиеся в их составе территориальные, в том числе линейные, управления (отдел, отделение, пункт) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности;

2) органы Федеральной службы судебных приставов;

3) начальники органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;

4) органы Государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ситуация, при которой законодатель в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ помимо органов внутренних дел к органам дознания относит и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отдел, отделение) полиции может создать путаницу, поскольку Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полицию в качестве органа дознания не обозначает. Сравнивая в этом смысле положения ФЗ «О полиции» и положения ныне утраченного силу Закона РФ «О милиции», Г.Д. Луковников весьма точно подметил, что, в отличие от первого, Закон РФ «О милиции» в ст. 7 и 8 признавал органами дознания криминальную милицию и милицию общественной безопасности, разделяя при этом их компетенции [10, с. 130]. С таким подходом автора трудно не согласиться.

В связи с изложенным вполне обоснованным видится мнение С.Н. Куницына, полагающего, что разработчики УПК РФ предусмотрели органы дознания, «запутав, однако, окончательно вопросы о том, что они собой представляют, об их количестве, наименовании и правовом статусе» [10, с. 3]. Вместе с тем, правильное отнесение того или иного лица к органам дознания, по справедливому замечанию указанного автора, – это «залог как реализации назначения уголовного судопроизводства, так и соблюдения законности в процессе его осуществления» [9, с. 1]. Не менее значима позиция И.Н. Железняк, полагающего, что проблемы, связанные с определением органа дознания и должностных лиц, наделенных полномочиями начальника органа дознания в органах внутренних дел и полиции, усугубляет структурирование их системы в составе МВД России нормативными правовыми актами [5, с. 67]. Г.Д. Луковников в связи с этим считает, что «собирательный образ» сформулированного в законе органа дознания в лице органов внутренних дел и полиции препятствует четкому обозначению тех лиц,

которые должны обладать в этих ведомствах полномочиями начальника органа дознания [10, с. 130].

Между тем помимо исчерпывающего перечня органов дознания, закрепленного в ст. 40 УПК РФ, законом достаточно ясно определено, кто признается начальником органа дознания. Так, согласно последним изменениям, внесенным в п. 17 ст. 5 УПК РФ Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ, начальник органа дознания – это должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель [12].

Анализ нормативного определения начальника органа дознания, а также его неоднократное упоминание в нормах УПК РФ позволяет охарактеризовать начальника органа дознания как самостоятельного уголовно-процессуального субъекта, наделенного соответствующими полномочиями, в том числе и организационно-управленческого характера, которые соответствуют должности руководителя ведомства, исполняющего функции органа дознания.

Вместе с тем нельзя не отметить, что проблема правовой регламентации полномочий начальника органа дознания, до момента принятия Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ, на протяжении ряда лет оставалась нерешенной. Более того, ученые достаточно долго вели оживленные дискуссии о необходимости закрепления в рамках УПК РФ отдельной статьи, регламентирующей полномочия начальника органа дознания (по примеру начальника подразделения дознания). Об этом свидетельствуют данные опроса дознавателей и старших дознавателей органов внутренних дел, проведенного в 2007-2011 гг. в Ижевском филиале Нижегородской академии МВД России Г.Д. Луковниковым, согласно которым целесообразность регламентации процессуального статуса начальника органа дознания подтвердили 98,2 % респондентов [10, с. 126].

По мнению Г.Д. Луковникова, именно на начальника органа дознания возложена персональная ответственность за организацию раскрытия и расследования преступлений, выявленных либо обнаруженных в пределах юрисдикции органа дознания, равно как и выполнение иных процессуальных и организационно-управленческих функций в данной сфере, разделить которые иногда просто невозможно [11, с. 186]. Нельзя допускать ситуацию, при которой каждый орган дознания по своему усмотрению определяет статус основных субъектов дознания и регулирует возникающие в процессе их деятельности правоотношения [4; 10; 11]. Согласимся с Г.Д. Луковниковым в том, что процессуальный статус любого участника уголовного процесса, в том числе и вышеуказанных лиц, а также возникающие между ними правоотношения должны регламентироваться исключительно уголовно-процессуальным законодательством [10, с. 129].

Однако после вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ ситуация изменилась, и теперь рассматривать содержание правового положения начальника органа дознания следует прежде всего с позиции введенной в УПК РФ ст. 40.2, в которой прописаны правовой статус и полномочия начальника органа дознания. При этом другие нормы уголовно-процессуального законодательства также продолжают закреплять отдельные полномочия данного должностного лица (например, ч. 4 ст. 40.1, ч. 6 и 7 ст. 148, ч. 1 ст. 158.1, ч. 3 ст. 306, ст. 319, ч. 6 ст. 321, ч. 5 ст. 427, ч. 1 ст. 446 УПК РФ).

Уточняя правовое положение и полномочия начальника органа дознания, статья 40.2 УПК РФ гласит, что начальник органа дознания уполномочен:

- 1) поручить проверку сообщений о преступлении, а также принять по ним решение в порядке, который установлен уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, а также осуществить производство дознания и неотложных следственных действий в рамках уголовного дела, при этом лично рассматривая и проверяя сообщения о преступлении;

- 2) продлить в порядке, закрепленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, срок проверки сообщения о преступлении;

3) провести проверку материалов проверки сообщения о преступлении и те материалы уголовного дела, которые находятся в производстве органа дознания, дознавателя;

4) дать дознавателю письменное указание относительно выбора направления расследования и производства процессуальных действий;

5) рассмотреть материалы уголовного дела и письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания и принять по ним решение;

6) поручить должностному лицу органа дознания исполнить письменные поручения следователя, дознавателя относительно проведения оперативно-розыскных мероприятий, производства тех или иных следственных действий, исполнения постановления о задержании, привода, заключения под стражу и производства других процессуальных действий, а также оказания содействия в процессе их осуществления;

7) принять решение о производстве дознания посредством привлечения группы дознавателей либо об изменении состава группы дознавателей;

8) вынести постановление о необходимости восстановления дознавателем утраченного уголовного дела, его материалов;

9) вернуть уголовное дело дознавателю, сопроводив его письменным указанием по поводу необходимости производства дополнительного дознания, производства дознания в установленном порядке, а также о необходимости пересоставления обвинительного акта либо обвинительного постановления;

10) утвердить обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

11) осуществлять иные полномочия, которые предоставляет начальнику органа дознания УПК РФ.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями начальника подразделения дознания, предусмотренными ст. 40.1 УПК РФ, а, согласно ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ, в органах внутренних дел полномочия начальника органа дознания осуществляют также заместители начальника полиции.

К сказанному добавим, что наибольший объем полномочий начальника органа дознания реализуется в ходе организации и контроля процессуальной деятельности дознавателя. Так, например, в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ процессуальными полномочиями дознаватель наделен согласно занимаемой должности либо в связи с поручением начальника органа дознания. Исполнение полномочий органа дознания по тем уголовным делам, в отношении которых производство предварительного следствия является необязательным, также возложено на дознавателя распоряжением начальника органа дознания либо его заместителя (ч. 1 ст. 41 УПК РФ). Вышеизложенное еще раз подтверждает исключительность процессуального положения начальника органа дознания.

Несмотря на законодательное закрепление процессуального положения начальника органа дознания в рамках ст. 40.2 УПК РФ, которое, несомненно, способствует его единообразному пониманию и применению в практической деятельности, по-прежнему нерешенными остаются вопросы оперативно-служебных отношений, а также вопросы, связанные с процессуальной компетенцией каждого сотрудника органа дознания. В связи с этим считаем, что они должны разрешаться ведомственным (межведомственным) нормативным правовым актом, на необходимость принятия которого указывают И.Н. Железняк [5], С.Н. Куницын [9], Г.Д. Луковников [10; 11] и другие авторы.

Таким образом, проблема правовой регламентации правового статуса и полномочий начальника органа дознания, которая на протяжении ряда последних лет поднималась в юридической литературе, была решена после принятия Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный ко-

декс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя», который закрепил полномочия начальника органа дознания в ст. 40.2 УПК РФ.

С учетом вышеизложенного, в качестве меры, направленной на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего круг органов дознания, предлагается привести Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в соответствие с УПК РФ, который помимо органов внутренних дел относит к органам дознания входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отдел, отделение) полиции (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ).

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Юрайт-М., 2008.
2. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М.: Юристь, 1997.
3. Данилюк И.А. Правовой статус личности: понятие, юридическая конструкция // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78).
4. Дядченко А.А. Проблемы законодательной регламентации процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения органа дознания // Общество и право. 2008. № 1.
5. Железняк И.Н. Полномочия субъектов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.
6. Игнатенко Г.В. Правовой статус личности в конституционном и международном праве // Вестник Уставного суда Свердловской области. 2002. № 1 (5).
7. Илюшкина О.С. Начальник подразделения дознания: к вопросу о статусе в уголовном процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4 (21).
8. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: российское правовое регулирование в области уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 8.
9. Куницын С.Н. О процессуальном статусе органов дознания // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2.
10. Луковников Г.Д. Начальник органа дознания: уголовно-процессуальные и организационно-управленческие полномочия // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 1.
11. Луковников Г.Д. Органы дознания в системе досудебного производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/688373/> (дата обращения: 15.01.2016).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.97

КРИМИНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Хабаровского пограничного института ФСБ России доктор юридических наук, доцент
E-mail: dfvnii@mail.ru

Ретроспективный анализ развития миграционных процессов в азиатской части России, с точки зрения их влияния на состояние миграционной безопасности государства, позволил прийти к выводу о наличии исторической преемственности, взаимообусловленности и аналогичности явлений, связанных с миграционными процессами сегодня. Исторический опыт свидетельствует о тесной зависимости между характером осуществляемой государством миграционной политики, самой миграцией и состоянием миграционной безопасности.

Ключевые слова: азиатская часть России; безопасность; криминальная миграция; миграционная безопасность государства; миграционные процессы.

CRIMINAL MIGRATION IN ASIAN PART OF RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL SKETCH

Ilya Victorovich Nikitenko, chair professor of the Khabarovsk Frontier Institute of FSB of Russia Doctor of Law, Associate Professor

The retrospective analysis of development of migratory processes in Asian part of Russia, from the point of view of their influence on a condition of migratory safety of the state, has allowed to come to a conclusion about existence of historical continuity, interconditionality and analogousness of the phenomena connected with migratory processes today. Historical experience testifies to close dependence between character of the migration policy which is carried out by the state, the migration and a condition of migratory safety.

Keywords: the asian part of Russia; security; criminal migration; migration security of the state; the migration process.

Исследование особенностей освоения и исторического развития территориальных образований позволяет сформировать представление об их демографических, геополитических, социальных и экономических характеристиках, оказывающих существенное влияние на миграционные процессы в целом, а следовательно, и криминологические аспекты миграционной безопасности государства, в частности.

История освоения Россией ее азиатских территорий во многом обусловлена их природным, экономическим, геополитическим и военно-стратегическим потенциалом. Но для наиболее точной ретроспективной характеристики мотивов освоения этих территорий, с позиции их миграционной привлекательности, следует отметить, что приграничные, и особенно приморские территории имеют известные преимущества в развитии внешнеэкономических, социальных и политических связей. Однако такие терри-

тории наиболее уязвимы с точки зрения контроля над миграционными процессами, а следовательно, и обеспечения безопасности.

По утверждению специалистов, Российская империя осваивала колониальные территории добровольно и принудительно. Принудительный способ имел известные преимущества, так как позволял обеспечить высокие темпы переселения через отправку воинских команд, этапирование каторжан и ссыльных, административное водворение государственных крестьян, направление крестьян в счет рекрутов, отправку казаков по жребью. Добровольный же способ применялся реже, так как обеспечивался желанием людей переселиться в неосвоенные районы. Но и добровольное, и принудительное переселение нередко использовалось злоумышленниками как весьма эффективное прикрытие для нелегальной миграции, что подтверждалось значительным количеством неконтролируемых государством переселений в периоды первичного освоения Российской империей осваиваемых азиатских земель. При этом мотивы нелегального переселения были самые разные – от желания скрыться до сохранения религиозных традиций и устоев. Среди нелегальных переселенцев нередко встречались жители сопредельных государств – Кореи, Китая, Монголии, Японии и даже Американского континента [2, с. 14-16; 11, с. 23-32; 12, с. 45]. А одна из особенностей освоения сибирских и дальневосточных территорий заключалась в интернациональном характере переселения, включающего как представителей народов Российской империи, так и Азиатско-Тихоокеанского региона, хотя первые преобладали [6, с. 6-22].

Многочисленные источники информации свидетельствуют о том, что иммиграция на заселяемые территории Сибири и Дальнего Востока имела различную интенсивность в разные исторические периоды, что объясняется изменениями военно-политической и, отчасти, экономической ситуации как в заселяемых регионах, так и Российской империи в целом. Период присоединения Приамурья и Приморья совпал с началом политических и аграрных реформ 1860-х гг.

Первая относительно многочисленная «волна» зарубежной иммиграции на российский Дальний Восток была отмечена во второй половине XIX в., когда начали развиваться крупные региональные центры – Благовещенск (прежний Усть-Зейск), Хабаровск и Владивосток. В этот же период в поисках работы активно иммигрировали корейцы и представители народов сопредельной Маньчжурии. Однако эти категории переселенцев в основном ориентировались на сезонные работы в летний период, за отсутствием же таковых часто осваивали криминальные промыслы: контрабанду спирта, наркотиков и оружия; разные виды браконьерства; кражи, грабежи и разбои; похищение людей и работоторговлю. В граничащих с Россией провинциях Кореи, Маньчжурии и Монголии распространилась особая разновидность бандитизма – хунхузничество, происходящее от слова «хунхуз», которым называли участников трансграничных преступных сообществ, промышлявших преимущественно кражами, грабежами, разбоями, пиратством, похищениями людей и работоторговлей, а также иными видами преступной деятельности.

Среди хунхузов выделяли – «туфэй», что означало в переводе с китайского «бандиты», и «мадзэй», то есть «конные разбойники». В Маньчжурии существовали и менее опасные относительно первых преступные группы, называемые «даофэй», что в буквальном переводе с маньчжурского диалекта означало «воры». Именно хунхузы представляли собой одну из первых и наиболее опасных разновидностей «криминальной миграции» – они совершали так называемые «маятниковые» переходы границы с относительно непродолжительным пребыванием на сопредельных с Маньчжурией территориях России. Наибольшая активность таких преступных сообществ отмечалась в Уссурийском крае (современный Приморский край), а также Приамурье и Забайкалье. В граничащих с китайской Маньчжурией на востоке и российским Забайкальем на севере районах Монголии встречались хунхузы-монголы, однако их было немного, наличие же сугубо монгольских банд исследователями не отмечено.

Миграционные процессы на дальневосточных и восточно-сибирских рубежах азиатской части России в период интенсивного освоения этих территорий тесно взаимосвязаны с аналогичными процессами на северо-востоке Китая в конце XIX в.

Китайская колонизация носила преимущественно нелегальный характер. Так, по оценкам известного отечественного демографа В.В. Граве, личного секретаря П.А. Столыпина, общая численность китайских иммигрантов в азиатской России, по состоянию на 1910 г., составляла от 180 до 200 тыс. Однако на долю «нелегалов» приходилось до 50 тыс. [3, с. 12-22; 7, с. 194].

По результатам более поздних исследований, с опорой на разные источники информации и с учетом возможных погрешностей, китайское население этой территории в данный период составляло от 200 до 250 тыс., при том что совокупное население не доходило и до 900 тыс. чел. [10, с. 24-26]. Общее же количество китайцев, проживающих в азиатской части России, по разным оценкам, доходило до 450 тыс. чел. В Дальневосточном, Забайкальском и Восточно-Сибирском регионах Российской империи проживала относительно многочисленная корейская диаспора, насчитывающая от 35 до 40 тыс. чел. [3, с. 26; 14, с. 391-396]. Самую же немногочисленную часть представляла иммиграция из Японии. Так, по данным переписи 1897 г., японская диаспора во Владивостоке не превышала 1 249 чел., в Хабаровске – 206, в Николаевске – 92, в Благовещенске – 227 чел. Показательно, что в крупных городах проживало до 77,5 % японских иммигрантов, когда в других местностях – только 22,5 %, что не превышало 515 чел. [13, с. 66-68].

Число японских иммигрантов несколько увеличилось после подписания Россией и Японией рыболовной конвенции. В соответствии с основным родом деятельности японцев наиболее частыми местами проживания в России являлись Камчатка, Курилы и Сахалин. Российские же власти опасались укрепления влияния японцев в прибрежных районах Дальнего Востока, всячески ограничивали их деятельность. Однако российские рыбопромышленники противодействовали подобной политике, нелегально нанимая низкооплачиваемых японских работников. А японские власти, в свою очередь, всячески поощряли наем своих подданных на рыбную путину в прибрежных районах Дальнего Востока. При этом переселение японцев в азиатскую часть России, как и на территорию Китая и Кореи, не признавалось японским правительством эмиграцией японцев.

По утверждению историков, хаотичные миграционные процессы способствовали росту преступности и ослаблению существующего правопорядка в целом. Так, в 1878 г. губернатор Гиринской провинции Китая Минь Ань характеризовал социально-правовую ситуацию на вверенной ему территории следующим образом: «Неуважение и неповиновение закону стали обыденным явлением..., во многих местностях хозяевами стали нахальные негодяи; сильные стали притеснять слабых, а на убийство и поджог стали смотреть, как на обыкновенное дело» [4, с. 12].

Вопреки ограничивающим иммиграцию мерам, уже к середине XIX в. китайцы составляли большинство населения региона. Они же стали и основным источником преступности не только в северо-восточных провинциях Китая, но и на сопредельных с Китаем территориях России. До 1878 г. это объяснялось бесправным положением нелегальных мигрантов, не только не получавших помощи в обустройстве на новом месте, но нередко терявших имущество в результате произвола местных властей.

В первой половине XX в. китайские преступные сообщества, действовавшие на сопредельных территориях России и Маньчжурии, стали активно пополняться российскими подданными. Так, в 1902 г. приграничный город Бодунэ был захвачен бандой хунхузов, среди которых были и русские. Последние подъехали к запертым городским воротам и обманом уговорили стражу их открыть. Разграбление города было пресечено охраной Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД), уничтожившей около

сотни и задержавшей более 20 бандитов, 7 из которых оказались уроженцами Северного Кавказа [9, с. 142].

Пик активности «российского хунхузничества» пришелся на первые годы после окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. Этому способствовали общее падение уровня жизни в послевоенной Маньчжурии, экономический кризис, вызванный выводом военных – потребителей товаров и услуг, слабость китайских властей и сокращение военно-полицейских сил, находившихся в распоряжении администрации КВЖД.

Вероятно, что столь значительные масштабы распространения «хунхузничества» и других форм организованной преступности на заселяемых территориях азиатской части России в XIX – начале XX в. стали возможными благодаря содействию местного населения, которое подвергалось угрозам и шантажу, помогая бандитским формированиям по принуждению. Однако часто это делалось из корыстных побуждений, а иногда и из долга «побратимости» [10, с. 32].

Ситуация осложнялась еще и тем, что на фоне разгула трансграничной преступности на заселяемых территориях стали создаваться отряды самообороны из местного населения. Это приводило к распространению самоуправств и самосудов, росту числа незаконных вооруженных формирований и, как следствие, к общему падению авторитета государственной власти, о чем свидетельствовали случаи открытого отрицания российских законов как местным населением, так и китайскими мигрантами [16, с. 92-103].

Данные примеры иллюстрируют недостатки миграционной политики и ограниченность государственной власти в способности обеспечить безопасность и правопорядок на малоосвоенной территории. Результатом этого явились рост трансграничной организованной преступности; снижение доверия местного населения к институтам государственной власти; правовой нигилизм и обыденное самоуправство.

Следующий этап заселения восточных окраин азиатской части России характеризуется некоторым снижением миграционной активности иностранных подданных, что прежде всего связано с началом гражданской войны и оккупацией этих территорий иностранными интервентами. Более того, в этот период наблюдается отток из России некоторых категорий мигрантов, часть из которых выдворялась принудительно. До начала Чехословацкого мятежа 1919 г. правительство вновь созданной РСФСР сумело организовать депортацию с территории Сибири и Дальнего Востока более 40 тыс. иностранцев, преимущественно китайцев и корейцев [5].

Ко времени образования Дальневосточной республики (ДВР) в южных и центральных районах Приморья отмечался значительный рост корейской диаспоры. Миграционная привлекательность этих территорий для корейцев была вызвана изобилием свободных земель и относительно либеральными порядками, по сравнению с действовавшим в это время на Корейском полуострове оккупационным режимом Японии. Граница же между Россией и Кореей охранялась весьма условно, и уже к 1920 г. в азиатской части России проживали до 100 тыс. корейцев, при этом в Приморском крае они составляли примерно 1/3 от всего населения. Центром же расселения корейских иммигрантов стал Посъетский район (современный Хасанский район Приморского края). Корейские переселенцы составили до 90 % населения района, что представляло реальную угрозу корейской экспансии и ослабляло суверенитет России в приграничной зоне. Так, в начале XX в. на российском Дальнем Востоке действовали многочисленные корейские школы, работали издательства и выходили газеты на корейском языке. Вместе с тем Россия стала и центром политической иммиграции. После оккупации Японией в 1905 г. Корейского полуострова в Россию стали иммигрировать корейцы, преследуемые японскими властями за участие в Сопrotивлении. Кроме того, на российской территории укрывались и разбитые японцами корейские партизаны. Переходили на российскую территорию и подразделения регулярной корейской армии, которые отказались подчиниться отданному японцами приказу о разоружении.

Установление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, а также связанные с этим политические и социально-экономические процессы оказали существенное влияние на миграционную активность населения и структуру миграционных потоков в азиатской части России. Это же, в свою очередь, повлияло на формирование криминогенных рисков и криминальных угроз интересам миграционной безопасности государства.

Некоторые положительные аспекты иностранной иммиграции в азиатскую часть России нивелировались беспрецедентным ростом преступности, а также повсеместным нарушением пограничного, миграционного и таможенного режимов в сопредельных территориях, что в конечном счете оказывало негативное влияние на геополитические, экономические и даже военные интересы России. Так, в соответствии с отчетами МВД ДВР за второе полугодие 1921 г. число совершенных преступлений превысило количество преступлений за аналогичный период 1914 г. примерно в 400 раз [15, ф.р. 2640, оп. 1, д. 32, л. 46].

Недостатки пограничного контроля ввиду нехватки ресурсов из-за чрезвычайной протяженности государственной границы, неосвоенность природных ресурсов на приграничных территориях, а также существенные различия рыночных цен в России и сопредельных государствах Восточной Азии, отсутствие договоров об экстрадициях преступников и часто недоброжелательное отношение властей сопредельных государств создавали благоприятные условия для трансграничной преступности. Скрывавшиеся в Китае преступники чувствовали себя вне опасности. Проживая там почти легально, они переходили на российскую территорию исключительно с целью криминального промысла [17, с. 63].

Характеризуя влияние внешней иммиграции на криминогенный фон в сопредельных с Китаем территориях России, следует привести одну из цитат, опубликованных в 1926 г. в газете «Амурская правда»: «Незаконное приискательство, контрабанда, спекуляция, бойкая торговля наркотиками и относительная безнаказанность всего этого в прошлом сделали из Амура уютное гнездо для всякого рода преступности и преступников. Вот что, кроме всех настоящих богатств, осталось в наследство. Вот с чем приходится бороться, не зная ни сна, ни отдыха, ни покоя местному угрозыску». О преступности в губернском центре – городе Благовещенске – в этой же газете сообщалось: «Едва ли какой город на Дальнем Востоке опередил в этом Благовещенск. А причина: граница и граница. Благовещенск – удобная база для преступников, еще более удобный пересыльный пункт, где в неисчислимом множестве на окраинах разбросались «мокрые и сухие малины» (воровские гостиницы) для всевозможного «блата» (воров), где в изобилии в китайском квартале можно достать все средства вдохновения, необходимые для преступников: кокаин, морфий и гашиш, где быстро и даже выгодно можно сбыть уворованное имущество» [1].

Одним из наиболее распространенных видов преступного промысла среди иностранцев в пограничных районах Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. стала контрабанда товарно-материальных ценностей, которые часто имели стратегическое значение для вновь образованной республики, что, вероятно, было связано с установлением запрета беспошлинного ввоза товаров на территорию России со стороны Японского моря, от Владивостока к северо-востоку вплоть до Николаевска, а также по течению Амура до Хабаровска [8, с. 122].

Беспошлинным перемещением товаров занимались не только профессиональные контрабандисты, но и те, кто переходил границу в поисках сезонного заработка на золотых приисках, маковых плантациях и сборе дикоросов. В свою очередь, рост трудовой иммиграции был связан с разрушением промышленности региона за годы гражданской войны и социальных катаклизмов. Особенно это затронуло рыбный промысел, золотодобывающую и лесопромышленную отрасли, определявших экономический потенциал этих территорий.

Ретроспективный анализ развития миграционных процессов в азиатской части России с позиции влияния этих процессов на состояние миграционной безопасности государства вообще и криминологической составляющей этого явления в особенности позволил прийти к выводу об исторической преемственности, взаимообусловленности и аналогичности соответствующих процессов сегодня. Исторический опыт свидетельствует о тесной корреляционной зависимости между характером осуществляемой государством миграционной политики, миграционными процессами и состоянием миграционной безопасности государства.

История освоения азиатской части России связана как с позитивным, так и негативным влиянием иностранной миграции на освоение и развитие региона. Однако иммиграция из ряда стран Юго-Восточной Азии, и особенно из Китая, в разные исторические периоды оказывала неблагоприятное воздействие на криминогенный фон и миграционную безопасность в целом, которые часто обеспечивались посредством применения репрессивных методов, связанных с использованием полицейских и даже военных сил.

Очевидно, что многие из проблем криминологического обеспечения миграционной безопасности азиатской части России не утратили актуальности и сегодня. Так, демографические, геополитические, экономические и иные особенности освоения региона способствовали высокой миграционной активности населения. Однако приоритеты интенсивного заселения отдаленных территорий снижали актуальность совершенствования государственного контроля над миграционными процессами, что, в свою очередь, создавало условия для нелегальной миграции и миграционной преступности.

Литература

1. Амурская правда. 1921. 5 марта.
2. Атлас Азиатской России. СПб., 1914.
3. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912.
4. Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф, 2010.
5. Известия. 1919. 30 ноября.
6. История российского Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998.
7. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Кн.1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток, 1987.
8. Качкина Г.П. История борьбы таможенных органов с контрабандой // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1998. № 4.
9. Киселёв Д.В. Связи российских подданных с китайской преступностью Дальнего Востока в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 11.
10. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
11. Ларин В.Л. Россия в Восточной Азии накануне XXI века: этнодемографические и цивилизационные стимулы и барьеры // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII – XX вв. Новосибирск, 1996.
12. Окладников А.П. Открытие Сибири. Новосибирск, 1982.
13. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004.
14. Позняк Т.З. Статус иностранцев в России и ситуация в Дальневосточном регионе в конце 50-х – 70-е гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002.
15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
16. Сухачёва Г.А. Бич страны: хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-годы XX в. // Россия и АТР. 1992. № 1.
17. Худяков П.П. Влияние иностранной миграции на формирование криминогенной обстановки в Дальневосточном регионе в 20-е гг. XX в. // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод мигрантов и коренных малочисленных народностей: мат-лы междунар. семинара. Хабаровск, 2004.

УДК 343.2/.7

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евгения Викторовна Рогова, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела доктор юридических наук, доцент;
Павел Анатольевич Капустюк, заместитель начальника института (по научной работе) кандидат экономических наук
(Восточно-Сибирский институт МВД России)

E-mail: rev-80@yandex.ru
sakh-75@mail.ru

В статье обосновывается необходимость учета экономической составляющей при реформировании уголовного закона Российской Федерации. Авторами последовательно отстаивается идея законодательного закрепления категории уголовного проступка. В данной работе исследуется лишь одно из направлений обоснования данной категории, а именно возможность применения экономического подхода. Экономический анализ может дать необходимую информацию о реальных потребностях изменения уголовного закона в части, касающейся введения категории уголовного проступка, о механизме действия уголовного закона, т.е. о его адресатах, ресурсоемкости применения вводимых предписаний, а также возможных последствиях таких изменений.

Ключевые слова: уголовный закон; уголовное правотворчество; уголовный проступок; экономическое обоснование.

THE ECONOMIC COMPONENT OF THE OPTIMIZATION OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evgeniya Viktorovna Rogova, head of research and editorial-publishing Department Doctor of Law, Associate Professor;
Pavel Anatolevich Kapustyk, deputy head scientific *kandidat nauk*, degree in Economic
(East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article substantiates the necessity of taking into account the economic component in the reform of the criminal law of the Russian Federation. The authors consistently advocate for legislative recognition of the category of the criminal offense. In this paper we investigate only one aspect of the rationale of this category, namely the possibility of applying the economic approach. Economic analysis can provide the necessary information about the real needs of the changing criminal law in the part concerning the introduction of the criminal offence, on the mechanism of action of the criminal law, i.e. on its addressees, the application of resource input requirements and the possible consequences of such changes.

Keywords: criminal law; criminal legislation; criminal offenses; economic justification.

Вводные замечания. В настоящее время осуществляется интенсивный процесс уголовного правотворчества, о чем свидетельствует тот факт, что с момента принятия действующего Уголовного кодекса РФ, т.е. за 20 лет, в него было внесено значительное число поправок более чем 190 федеральными законами. Изменения и дополнения уголовного закона были вызваны различными причинами и имели разное содержание. При этом большинством ученых отмечается, что действующий УК РФ утратил свою си-

стемность, то достаточно высокое качество, которым он обладал сразу после его принятия в 1996 г. [5, с. 136-144; 6, с. 288-302].

Так, профессор А.Г. Кибальник пишет, что «не один из кодексов не подвергался столь масштабному реформированию, что само по себе является достаточным основанием для беспокойства» [4, с. 36]. При этом вновь вводимые нормы, как отмечает профессор А.И. Рарог, «зачастую не соответствуют принципам уголовного законодательства» [10, с. 24-32], а также мотивированы не столько реально существующими социально-экономическими причинами, сколько «сиюминутными политическими поводами», на что указывают профессора Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, Э.Ф. Побегайло и другие [6, с. 288-289; 7, с. 38-39; 9, с. 74-86].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что любое предложение, направленное на совершенствование уголовного законодательства, должно быть экономически обосновано. В каждом конкретном случае реформирования уголовного закона необходимо определять, что дает та или иная поправка, каковы ее издержки, какова потребность в тех или иных изменениях, рациональны ли они в данный период развития общественных отношений.

Поэтому решение о законодательном закреплении категории уголовных проступков, под которыми следует понимать умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых предусмотрены наказания, не связанные с лишением свободы, за исключением ареста сроком от одного до шести месяцев, должно опираться в числе других факторов на систему экономически обоснованных обстоятельств.

Реформируя уголовное законодательство путем закрепления в нем уголовного проступка, необходимо определить с учетом экономической составляющей и форму расследования по данной категории противоправных деяний.

Первое. Вопросы экономического обоснования закрепления категории уголовных проступков следует начать с рассмотрения проблем, обусловленных значительным числом лиц, находящихся в настоящее время в местах лишения свободы, и затратами государства на их содержание. В России огромные бюджетные средства и значительное количество трудовых ресурсов вращаются в сфере репрессивной уголовной политики, на что указывает ряд ученых [3, с. 125-126; 13, с. 4-5]. В 2015 г. бюджетом Российской Федерации на Федеральную службу исполнения наказаний было предусмотрено 266 млрд руб., что составило 2,2 % всех бюджетных расходов [8]. К лишению свободы в России в настоящее время приговаривается третья часть всех осужденных (табл. 1), в местах лишения свободы, по состоянию на 1 февраля 2016 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 646 319 чел.*.

Закрепляя категорию уголовного проступка, за совершение которого не должно предусматриваться наказание в виде лишения свободы, можно сократить число лиц, ежегодно осуждаемых к этому наказанию, на 10-13 %. В среднем 10-13 % лиц от общего числа осужденных к лишению свободы в настоящее время каждый год осуждаются к этому наказанию за преступления небольшой тяжести**. При этом отметим, что за последние два года это число осужденных составляет 17 % (табл. 1). Преступления небольшой тяжести должны стать основой уголовных проступков.

Все затраты, связанные с содержанием осужденного, составляют, по данным ФСИН России, около 400 тыс. руб. на одного осужденного в год***. При этом отметим,

* Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

** Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

*** Официальные данные ФСИН России по расходам, предусмотренным в федеральном бюджете на содержание осужденных, подследственных, обвиняемых. Получены на основании запроса, сделанного авторами работы.

что непосредственно на нужды самого осужденного государство тратит около 55 тыс. руб. в год, из которых половину составляют расходы на питание – около 30 тыс. руб. в год. В эту сумму также входят расходы на медицинское, вещевое, коммунально-бытовое обеспечение, расходы на выплаты при освобождении, на обеспечение средствами реабилитации. Кроме того, указанная сумма расходов включает и оплату труда сотрудников ФСИН России, деятельность которых связана с исполнением наказания в виде лишения свободы, а также текущие затраты на содержание учреждений уголовно-исполнительной системы.

Таблица 1

**Общее число осужденных
и число осужденных к лишению свободы в России**

Год	Общее число осужденных	Число осужденных к лишению свободы	Удельный вес в общем числе осужденных, %	Число осужденных к лишению свободы за совершение преступлений небольшой тяжести	Удельный вес в общем числе осужденных к лишению свободы, %
2004	793 918	257 284	32,4	19 557	7,6
2005	878 893	306 841	34,9	28 314	9,2
2006	909 921	312 473	34,3	32 059	10,3
2007	916 566	301 428	32,9	32 669	10,8
2008	914 541	306 056	33,5	39 616	12,9
2009	882 291	283 337	32,1	34 578	12,2
2010	845 071	265 840	31,5	31 966	12,0
2011	782 274	227 049	29,0	25 205	11,1
2012	739 287	206 254	28,0	21 388	10,4
2013	735 590	209 709	28,5	35 844	17,0
2014	719 305	209 448	29,1	36 078	17,2
2015	733 607	209 083	28,5	36 218	17,3

Законодательное закрепление категории уголовных проступков некоторым образом позволит избежать расходов, которые придется на лиц, осужденных к лишению свободы, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести.

Второе. Представляется целесообразным воспользоваться данными расчета, проведенного И.Г. Смирновой, для того чтобы ответить на вопрос: насколько экономически затратным является производство по уголовным делам в настоящее время? Исследования указанного автора позволяют прийти к выводу о том, что на производство по уголовному делу, возбужденному по факту такого распространенного преступления, как кража сотового телефона, в результате совершения которой потерпевшему был причинен ущерб на сумму около 2,5 тыс. руб., затраты превышают более чем в 10 раз сумму причиненного ущерба. Путем сложения расходов государства, понесенных на следственную и судебную деятельность по уголовному делу о краже сотового телефона, И.Г. Смирнова получила сумму порядка 30 тыс. руб. [12, с. 61-64].

Стоимость производства указанным автором по уголовному делу высчитывалась следующим образом. Исходя из суммы месячного заработка лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, определялась стоимость одного часа работы соответствующего участника процесса, которая умножалась на количество затраченных часов при производстве всех следственных и иных действий. В стоимость уголовного процесса также были включены расходы, связанные с конвоированием обвиняемого в зал судебного заседания, расходы государства по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Самостоятельной оценки подвергалось время прокурора, затраченное на со-

гласование процессуальных документов следователя, на изучение уголовного дела и утверждение обвинительного заключения, а также время, затраченное на поддержание государственного обвинения в суде. Учитывались также затраты по оплате труда адвоката, секретаря судебного заседания, выполняющего обязанности ведения протокола судебного заседания. Кроме того, высчитывались затраты, связанные с деятельностью судьи, и другие расходы.

При этом следует отметить, что данный расчет был произведен в 2011 г., а с 1 января 2012 г. была увеличена в два раза заработная плата сотрудников полиции, а в настоящее время – у судей и работников прокуратуры. Кроме того, увеличение затрат на производство по уголовным делам обуславливается и ежегодной инфляцией.

На основании этого можно сделать вывод о том, что сумма затрат, исчисленная И.Г. Смирной, на сегодняшний день значительно увеличилась и составляет в среднем 40 тыс. руб. на производство по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности.

При этом следует обратить внимание и на то, что ежегодно порядка 1 млн уголовных дел возбуждается по факту совершения преступлений небольшой тяжести. Исследование показало, что сумма ущерба потерпевшей стороны в таких делах во много раз меньше, чем сумма, затрачиваемая государством на расследование подобных преступлений.

Третье. Необходимо произвести аналогичный расчет расходов, затрачиваемых государством на рассмотрение заявлений, сообщений о преступлениях, по которым применяются процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела (производство по «отказным» материалам). При этом, как отмечает Б.Я. Гаврилов, в настоящее время существенно возрос объем процессуальной деятельности правоохранительных органов, который в 2015 г. составил в целом 2,2 млн расследованных уголовных дел и 6,9 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего – 9,1 млн (табл. 2). Для сравнения ученый приводит аналогичные данные за 1992 г., когда количество «отказных» материалов составляло лишь 1,3 млн и возбужденных уголовных дел – 2,8 млн, или 4,1 процессуальных производства [2, с. 9-10]. Не следует забывать и о том, что так называемые «отказные» материалы могут отменяться с возбуждением уголовных дел, а возможны и повторные отказы в возбуждении уголовных дел.

Таблица 2

**Сведения о количестве принятых процессуальных решений
по заявлениям, сообщениям о преступлениях**

Процессуальные решения / год	2009	2015
Возбуждено уголовных дел	2,4 млн	2,2 млн
Принято решений об отказе в возбуждении уголовного дела	5,6 млн	6,9 млн
Итого принято процессуальных решений	7,9 млн	9,1 млн

О нерациональности затрат, связанных с принятием процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, свидетельствуют тонны исписанной бумаги, почтовые, транспортные расходы, а основное – это миллионные затраты рабочего времени.

Стоимость «отказного» материала со средним объемом 15 страниц складывается из следующих основных расходов:

- постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (2 стр.) – 2 часа рабочего времени;
- сбор справок;
- согласование по устранению недостатков – 1 час;
- устранение недостатков – 1 час;

- составление каждого постановления в 4 экз. по 2 стр.;
- уведомление о принятом решении об отказе в возбуждении уголовного дела в 2 экз. для потерпевшего, прокурора.

В случае отмены:

- затраты рабочего времени прокурора на изучение материалов – 1 час;
- постановление об отмене принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела (2 стр.) – 1 час;
- уведомление потерпевшего.

В случае повторного принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела повторяются затраты, указанные в первом блоке.

Таким образом, производство по «отказному» материалу стоит в среднем 2,5-3 тыс. руб. Кроме того, как показало проведенное исследование, объем «отказных» материалов может составлять четыре тома по 250 страниц каждый, а постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – 9 страниц*, что существенным образом увеличивает ресурсные затраты на производство по ним.

Последствия отказа в возбуждении уголовного дела заключаются и в том, что до 3-3,5 тыс. сотрудников правоохранительных органов, которые принимают указанные процессуальные решения, ежегодно привлекаются к дисциплинарной, а также уголовной ответственности.

На основании изложенного нами предлагается законодательное закрепление уголовных проступков, производство по делам о которых необходимо осуществлять в протокольной форме досудебного производства в сокращенные сроки (2 суток – расследование, 3 суток – судебное разбирательство), экономические затраты на которую менее значительны.

Основные расходы на протокольную форму производства будут складываться из затрат на следующее:

- производство допроса (допросы подозреваемого и потерпевшего) – 1,5 часа;
- составление протокола на формализованном бланке – 1 час;
- некоторые дополнительные временные затраты (осмотр места происшествия, осмотр вещественных доказательств, их приобщение к материалам, запросы справок) – 2 часа;
- ознакомление прокурора с материалами и утверждение обвинительного протокола – 2 часа;
- рассмотрение в суде – 3 часа.

Проведенные расчеты показали, что, возвращаясь к упраздненной ранее протокольной форме досудебной подготовки материалов, можно сократить расходы, затрачиваемые на производство, которые в среднем будут составлять 4,5-5 тыс. руб.

Таким образом, затраты на производство по уголовному делу, возбужденному по факту кражи сотового телефона стоимостью 2,5 тыс. руб., которые составили порядка 40 тыс. руб., в 10 раз превышают полученную сумму затрат на производство в протокольной форме.

Характеризуя такую форму расследования, как дознание в сокращенной форме, введенную Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, следует отметить, что указанный порядок расследования, как отмечается на страницах юридической литературы, вызвал у правоприменителей и ученых ряд существенных вопросов в связи с его несовершенством и противоречивостью [1; 2]. Согласно проведенным исследованиям, в 2015 г. окончено расследованием с направлением в суд всего 60,2 тыс. уголовных дел,

* Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 15 января 2014 г. Следственный отдел линейного отдела МВД России на ст. Иркутск-пассажирский. Отказной материал № 1539\2.

хотя под указанную форму расследования подпадают порядка 250 тыс. преступлений [1, с. 23].

Кроме того, данная форма содержит ряд излишне формализованных процессуальных правил, что приводит к тому, что объем расследования становится таким, как и объем расследования в общем порядке, и в среднем составляет порядка 100 страниц, тогда как протокольная форма составляла не более 5-7 страниц.

Таким образом, формой расследования уголовных проступков могла бы стать протокольная форма досудебной подготовки материалов, ранее известная отечественному уголовно-процессуальному законодательству.

Законодательное закрепление категории уголовных проступков может стать и одним из шагов на пути к становлению института уголовно-правовой медиации в России. По отдельным категориям уголовных дел, прежде всего возбужденных по фактам совершения преступлений небольшой тяжести, следует развивать применение альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов, основанных на идеях компромисса [11, с. 29].

Введение категории уголовных проступков, как показало исследование, будет способствовать оптимизации расходов бюджетных средств государства на производство по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести (об уголовных проступках), а также сокращению числа лиц, осуждаемых к лишению свободы, что, в свою очередь, позволит сократить расходы учреждений исполняющих наказания.

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1.
2. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство и меры по его деформализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1.
3. Грушин Ф.В. Состояние экономики как фактор, определяющий уголовно-исполнительную политику, уголовно-исполнительное право и законодательство // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6.
4. Кибальник А.Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3.
5. Кленова Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2.
6. Лопашенко Н.А. Уголовная политика в области преступлений в сфере экономической деятельности: можно ли хуже // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4.
7. Наумов А.В. О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право. 2011. № 1.
8. О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов: федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 384-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 49.
9. Побегайло Э.Ф. Актуальные вопросы уголовной политики в современных условиях // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 1.
10. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1.
11. Рогова Е.В. Перспективы развития применения медиационных процедур по делам об уголовных проступках // Пролог. 2014. № 1.
12. Смирнова И.Г. Экономическое обоснование необходимости преобразований в уголовном процессе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3.
13. Трунов И.Л. Либерализация уголовной политики – необходимая составная эффективной экономики России // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. 2013. № 4.

УДК 343.575:343.341

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ В ОРГАНИЗОВАННОМ
НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КОНТРАБАНДЫ):
СТАТИСТИКА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

Татьяна Игоревна Егорова, старший преподаватель Академии ФСИН России
кандидат юридических наук

E-mail: madamti62@yandex.ru

В статье анализируются статистические и правоприменительные аспекты контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, совершенной организованной группой и преступным сообществом. Рассматриваются вопросы юридической техники закрепления уголовной ответственности за преступления, совершенные в организованных формах соучастия. Исследуются примеры судебного толкования распределения ролей в организованном незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ в виде контрабанды.

Ключевые слова: контрабанда наркотических средств и психотропных веществ; организованная группа; преступное сообщество; распределение ролей.

**THE DISTRIBUTION OF ROLES IN ORGANIZED ILLICIT TRAFFIC
IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
(FOR EXAMPLE SMUGGLING): STATISTICS AND PRACTICE**

Tatiana Igorevna Egorova, senior lecturer of the Academy of the FPS of Russia
kandidat nauk, degree in Law

The article analyzes statistical and legal aspects of smuggling of narcotic drugs and psychotropic substances committed by an organized group and a criminal community. Considers the issues of legal techniques the recognition of criminal responsibility for crimes committed in organized forms of participation. Explores examples of judicial interpretation of the distribution of roles in organized illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances in the form of smuggling.

Keywords: smuggling of narcotic drugs and psychotropic substances; organized group; criminal community; roles.

В современных состоянии и динамике незаконного оборота наркотиков явно прослеживаются тенденции к активному формированию в данной сфере «черного рынка» организованных преступных группировок.

По данным официальной статистики, за 9 месяцев 2015 г. организованными группами и преступными сообществами было совершено 3 730 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Данный показатель вдвое меньше 2010 г., когда было зарегистрировано 6 369 подобных преступлений, тогда как в 2012 г. их было 4 969. Как представляется, данный показатель соответствует степени активности правоохранительных органов в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных организованными группами. Соответственно данный показатель за 9 месяцев 2015 г. составил 20 % от общего числа наркопреступлений, тогда как в 2014 г. – 28,7 % [7].

Структура наркорынка и количество изымаемых из незаконного оборота наркотиков свидетельствуют о вовлечении в незаконный оборот колоссального количества людей. Так, в 2014 г. в России было официально зарегистрировано 321 796 лиц, состоящих на учете в наркодиспансерах с диагнозом «наркомания», с диагнозом «пагубное

(с вредными последствиями) употребление наркотиков» – 225 419 чел. Из общего числа потребителей наркотиков 313 802 чел. употребляли их инъекционно (58,8 %) [5].

Следует отметить, что, начиная с 2000 г., в России отмечается стабильная негативная динамика увеличения случаев изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов синтетического происхождения. Так, за шесть месяцев 2015 г. из незаконного оборота изъято 1 346,948 кг синтетических наркотических средств. Данный показатель больше только количества марихуаны, изъятой в объеме 4 701,469 кг. Если говорить о количестве разовых доз, можно отметить, что указанный объем синтетических наркотиков позволяет приготовить 30 662 633 дозы, тогда как из изъятого объема марихуаны – только 2 350 748 доз. Однако больше всего изъято героина – 79 659 415 доз (65,34 %)*.

Очевидно, что абсолютное большинство (около 90 % [3, с. 35]) изымаемых из незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не производится и не произрастает на территории России. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляют собой составную часть транснациональной преступности. Есть все основания говорить о том, что российская наркопреступность окончательно интегрировалась в мировую наркосеть, в основу которой заложена стройная система, включающая управленческие институты и механизмы, рынки сбыта, налаженную инфраструктуру распространения наркотиков.

Анализ ситуации свидетельствует о том, что главным источником поступления наркотиков на российский нелегальный рынок является контрабанда. Статистика свидетельствует, что в 2015 г. было зарегистрировано 1 028 случаев контрабанды наркотиков, что на 24,7 % меньше, чем в 2014 г. [7]. Очевидно, что имеет место большая латентность рассматриваемого вида преступности.

Вместе с тем появление новых, так называемых дизайнерских наркотиков – «спайс» полностью связано с распространением их незаконного перемещения через таможенную границу. Соккрытие рассматриваемых средств от таможенного контроля происходит путем перемещения их под видом средств бытовой и промышленной химии, кормов для животных и т.д. Так, впервые официально данная проблема была признана в Постановлении Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека РФ от 9 апреля 2009 г. № 23 «Об усилении надзора за реализацией курительных смесей»: «В процессе расследования установлено, что во время продаж указанные курительные смеси незаконно сопровождалась санитарно-эпидемиологическими заключениями, выданными ранее на средства для ароматизации помещений с такими же наименованиями, изготовленные «Natural Scientific Solutions» («Нэчурал Сайнтифик Солюшнз»), «The Psyche Deli» («Зе Психо Дели»), Великобритания (такие санитарно-эпидемиологические заключения были выданы управлениями Роспотребнадзора по г. Москве, г. Санкт-Петербургу, Чувашской Республике), при этом область применения, указанная в санитарно-эпидемиологических заключениях, – товары народного потребления для ароматизации воздуха в помещениях» [4].

Исходя из характера и степени общественной опасности наркотиков с учетом международной практики противодействия контрабанде наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, Федеральным законом РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ была введена ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструмен-

* Сведения о фактах изъятия ФСКН России значительного количества наркотических средств и психотропных веществ (по классификации УНП ООН) по состоянию на 1 июля 2015 г. (за период с 1 января по 30 июля 2015 г.). URL: <http://www/fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4491/index.shtml> (дата обращения: 22.10.2015).

тов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229.1 УК РФ).

Современное описание в законе объективных признаков рассматриваемого преступления не связано с указанием способов контрабанды. Однако очевидно, что ее совершение предполагает предварительную подготовку к преступной деятельности, определение способов перемещения наркотиков через таможенную границу, использование приемов сокрытия от таможенного контроля. Одновременно относительно высокая закупочная стоимость изымаемых партий контрабандных наркотических средств и психотропных веществ, а также необходимость сокрытия и скорейшего их распространения делают актуальным создание определенной преступной группы для эффективного выполнения поставленных противоправных целей.

Альтернативность действий соучастников, продолжительный и взаимообусловленный их характер определяют необходимость объединения усилий для организации и осуществления ввоза (или вывоза) наркотических средств или психотропных веществ и их дальнейшего незаконного оборота.

Использование признака совершения преступления организованной группой является типичным для построения статей Особенной части УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотиков (п. «а» ч. 4 ст. 228.1, п. «а» ч. 3 ст. 229, п. «а» ч. 4 ст. 229.1, п. «а» ч. 2 ст. 230, п. «а» ч. 2 ст. 231, ч. 3 ст. 232 УК РФ).

Относительно квалификации незаконного оборота наркотиков преступным сообществом в судебной практике сформировался единообразный подход, отраженный в позиции Пленума Верховного Суда РФ: «При совершении участником преступного сообщества тяжкого или особо тяжкого преступления его действия квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК и соответствующей частью (пунктом) статьи Особенной части УК с учетом квалифицирующих признаков «организованная группа», «группа лиц по предварительному сговору», а при их отсутствии – по признаку «группа лиц» (п. 16) [6]. Данная позиция в целом не вызывает возражений в теории уголовного права [2, с. 54].

Совершение контрабанды организованными преступными группами характеризуется рядом признаков: от устойчивости до структурированности своего состава (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Данное обстоятельство позволяет эффективно осуществлять подготовку, совершение, сокрытие преступления, а также поощрение соучастников.

Так, кассационным определением Верховного Суда РФ от 13 февраля 2014 г. № 49-О14-1 установлено, что преступным сообществом были налажены связи с не установленными следствием лицами, поставлявшими наркотические средства с целью последующей доставки в Россию, распределялись роли между членами сообщества по контрабандной отправке-приемке наркотиков, осуществлялись взаиморасчеты между членами сообщества, распределялись наркотики между членами сообщества для дальнейшего сбыта. Совместно членами сообщества осуществлялись действия по погрузке наркотических средств для их последующей перевозки в Россию, подыскивались средства и методы для перевозки наркотиков, обеспечивалось их перемещение и доставка на территорию России, извлекались наркотические средства из тайников, осуществлялась погрузка и оформление трактора с отвалами на железнодорожной платформе. В ходе финансирования преступной деятельности оплачивались приобретаемые за границей России наркотические средства, осуществлялся сбор денежных средств с участников сообщества на оплату перевозки и таможенного оформления трактора с отвалами.

Фактическое перемещение наркотических средств и психотропных веществ может осуществляться одним лицом. При этом вызывает вопросы возможность совершения контрабанды исполнителем, не входящим в состав преступной группы. Обоснованным при этом представляется квалификация его действий в составе группы, так как уяснение степени организации незаконного приобретения, перевозки и дальнейшего

распределения наркотиков возможно путем осознания количественных признаков перемещаемых наркотических средств и психотропных веществ. Тогда как фактическое перемещение наркотических средств и психотропных веществ через таможенную границу РФ, осуществляемое лицом из состава организованной группы или преступного сообщества, однозначно толкуется как преступление, совершенное всеми ее членами.

Так, в апелляционном определении от 20 ноября 2015 г. по делу № 4-АПУ15-65 Верховного Суда РФ обоснованно указано, что осужденные Рудзкий В.М. и Шоев С.И., хотя лично не приобретали наркотические средства за рубежом и не переправляли их через таможенную и государственную границу, однако это не дает оснований для вывода об отсутствии в их действиях состава контрабанды наркотических средств, поскольку они являлись не только организаторами и участниками организованной преступной группы, созданной для осуществления контрабанды и сбыта наркотических средств, но и непосредственно заказывали доставку через границу и получали эти средства.

Причастными к совершению контрабанды являются и другие лица, финансировавшие приобретение наркотиков за рубежом или на территории РФ, а также заранее обещавшие содействовать в дальнейшем их распространении. Таким образом, осуществляется формирование умысла на продолжительное взаимодействие участников незаконного оборота наркотиков, выполняющих или планирующих выполнять различные роли.

Рассматриваемые участники организованной группы или преступного сообщества выступают соучастниками контрабанды наркотиков. Как отмечает В.С. Комиссаров, они могут выполнять роль соисполнителей преступления, но могут и не принимать непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления, но независимо от времени и места совершения преступления и фактически выполняемой роли они должны признаваться соисполнителями и нести ответственность за совершенное преступление согласно ч. 2 ст. 34 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ [8, с. 432-434]. Вопреки данному мнению, А.А. Арутюнов считает, что признание всех членов организованной группы соисполнителями независимо от выполняемой роли должно быть исключено, с учетом этого действия иных участников организованной группы в зависимости от их ролей должны быть квалифицированы со ссылкой на ст. 33 УК РФ [1, с. 305].

Анализ ч. 3-4 ст. 35 УК РФ позволяет сделать вывод, что совершение преступлений организованной группой или преступным сообществом подразумевает соучастие в виде соисполнительства. Действительно, законодатель исходит из того, что преступление совершается группой, объединившейся для совершения преступления. Статья 33 УК РФ предусматривает в качестве лица, совершившего преступление, лишь исполнителя (ч. 2).

Подобной позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который в апелляционном определении от 7 мая 2014 г. № 41-АПУ14-22сп указал, что независимо от роли осужденных, признанных виновными в совершении преступлений в составе организованной группы, действия каждого следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Вместе с тем организованная форма соучастия при совершении контрабанды наркотиков предполагает определенную взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие соучастников. Формирование у организации, состоящей из нескольких лиц, качественно новых свойств связано с согласованностью и упорядоченностью их действий. Распределение ролей характерно для контрабанды наркотических средств и психотропных веществ. Специфика незаконного оборота наркотиков предопределяет наличие определенного механизма, предусматривающего действия различных участников нелегального рынка по производству, распределению, реализации и немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ.

Контрабанда является лишь одним из звеньев незаконного оборота наркотиков. Распределение ролей при ее совершении определяет повышенную степень рассматриваемого посягательства, так как создает возможность вовлечения в незаконный оборот большого количества наркотиков за счет объединения физических и материальных усилий.

В теории управления выделяются различные уровни и виды связей организации, основой которых является координация взаимодействия, направленная на согласование деятельности ее участников.

В организованной контрабанде наркотиков устойчивый характер взаимодействия основывается на выполнении соисполнителями различных противоправных деяний в составе группы. При этом действия одних соучастников создают условия для совершения преступлений другими соучастниками. Определение роли каждого участника организованной группы или преступного сообщества в совершении контрабанды предполагает установление линейных и функциональных связей, а также конкретных действий каждого из соучастников при совершении инкриминированных группе преступлений.

Так, в кассационном определении от 9 июня 2011 г. № 38-О11-4 Верховный Суд РФ обоснованно указал, что предъявление обвинения в совершении конкретных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в составе организованной группы, в соответствии с требованиями ст. 73, 171 УПК РФ предполагает раскрытие признаков организованной группы, роль в совершении данных преступлений каждого из виновных, в том числе не принимавших непосредственного участия в этих преступлениях.

Таким образом, как представляется, контрабанда наркотических средств и психотропных веществ в подавляющем большинстве случаев, в том числе при изъятии крупных партий, является одним из звеньев организованного незаконного оборота наркотиков.

Особенностью преступлений, совершенных в составе организованной группы или преступного сообщества, является совершение посягательства совместно всеми соучастниками, объединившимися с этой целью. При этом объединение подразумевает не только совместность непосредственного участия в преступлении, но и взаимодействие на уровне согласованности и упорядоченности действий виновных. Квалификация контрабанды наркотических средств и психотропных веществ организованной группой и преступным сообществом предполагает определение места данного преступления в механизме незаконного оборота наркотиков, совершенного виновными, и роли каждого из соучастников в достижении преступного результата.

Литература

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М., 2013.
2. Виденькина Ж.В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М., 2014.
3. Крюкова Н.И. Криминологические показатели преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, их основные тенденции и закономерности // Российский следователь. 2015. № 17.
4. Об усилении надзора за реализацией курительных смесей: постановление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека РФ от 9 апреля 2009 г. № 23 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 17.
5. Основные показатели деятельности наркологической службы в РФ: стат. сб. М., 2015.
6. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Российская газета. 2010. 17 июня.
7. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 г. М., 2016.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крылова, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.

УДК 343.624

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

Наталья Владимировна Самойлюк, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: skorra@mail.ru

В статье проводится анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, исследуются оценочные категории, использованные в диспозиции статьи, – опасное для жизни и здоровья состояние, беспомощное состояние. На основе судебной практики и высказанных в доктрине отечественного уголовного права точек зрения формируются правила квалификации оставления в опасности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; состав преступления; оставление в опасности; бездействие; заведомость; опасное для жизни и здоровья состояние.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ABANDONMENT ARE IN A DANGER

Natalia Vladimirovna Samoylyuk, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

The article analyzes the signs of the offense under Art. 125 of the Criminal Code, explores evaluation categories used in the disposition of the article - dangerous for life and health, helpless state. On the basis of jurisprudence and doctrine expressed in the domestic criminal law point of view, a rule is in danger of leaving qualification.

Keywords: criminal liability; corpus delicti; leaving in danger; inactivity; actual knowledge; dangerous to life and health.

Норма права, предусматривающая уголовную ответственность за оставление в опасности, размещена законодателем в гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Традиционно общественно опасные деяния данной главы делятся на три группы: 1) преступления против жизни; 2) преступления против здоровья; 3) преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека. К последней группе относится преступление, предусмотренное ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». В указанную группу также входят преступления, предусматривающие уголовную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Указанная группа преступлений называется так, поскольку преступления, входящие в ее состав, непосредственного вреда жизни и здоровью не причиняют, а только создают опасность причинения такого вреда.

По мнению А. Никифорова, целесообразность выделения в рамках преступлений против здоровья отдельно посягательств, ставящих в опасность жизнь и здоровье потерпевшего, обусловлена двумя причинами. Во-первых, для уголовной ответственности за рассматриваемые преступления как за оконченное деяние не требуется причинения потерпевшему реального вреда. Достаточно того, что создается угроза жизни и здоровью потерпевшего, возникает опасность причинения ему смерти или расстройства здоровья. Во-вторых, опасные для жизни и здоровья преступления по своей природе таковы, что обычно их совершение создает опасность одновременно как для здоровья, так и для жизни потерпевшего [3, с. 8-9].

Правильное применение нормы, предусматривающей уголовную ответственность за оставление в опасности, связано с рядом проблем, таких как использование в диспозиции оценочных категорий, определение признаков, отличающих исследуемый состав от смежных составов, возможность применения оставления в опасности в качестве самостоятельного состава.

Законодательная конструкция оставления в опасности включает в себя такие оценочные понятия, как опасное для жизни или здоровья состояние, а также беспомощность лица, которая, в свою очередь, исходя из законодательной конструкции ст. 125 УК РФ, не включает в себя малолетний возраст, старость и болезнь.

Непосредственный объект исследуемого состава – жизнь и здоровье лица, находящегося в опасном для этих категорий состоянии. Соответственно, потерпевшим от исследуемого вида преступления является лицо, находящееся в опасном для жизни или здоровья состоянии, при этом лишенное возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности. По смыслу закона, необходимо наличие обоих обстоятельств.

Согласно медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, тяжким вредом здоровью признается вред здоровью, опасный для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния [4]. Таким образом, опасность для жизни является важнейшим признаком тяжкого вреда здоровью. Опасным для жизни признается такое причинение вреда здоровью, которое при обычном его течении, при отсутствии медицинской помощи, заканчивается смертью потерпевшего. Тогда как причинение среднего и легкого вреда здоровью опасным для жизни не признается. Однако в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) [5].

Кроме того, согласно вышеупомянутым медицинским критериям, поверхностные повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека.

Анализ указанных законодательных источников показал, что под опасным для жизни и здоровья состоянием признается состояние, при котором причиняется или создается угроза причинения легкого, среднего и тяжкого вреда здоровью.

Переходя к следующему оценочному понятию, используемому в рамках исследуемого нами состава, отметим, что беспомощным признается человек, нуждающийся в помощи, не способный справиться своими силами [9, с. 724].

Признак беспомощности потерпевшего закреплен в диспозициях статей УК РФ, которые предусматривают уголовную ответственность за посягательства на личность. Данный признак является характеристикой психического и (или) физического состояния потерпевшего, с одной стороны, и особого отношения преступника к жертве – с другой. Содержание беспомощного состояния разъясняется в ряде постановлений пленумов Верховного Суда РФ, в которых признаки данного понятия в общем представлены идентично.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [7] разъяснил, что под беспомощным состоянием потерпевшего признаются случаи, когда лицо в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо

оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии. Беспомощным состоянием признается также такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу.

Верховный Суд РФ при характеристике беспомощного состояния очерчивает его такими категориями, как возраст, здоровье потерпевшего, а также иные обстоятельства. Применительно к оставлению в опасности, исходя из его законодательного описания, возраст и болезнь потерпевшего стоят за рамками понятия беспомощности. Данная конструкция представляется не совсем удачной, поскольку не обеспечивает единого применения идентичных признаков составов преступлений Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, по нашему мнению, выделение законодателем в диспозиции ст. 125 УК РФ состояний малолетства, старости, болезни вне рамок понятия беспомощности является излишним, поскольку последнее охватывает указанный возраст и нарушения правильной деятельности организма.

Бесспорно, наука уголовного права охватывает большее количество состояний, признаваемых беспомощным, таких, например, как испуг, шок и другие. При этом нет единого мнения среди ученых о признании беспомощными таких состояний, как сон и гипноз. Кроме того, беспомощность может быть вызвана как объективными причинами (стихийное бедствие, пожар и тому подобное), так и индивидуальными характеристиками потерпевшего (неумение плавать, обморочное состояние и др.) [8, с. 365]. Представляется целесообразным определение понятия беспомощности лица в рамках исследуемого состава преступления в разъяснениях Верховного Суда РФ.

При характеристике признаков потерпевшего также необходимо остановиться на таких понятиях, как самосохранение, малолетство, старость, болезнь.

Самосохранение – это способность лица собственными силами обезопасить свою жизнь и здоровье.

Малолетними по российскому законодательству признаются несовершеннолетние, не достигшие четырнадцатилетнего возраста.

Старость, по словарю С. Ожегова, – сменяющий зрелость возраст, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма [6].

Содержание понятия «болезнь» в рамках данного состава определить сложно, по-видимому, оно должно охватывать такие нарушения физического и (или) психического состояния, при которых лицо не способно применять меры к самосохранению.

Отметим, что не каждое лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста, престарелое лицо, лицо, страдающее какой-либо болезнью, находящееся в ином беспомощном состоянии, будет признаваться оказавшимся в опасном для жизни и здоровья состоянии и лишенным принять меры к самосохранению. Потерпевшим от оставления в опасности будет признаваться лицо, которое указанные обстоятельства лишают возможности самостоятельно предотвратить опасное для своей жизни и здоровья состояние.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, выражена бездействием, а именно заведомым оставлением без помощи лица, обладающего признаками, рассмотренными выше.

Указание на заведомость означает, что виновный знает о беспомощном состоянии жертвы. Информированность о беспомощности потерпевшего может основываться на внешних признаках, из медицинских документов, опыта виновного и других обстоятельств. В рамках данного аспекта следует рассмотреть две ситуации. Во-первых, как квалифицировать действия лица, если будет установлено, что оно со всей очевидностью полагало, что потерпевший вследствие, например, дорожно-транспортного про-

исшествия уже мертвый, а значит, и оказывать ему помощь уже бесполезно? Во-вторых, возможно ли привлечь к уголовной ответственности лицо, если оно, обладая всеми признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, рассчитывало на действия третьих лиц, находящихся на том же месте дорожно-транспортного происшествия, в предотвращении опасного для жизни и здоровья состояния такого лица? Поскольку субъективная сторона оставления в опасности выражена прямым умыслом, что обуславливается конструкцией объективной стороны и указанием на заведомость бездействия, и в той и в другой из представленных ситуаций лицо не подлежит уголовной ответственности за оставление в опасности.

Однако в том случае, если будет установлено, что последствия в виде, например, смерти потерпевшего все равно бы, спустя время, наступили, вне зависимости от того, была оказана помощь потерпевшему или нет, лицо, оставившее в опасности такого потерпевшего, будет подлежать уголовной ответственности, поскольку наказуемо уже само оставление без помощи лица, независимо от того, могло ли ее оказание предотвратить наступление последствий [2, с. 257].

Здесь отметим, что изучение судебной практики по делам о преступлениях, предусматривающих уголовную ответственность за оставление в опасности, позволило прийти к выводу о том, что если в результате названного бездействия наступили последствия, например, в виде причинения вреда жизни или здоровью, то такие последствия самостоятельной уголовно-правовой оценки не имеют.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменений приговор Алтайского краевого суда в части осуждения по п. «а» ч. 3 ст. 161, ст. 125 УК РФ С. и Г., которые, применив к Т. насилие, не опасное для жизни и здоровья, похитили у последнего денежные средства и имущество, после чего оставили его лежащим на снегу в алкогольном опьянении в зимнее время. Т. от общего переохлаждения организма скончался на месте преступления*.

Такая оценка, данная судом, представляется неправильной, не соответствующей идеалам социальной справедливости. Мы поддерживаем точку зрения тех авторов, которые предлагают предусмотреть в рамках состава оставления в опасности квалифицированный состав, включающий в качестве обязательного признака наступление вреда жизни и здоровью человека [2, с. 256; 1, с. 146-147].

Наступление уголовной ответственности за бездействие возможно при наличии двух обязательных условий: когда лицо обязано было действовать и когда лицо могло действовать. Оставление в опасности включает еще один критерий привлечения к уголовной ответственности по исследуемой статье – когда виновный сам поставил потерпевшего в опасное для жизни и здоровья состояние.

Анализ нормы и литературы, ее комментирующей, позволяет сделать вывод о том, что обязанность действовать возникает из избранной профессии или выполнения служебных обязанностей (воспитатели, учителя, пожарные и др.); из прямого указания закона (родители по отношению к несовершеннолетним детям, дети – по отношению к престарелым родителям); из договора найма; предыдущего поведения.

Возможность действовать может быть ограничена субъективными условиями, к которым, например, относятся индивидуальные особенности лица, а также объективными причинами, например, непреодолимой силой, физическим принуждением, при котором лицо не может руководить своими действиями.

По конструкции объективной стороны состав, предусмотренный ст. 125 УК РФ, является формальным, считается оконченным с момента заведомого оставления без помощи лица, находящегося в опасном для жизни и здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению.

* Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2013 г. по делу № 2-83/12. URL: <http://sudact.ru/manager> (дата обращения: 24.03.2016).

Субъект – специальный, лицо, имевшее возможность оказать помощь потерпевшему и обязанное иметь заботу о нем, а также лицо, которое само поставило потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние.

Субъективная сторона оставления в опасности, как нами ранее было указано, выражена прямым умыслом. При этом свои особенности имеет субъективная сторона деяний, выраженных в поставлении самим виновным потерпевшего в опасное для жизни и здоровье состояние, то есть в деянии, предшествующем оставлению в опасности.

Так, Верховный Суд РФ в своем определении указал, что, по смыслу ст. 125 УК РФ, уголовная ответственность за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству (применительно к оспариваемому приговору), наступает в случае совершения неосторожных действий либо в результате иных действий, не зависящих от виновного лица, и оставил без изменений приговор по делу З.О., осужденной по ст. 156, п. «а», «в», «д» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 159 УК ПФ, то есть за неисполнение обязанностей по воспитанию своих малолетних детей, убийство детей с особой жестокостью и мошенничество, совершенное с причинением значительного размера. В апелляционной жалобе адвокат Г. просил изменить приговор в отношении З.О. и переквалифицировать ее действия с п. «а», «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ст. 125 УК РФ, а также смягчить наказание по ч. 2 ст. 159 УК РФ, ссылаясь при этом на то, что в судебном заседании не доказано наличие у его подзащитной прямого умысла на убийство своих детей.

По делу установлено, что после расторжения брака З.О. с Д. дети остались с ней, бывший муж платил ей алименты. В сентябре 2010 г. она с двумя малолетними детьми стала жить в квартире, где не было водопровода, колонка с водой находилась примерно в 500-х метрах от дома, имелось три масляных радиатора, печь была неисправная. Пока она была занята на работе (сутки через двое), ее дети сами гуляли, могли достать продукты из холодильника и поесть. В конце января 2011 г. она стала проживать с З. по месту его жительства, с которым ежедневно употребляла спиртные напитки. В это время она не работала, периодически навещала детей, отвозила им продукты. 4 февраля 2011 г. ее избил сосед З. В течение 10 дней она и З. не выходили из дома, употребляли спиртное. Когда ей стало лучше, она поехала к детям. В запертой квартире она обнаружила мертвых дочерей. Они с З. вернулись к себе и стали распивать спиртное. Через несколько дней она завернула трупы в пододеяльник и положила их в пустое пространство под крыльцом перед входом в квартиру. Бывшего мужа она не уведомила о смерти детей, продолжала получать от него алименты. Экспертиза показала, что смерть детей наступила в связи с оставлением детей без надлежащего ухода и помощи со стороны взрослых, элементарного истощения и общего переохлаждения. Судебная коллегия пришла к выводу о том, что смерть наступила от умышленных действий З.О.*.

Таким образом, действия, направленные на умышленное причинение смерти или вреда здоровью, совершенные лицом, оставившим потерпевшего в опасном для жизни и здоровья состоянии, охватываются статьями УК РФ, предусматривающими уголовную ответственность за указанные преступления, и квалификации по ст. 125 УК РФ не требуют.

Так, суд надзорной инстанции г. Калининграда приговор городского суда изменил, в части осуждения по ст. 125 УК РФ отменил, дело в этой части прекратил. Приговором Советского городского суда Калининградской области К. осужден по ч. 1 ст. 111 и ст. 125 УК РФ и признан виновным в том, что на почве внезапно возникших неприязненных отношений умышленно нанес потерпевшему Н. два удара ножом в область живота, причинив потерпевшему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, за-

* Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2014 г. по делу № 2-54/13. URL: <http://sudact.ru/manager> (дата обращения: 24.02.2016).

тем связал ему руки и ноги, лишив возможности передвигаться и принять меры к самосохранению, игнорируя его просьбы об оказании медицинской помощи, заведомо оставил Н. без помощи, тем самым умышленно поставил его в опасное для жизни состояние, лишив возможности принять меры к самосохранению вследствие беспомощности. Поскольку лицо, умышленно причинившее потерпевшему тяжкий вред здоровью, не может нести ответственность за оставление потерпевшего в опасности, приговор в отношении К. суд надзорной инстанции г. Калининграда в части квалификации его действий по ст. 125 УК РФ отменил за отсутствием состава преступления*.

Как показывает анализ уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, наибольшее затруднение при квалификации вызывает отличие бездействия лица, связанного с оставлением в опасности, от убийства, а также от преступлений против здоровья человека, выраженных бездействием. При сравнительной уголовно-правовой характеристике указанных составов не выделяется принципиальных отличий в их объективных признаках и субъекте. Так, объектом убийства является жизнь, объектом оставления в опасности – жизнь и здоровье лица, находящегося в опасном для этих категорий состоянии. Далее, для привлечения к уголовной ответственности за убийство в форме бездействия, так же как и за оставление в опасности, необходимо наличие обязательных условий, обозначенных нами выше. При этом обязательным признаком объективной стороны убийства является наступление последствий – смерть потерпевшего, тогда как при оставлении в опасности последствия не охватываются рамками такого состава. Обязательные признаки субъектов рассматриваемых преступлений в основном совпадают, разница лишь в возрасте, с которого наступает уголовная ответственность: при убийстве – с 14 лет, при оставлении в опасности – с 16 лет. Мы согласны с теми авторами, которые считают, что субъективная сторона позволяет более четко отграничивать оставление в опасности от смежных составов [1, с. 144].

При совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, виновное лицо понимает, что оно оставляет без помощи лицо, находящееся в опасном для жизни и здоровье состоянии и лишенное возможности принять меры к самосохранению, и желает этого. В том случае, если умыслом виновного охватываются последствия в виде причинения вреда жизни или здоровью, оставление в опасности перерастает в причинение смерти или вреда здоровью.

Так, приговором Архангельского областного суда Т. признан виновным в убийстве своей матери Ш., а именно убийстве, совершенном в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, с особой жестокостью. В апелляционной жалобе осужденный Т. указал, что приговор является необоснованным и несправедливым, так как он не имел умысла на убийство своей матери и просил переквалифицировать его действия на ст. 125 УК РФ. Судом было установлено, что мать Т. являлась инвалидом I группы, не могла самостоятельно передвигаться по дому вследствие ампутации нижних конечностей. Т. после очередного конфликта с матерью ушел из дома, после чего около трех дней он выпивал и не появлялся дома, печь в доме не топил, мать не кормил. Когда он вернулся домой, обнаружил свою мать мертвой. По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Ш. наступила от общего переохлаждения организма.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала выводы Архангельского областного суда обоснованными, поскольку Т., оставляя свою мать Ш., находящуюся в беспомощном состоянии, в неотопляемом помещении на длительный срок, без достаточного количества воды и еды, в условиях постоянно понижающейся температуры воздуха, что несло особые страдания и мучения для потерпевшей, предвидел

* Постановление суда надзорной инстанции от 25 апреля 2011 г. по делу № 44-у-34/2011. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 20.01.2016).

возможность и неизбежность наступления смерти Ш. и желал причинить ей смерть. Действия Т. правильно квалифицированы судом по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ*.

Анализ признаков оставления в опасности позволил прийти к выводу о несовершенстве ее законодательной конструкции. Кроме того, в целях единообразного применения нормы, предусмотренной ст. 125 УК РФ, необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам определения оценочных понятий, предусмотренных диспозицией статьи, обозначения критериев, позволяющих отличить исследуемый состав от смежных.

Анализ уголовных дел, возбужденных по признакам рассматриваемого состава преступления, показал, что наступившие последствия в виде причинения вреда жизни и здоровью никак не учитываются судом, что представляется не вполне обоснованным. Диспозицию оставления в опасности необходимо дополнить квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за оставление в опасности, повлекшее тяжкие последствия, к которым могут относиться смерть или вред здоровью человека.

Литература

1. Клоченко Л.Н. Особенности субъективной стороны оставления в опасности // Проблемы предварительного следствия и дознания. М., 2009.
2. Коробеев А.И. Оставление в опасности: проблемы квалификации // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сб. науч. тр. Саратов: Саеллит, 2006.
3. Никифоров А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1959.
4. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н (с изм. и доп.) // Российская газета. 2008. 5 сентября.
5. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.
6. Ожегов С. Толковый словарь русского языка. URL: ozhegov.org (дата обращения: 18.03.2016).
7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Российская газета. 2014. 12 декабря.
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
9. Универсальный словарь по русскому языку. СПб.: ИГ «Весь», 2009.

* Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 4 сентября 2014 г. по делу № 2-19/2014. URL: <http://sudact.ru/magistrate> (дата обращения: 20.01.2016).

УДК 341.4

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ РОССИИ И СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Юлия Викторовна Шабалина, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: Juliko1@mail.ru

В статье рассматривается возможность сближения норм права, регламентирующих правоотношения в сфере уголовного судопроизводства различных государств, на примере России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Анализируется влияние на правовые системы отдельных стран основополагающих международно-правовых, рекомендательных и модельных правовых актов. Обосновывается необходимость гармонизации законодательства в точках соприкосновения по вопросам международного сотрудничества при условии сохранения государственного суверенитета и закономерных особенностей развития внутреннего законодательства каждого государства.

Ключевые слова: правовая система; международное сотрудничество; уголовное судопроизводство; модельный правовой акт; унификация; гармонизация.

INTERACTION OF LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND THE ASIA-PACIFIC REGION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Yulia Viktorovna Shabalina, lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

A possibility of convergence of legal proposition regulating jural relations, in the sphere of criminal justice of different States, on the example of Russia and countries of the Asia-Pacific regions described in the article. An influence of fundamental international law, recommendation and model legislation on legal systems of certain countries is analyzed. The necessity of harmonization of legislation in contact points of an international cooperation while maintaining sovereignty preservation and reasonable characteristics of the domestic law of each State is substantiated.

Keywords: legal system; international cooperation; criminal justice; model legal act; unification; harmonization.

Правовую основу совместной деятельности государств в сфере уголовного судопроизводства образует комплекс отраслей права. Отдельные моменты регулируются нормами национального, а аспекты, связанные с совместными согласованными для нескольких государств действиями, регламентируются, кроме того, и нормами международного законодательства.

Фундаментальной основой международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства выступает значительное число универсальных международных конвенций, многие из которых приняты под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН). К таковым, например, относится Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [4]. В настоящем документе предложены разнообразные формы международного правового взаимодействия по борьбе с преступностью, а также рекомендации по заключению двусторонних и многосторонних договоров заинтересованных стран о сотрудничестве правоохранительных органов. Всего Конвенцию подписали 120 государств, в том числе и Российская Федерация.

Однако документам такого уровня традиционно свойственна декларативность, поэтому в силу рекомендательного характера они не располагают необходимыми для практического применения механизмами. Кроме того, неизбежная коллизийность ключевых интересов различных государств и их блоков, а также возможность существования конкуренции норм международного и внутригосударственного права нередко делают реализацию международных программных документов, по меньшей мере, затруднительной.

Одним из способов сближения национальной и международной правовых систем выступает имплементация международных норм в национальное законодательство, представляющая собой процесс осуществления требований международного права на территории государства при помощи норм национального права. Однако взаимодействие норм международного и внутригосударственного права не сводится лишь к имплементации, существуют и такие способы взаимодействия международного и национального права, как рецепция и трансформация. Рецепция представляет собой заимствование и приспособление каких-либо уже существующих норм, трансформация же предусматривает превращение, преобразование норм и приведение их в соответствие с национальной правовой системой.

При этом влияние международного права на внутригосударственное не является односторонним. Процесс влияния отраслей национального права на формирование норм международного заключается в следующем. Во-первых, сам механизм такого взаимодействия определяется в основном в рамках национального права, и достижение целей закрепленных правил в регулируемой отрасли зависит от организации этого механизма на внутригосударственном уровне. Решение государства о том, каким образом будет выполнено взятое обязательство, какая процедура будет избрана для реализации международно-правовых норм в национальном законодательстве, является суверенным делом государства и не диктуется имплементируемыми нормами.

Во-вторых, это выражается в установлении общей нормативной отсылки норм национального уголовного права к международному праву, с помощью которой закрепляется формальное признание международно-правовых норм частью права, действующего в стране. В некоторых нормах УК РФ эта бланкетность закреплена непосредственно в диспозициях статей. Так, например, в ст. 355 УК РФ говорится об оружии массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, а в ст. 356 УК РФ – о запрете применения средств и методов ведения войны, установленных международным договором.

Будучи включенными в уголовно-правовую систему страны, такие нормы не утрачивают своей связи с международным правом и в этом плане представляют его специфическую часть – рецепированное право. Так, в сфере международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью нормы уголовного и уголовно-процессуального права оговаривают основания оказания правовой помощи или отказа от ее предоставления запрашивающим государствам, признаки некоторых преступлений, правила толкования норм международного права и т.п.

В-третьих, выступая своеобразным ответом на процессы глобализации преступности, некоторые наиболее опасные преступления (отмывание незаконных доходов, банковские мошенничества, фальшивомонетничество, компьютерные преступления и др.) изначально модифицировались из национальных в международные, а не наоборот. Таким образом, говоря о взаимодействии правовых систем, необходимо учитывать фактор обратного влияния национального права на международное.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательные акты различного уровня отражают друг друга как нормативные явления. Весьма логичной представляется позиция о том, что системы национального и международного права не разделены и не могут быть разделены непроницаемой стеной, напротив, они имманентно взаимосвязаны. Если национальная правовая система, как доказывает исторический опыт,

вполне может быть самодостаточной, международное право немислимо вне связей с национальным правом государств – субъектов и творцов международного права [2, с.72]. Таким образом, правовую основу совместного с другими государствами противодействия преступности следует рассматривать как совокупность норм различных отраслей права, среди которых национальное право занимает важную, а иногда и определяющую роль.

Рамки взаимовлияния этих отраслей продолжают сегодня ощутимо расширяться. Такая тенденция – формирование единого правового пространства в рамках взаимодействия международного и внутригосударственного права – адекватна вызовам глобализации международных отношений. По мнению Ю.А. Тихомирова, национальное и международное право находятся в настоящее время на новом этапе взаимодействия – если ранее они развивались параллельно как самостоятельные правовые системы, то сегодня они идут по пути интенсивного сближения по предметам и методам регулирования. Причина этого заключается в процессах глобализации и более широком и концентрированном сотрудничестве государств [9, с. 4].

Исследователями отмечается, что государства часто с готовностью следуют рекомендациям международных организаций, поскольку в ряде случаев это отвечает их интересам и способствует совершенствованию внутреннего законодательства [1, с. 113]. При этом в рамках национальных отношений по борьбе с преступностью приспосабливаться к новым условиям, на наш взгляд, должна не международная норма, а сама уголовно-правовая система государства, что, в первую очередь, определяется уголовной политикой страны. На фоне сказанного представляется, что и разработчикам международных договоров в сфере уголовного судопроизводства в современных условиях также целесообразно продумывать вопрос о действии каждого договора на перспективу, т.е. как он будет соотноситься с существующим национальным законодательством.

Следует отметить, что особенности систем уголовного судопроизводства разных стран обуславливают разную степень риска для разоблачения и наказания преступников. Используя это, транснациональные преступные организации часто, распространяя деятельность на страны, где возможно извлечение максимальной прибыли, сами располагаются в районах наименьшего для себя риска [10, с. 18-22]. При этом противодействовать данным явлениям приходится государствам, правовые системы которых имеют существенные различия. В связи с этим во многих основополагающих международно-правовых актах, носящих рекомендательный характер, указывается, что такое сотрудничество следует осуществлять не только с учетом международно признанных правовых норм, но и с должным учетом правовых систем участвующих в нем государств. Очевидно, что всеобъемлющее международное сотрудничество в противодействии преступности возможно только при условии согласованности принципов правовых систем, в нем участвующих. В связи с этим необходимо затронуть вопрос возможности сближения или унификации законодательства различных стран.

В рамках решения задач уголовного судопроизводства здесь представляется уместным упомянуть «Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития», разработанные Генеральной Ассамблеей ООН на 68-м пленарном заседании о противодействии отдельным направлениям транснациональной преступной деятельности. В данном документе отмечено, что во многих странах пока еще не сформирована должная нормативная правовая база для борьбы с растущими проявлениями транснациональной организованной преступности. В связи с этим государствам предложено наладить обмен информацией об имеющихся законах и правилах в этой области, проанализировать «адекватность своего уголовного законодательства, включая процессуальные нормы». А в пункте 10 разд. «А» приложения к Резолюции 45/107 содержится требование о содействии в разработке всеобъемлющих типовых кодексов, особенно на

региональном и субрегиональном уровнях для борьбы с преступностью транснационального и международного характера [8, с. 35].

В отечественной науке не раз высказывалась мысль о необходимости унификации законодательства. В рамках совершенствования нормативно-правовой базы противодействия преступности специалисты неоднократно указывали на необходимость создания унифицированных уголовно-правовых норм, согласованных с нормами государств-партнеров, например, выработки единого для всех понятия преступления. Применительно к Дальневосточному региону подобная мысль была высказана Пан Дунмэй, которая полагает, что развитию правовых основ противодействия преступлениям, совершенным на территории Дальневосточного федерального округа, могло бы послужить принятие Международного уголовного кодекса. В него должны войти составы преступлений, имеющие единые формулировки объективной стороны, а также могли бы быть выработаны единые подходы к другим наиболее важным правовым институтам [7, с. 211].

Сторонники унификации законодательства считают, что одним из направлений развития международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства должна стать выработка унифицированных инструментов, содержащих в себе определенные модельные положения (модельные уголовно-процессуальные нормы, модельные положения ведомственных нормативных актов). Так, по мнению В.И. Лафитского, модельные и типовые законы, рекомендации и стандарты, разработанные международными организациями, могут оказывать мощное воздействие на развитие национальных правовых систем, стирая многие различия, существующие между ними [5, с. 45].

Что касается уголовно-процессуального аспекта совместного противодействия преступности, то попытки его унификации в виде принятия модельных законов уже предпринимались. Примером может послужить деятельность в рамках ООН по выработке модельных нормативных актов для стран различных правовых систем – по выдаче, взаимной правовой помощи по уголовным делам, получению доказательств за рубежом, борьбе с финансированием терроризма и отмыванием доходов, полученных преступным путем. Подобные акты, как правило, выполняют роль ориентира на согласованную законодательную деятельность. Их содержание чаще всего представляет формулирование основополагающих принципов, главных положений, вариантов решения тех или иных задач.

Практической реализации таких положений препятствуют два обстоятельства. Во-первых, такие законы – лишь рекомендация, образец, общая концепция для дальнейшего правотворчества на национальном уровне; во-вторых, такие модельные акты часто представляют собой лишь чей-то правотворческий опыт (не всегда отвечающий современным реалиям или особенностям преступности в том или ином государстве). Поэтому законодателю в каждом отдельном случае логично наполнять эту форму содержанием по собственному усмотрению.

Полагаем, что принятие таких мер действительно представляет немалую пользу для заинтересованных государств. Имея рекомендательный характер, подобные нормы представляют собой хороший правовой ориентир для стран-участников, позволяют сделать национальные правовые системы более открытыми, воспринять апробированный опыт других государств, а значит, и повысить эффективность собственного законодательства и его совместимость с законодательством сопредельных стран. Ценность и уникальность рекомендаций обусловлена тем, что правовые решения вырабатываются в результате согласования позиций различных государств, но принимаются ими и воплощаются в жизнь только на добровольной основе.

При этом важно оговориться, что речь, на наш взгляд, не может идти о полной унификации законодательства. В настоящее время каждое государство имеет свою правовую систему, обладающую как общими чертами с другими, так и закономерными отличиями от них. Сказанное в полной мере отражает особенности законодательства Рос-

сии и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Правовая система каждой отдельно взятой страны обусловлена закономерностями развития его общества, историческими, национальными, культурными особенностями. Поэтому в данном случае речь, скорее, следует вести не об унификации законодательства, а о сближении в точках соприкосновения в рамках сотрудничества, то есть о его гармонизации.

Полагаем, что и упомянутые международные рекомендательные, а также модельные правовые акты по своей сути предназначены не для регулирования международных отношений государств, а нацелены именно на гармонизацию национальных законодательств, выработку взаимоприемлемых подходов к тем или иным вопросам внутригосударственной правовой регламентации.

Развитию в данном направлении в немалой степени способствует такая область научной юриспруденции, как сравнительное правоведение (юридический компаративизм). В связи с этим в настоящее время представляются достаточно актуальными разработки по проблемам правоведения в странах АТР. Информация о законотворчестве и правоприменении, об особенностях преступности и эффективности мер борьбы с ней, об уголовной политике и уголовном законодательстве в странах АТР представляет серьезный научный и практический интерес. Государствам, которые в силу различных причин, в том числе географического положения, более близки друг другу, проще выработать согласованные и детально проработанные правила.

Роль согласованного законодательства государств в сфере уголовного судопроизводства России и стран АТР весьма значительна. Только гармонизированное законодательство может способствовать реализации общепризнанного принципа международного права – неотвратимости наступления уголовной ответственности за совершенное преступление, а также служить обеспечению универсального принципа действия уголовного закона в пространстве. Кроме того, гармонизированное законодательство, безусловно, будет содействовать более качественному проведению согласованных мероприятий на территории различных стран, осуществляемых уполномоченными органами в рамках совместных расследований и оказания международной правовой помощи.

Нельзя не согласиться с тем, что сам по себе процесс глобализации хотя и крайне противоречив, но вместе с тем открывает большие перспективы. Задача, стоящая перед любым государством, – определить те возможности и проблемы, которые для него ставит процесс глобализации в различных сферах международных отношений, включая область международного контроля над преступностью, и выработать наилучшие стратегии использования в национальных интересах соответствующих возможностей и устранения потенциальных угроз национальной безопасности [3, с. 84; 6, с. 3].

При этом чрезвычайно важно глубоко понимать особенности правоприменительной практики взаимодействующих государств, оценивать все различия, а особенно точки соприкосновения между разными правовыми системами. Чтобы процесс гармонизации стал максимально эффективным, необходимо понимание, прежде всего субъектами правотворчества, его целей и предпосылок.

Общим для взаимодействующих государств задачам борьбы с преступностью должно отвечать содержание формируемого права, его направленность, избираемые методы регулирования, конкретные способы решения правовых проблем. Такие потребности и общие интересы целесообразно выявлять и согласовывать в процессе международного сотрудничества на всех уровнях – глобальном и региональном, многостороннем и двустороннем. Данный вывод в современных условиях транснационализации преступности приобретает действительно большое практическое значение. Содержательный правотворческий процесс, отвечающий общим задачам, определяет правовое развитие как отдельных государств, решивших объединить свои усилия в противодействии преступности и ее новым вызовам, так и мирового сообщества в целом на ближайшую и длительную перспективы.

Литература

1. Бризкун К.А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство // Журнал российского права. 2010. № 8 (164).
2. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015.
3. Карданов Р.Р., Шагапсоев З.Л. Информационно-аналитическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Судебная экспертиза. 2014. № 1 (37).
4. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.
5. Лафитский В.И. Правовое пространство мира // Международное право и национальное законодательство. М., 2009.
6. Милинчук В.В. Влияние различных тенденций глобализации на международное сотрудничество в сфере контроля над преступностью // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 1.
7. Пан Дунмэй. Противодействие преступлениям, совершенным гражданами КНР на территории российского Дальнего Востока: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2008.
8. Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития (приняты 14.12.1990) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.
9. Тихомиров Ю.А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3.
10. Транснациональная организованная преступность и Россия: монография / под науч. ред. В.А. Номоконова. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2010.

УДК 343.85

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мария Сергеевна Семикина, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: semachka.07@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов, касающихся понимания сущности принципов противодействия эксплуатации несовершеннолетних. Проанализированы различные нормативные правовые акты, обеспечивающие применение предложенных принципов. Представлен комплексный подход к определению и реализации основных направлений борьбы с эксплуатацией несовершеннолетних. Предложено авторское решение проблем противодействия эксплуатации несовершеннолетних на современном этапе.

Ключевые слова: принципы противодействия; эксплуатация; несовершеннолетний; международное законодательство; международное сотрудничество.

FUNDAMENTAL AREAS OF COMBATING EXPLOITATION OF MINORS

Maria Sergeevna Semikina, lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to topical issues related to the understanding of the principles of combating the exploitation of minors. Analyzed various regulatory legal acts ensuring application of the proposed principles. Presents an integrated approach to definition and realization of the main directions of the fight against exploitation of minors. The author suggests solution to the problems of combating the exploitation of minors at the present stage.

Keywords: principles of reaction; exploitation; minors; international law; international cooperation.

Современное состояние рабства и эксплуатации призывают мировое сообщество к совершенствованию обеспечения свободы человека. Общепринятые документы, реализуемые на международном и национальном уровнях, в настоящее время не гарантируют надлежащую защиту неотъемлемых прав человека. Согласно последним оценкам, основанным на информации, представленной Международным чрезвычайным детским фондом Организации Объединенных Наций совместно с Международной организацией труда, более 168 млн детей в возрасте от 5 до 17 лет заняты непосильным детским трудом, более 120 млн из них – в возрасте до 14 лет. Кроме того, дети страдают от различных наихудших форм труда, включая рабство, принудительный и кабальный труд, использование в качестве солдат, сексуальную эксплуатацию, использование взрослыми в незаконной деятельности, включая торговлю наркотиками*. Предположительно, современное рабство позволяет получать нелегальную прибыль в размере около 150 млрд дол. США в год [2].

Российская Федерация, поддерживая активное участие международного сообщества в борьбе с транснациональной преступностью, реализует программы, целью которых является искоренение насилия и эксплуатации несовершеннолетних. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» предусмотрена необходимость формирования механизма, основной целью которого является реагирование представителей государственных структур и общественности на нарушение прав детей, планирование и принятие комплекса мер, обеспечивающих соблюдение прав ребенка и восстановление в случае их нарушения; правовое просвещение; реабилитационная помощь каждому ребенку, ставшему жертвой жестокого обращения или преступных посягательств [13].

Несмотря на значительные усилия России на международном и национальном уровнях по противодействию преступности в отношении детей, данное направление государственной политики нуждается в совершенствовании. При этом действующее уголовное законодательство является основополагающим элементом противодействия преступлениям в отношении детей. Однако, несмотря на то, что в международных актах, ратифицированных Российской Федерацией, закреплено право ребенка на защиту от всех форм эксплуатации, многочисленные дополнения уголовного закона России носят формальный характер.

Корректируемый с учетом изменяющихся условий закон не решил теоретических и практических проблем в части последовательной борьбы с криминальной эксплуатацией несовершеннолетних. Проблема заключается в том, что в уголовном законе России эксплуатация является составообразующим признаком торговли людьми, не имея самостоятельной уголовно-правовой оценки. В этом смысле интересно решение рабочей группы Организации Объединенных Наций по современным формам рабства, которая составила перечень нарушений прав человека, где формы современного рабства – торговля людьми и эксплуатация – представлены в качестве самостоятельных преступных посягательств.

* URL: http://www.unicef.org/protection/57929_child_labour.html (дата обращения: 10.01.2016).

В свою очередь, отсутствие регламентации в законе понятия «криминальная эксплуатация» препятствует систематизации рассматриваемых преступлений, затрудняет ведение их статистического учета, как следствие, не позволяет сформировать реальное представление о масштабах преступных посягательств. На это есть ряд субъективных причин. Например, пострадавшим законодательством не гарантирована абсолютная защита и последующая реабилитация. Более того, потерпевшие редко идут на контакт с правоохранительными органами, предпочитая умалчивать о совершении в отношении их такого рода деяний во избежание применения к ним разного рода санкций, что определяет высокий уровень латентности указанных преступлений [1, с. 114-145].

На фоне принятия законодательных актов по противодействию терроризму [18], коррупции [17] и экстремизму [19], в которых регламентируются понятийный аппарат, система принципов и компетенции государственных органов, заявленный государством приоритет борьбы за права детей остался лишь посылом. Подтверждением тому является отсутствие нормативного правового акта, регламентирующего противодействие преступности в отношении несовершеннолетних, что можно оценить как полное игнорирование имплементированных норм международного права в рассматриваемой сфере. Однако без предварительных теоретических исследований это сделать сложно. При этом важным аспектом анализа является разработка принципов противодействия криминальной эксплуатации несовершеннолетних.

Исходя из специфики преступных посягательств, сопряженных с эксплуатацией несовершеннолетних, необходимо выделить базовые принципы, понимание которых позволит сформировать и обеспечить систему противодействия нарушению неотъемлемых прав ребенка. Являясь ориентиром для законодателя и правоприменителя, основополагающие принципы представляют собой направление, движение по которому свидетельствует о неукоснительном соблюдении прав и свобод человека и гражданина в демократическом обществе. В связи с этим деятельность по противодействию преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних, должна быть регламентирована на основании обозначенных принципов.

Первый принцип противодействия включает в себе приоритет защиты прав и интересов несовершеннолетних, заложенный нормами международного права и отразившийся в национальном законодательстве.

Приоритет защиты и развития детей, от которых зависит выживание, стабильность и прогресс всех стран и всей человеческой цивилизации, предусмотрен во Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей [4], обосновавшей значимость правого обеспечения охраны подрастающего поколения. Конституция РФ воспроизвела декларативное положение, обозначив нахождение детства под защитой государства. Целенаправленная работа в области обеспечения благополучия и защиты института детства является одним из национальных приоритетов государственной политики в современной России. В посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации регулярно ставятся задачи по разработке современных и эффективных государственных направлений в области защиты детства. Проблемные аспекты обеспечения охраны детства и соответствующие пути их урегулирования отражены в таких документах, как Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [12], Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [9].

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определяет, что целями государственной политики в интересах детей являются формирование правовых основ гарантий прав ребенка и защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [6].

Несмотря на массив нормативных правовых актов, регламентирующих различные сферы жизнедеятельности несовершеннолетнего, содержание принципа приоритета

защиты прав и интересов несовершеннолетних требует дополнительных разъяснений, поскольку отражено законодателем в искаженной форме.

Обозначенная позиция обусловлена рядом субъективных причин, первая из которых заключается в отсутствии в национальном законодательстве дефиниции «приоритет прав ребенка». Несмотря на массивное использование данной категории, признаки приоритетного статуса несовершеннолетнего в национальном законодательстве не регламентированы. Этот недостаток на протяжении длительного периода времени устраняется путем использования общепризнанного принципа международного права – приоритета защиты ребенка. Ратифицированный международный документ, содержащий данную категорию, позволяет законодателю ограничиваться ссылкой на декларативную норму, отказавшись от дальнейшего развития ее положений в законодательстве Российской Федерации. Здесь же возникает вторая проблема: длительное отсутствие легального закрепления и толкования принципа приоритета прав и интересов ребенка в национальном законодательстве не позволяет сформировать полноценную систему защиты несовершеннолетнего. Решение задач социально-правового характера наряду с обеспечением защиты от преступных посягательств путем совершенствования мер противодействия должно базироваться именно на основополагающих направлениях приоритета подрастающего поколения над другими национальными интересами.

Следующим не менее важным принципом является взаимодействие государственных и общественных структур, позволяющих обеспечивать надлежащую реализацию многоаспектных направлений противодействия преступности. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений предусмотрела для государств-участников необходимость содействия сотрудничеству между компетентными государственными органами, гражданским обществом и частным сектором в целях более эффективного предотвращения сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и борьбы с этими явлениями. Осуществление сотрудничества базируется на применении соответствующих международных и региональных документов и договоренностей, достигнутых на основе единообразного или действующего на основе взаимности законодательства и внутреннего права [10].

Данная позиция находит свое подтверждение и среди ученых. Так, К.А. Волков справедливо указывает на необходимость налаживания эффективного взаимодействия между государственными структурами и общественными организациями по выявлению жертв эксплуатации человека и предоставлению им защиты и помощи [1, с. 147].

Активизировавшееся полноправное партнерство государства и общественности в большей части доказало свою эффективность в решении таких социальных задач, как противодействие коррупции и экстремизму. Что касается развития рассматриваемого принципа в сфере противодействия криминальной эксплуатации несовершеннолетних, здесь стратегическое взаимодействие находится на первоначальном этапе.

Примером реализации данного принципа является взаимодействие, осуществляемое Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав с представителями государственных и негосударственных структур, по привлечению уполномоченных должностных лиц и специалистов для оказания практической помощи государственным и муниципальным органам и учреждениям в целях выработки предложений и рекомендаций по дальнейшему совершенствованию их деятельности, связанной с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защитой их прав [16].

Следует отметить, что тенденция увеличения партнерства государства и общественности обусловлена повышением взаимной заинтересованности и очевидной эффективности совместных усилий. Не лишено смысла расширение перспектив целенаправленной, реализуемой на основании программ федерального и регионального уров-

ня деятельности по противодействию криминальной эксплуатации несовершеннолетних.

Не менее важным принципом является защита детей от криминальной эксплуатации. Декларативный принцип свидетельствует, что ребенка необходимо защищать от любых форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации [21]. Конвенция о правах ребенка несколько модифицировала данное положение, обязав государства-участников принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке [15]. Декларация и План действий «Мир, пригодный для жизни детей» [3] призывают защищать детей от наиболее опасных посягательств, к которым наряду с эксплуатацией причислены насилие, дискриминация, терроризм и захват заложников.

Семейный кодекс РФ содержит запрет осуществления воспитания, сопряженного с эксплуатацией детей. Национальная стратегия в интересах детей в качестве основного направления деятельности заявила повышение уровня защищенности ребенка от насилия и любых форм эксплуатации [13].

Представляется вполне очевидной необходимость доктринального закрепления данного принципа, позволяющего более полно исследовать явление криминальной эксплуатации и активизировать борьбу с ним.

Следующим универсальным принципом является принцип законности. Акцентируя внимание на реализации этого принципа, коснемся положений защиты прав несовершеннолетних, предусмотренных основными источниками права в данной сфере.

Конвенция о правах ребенка говорит о потребности принятия необходимых законодательных мер с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление [15]. Заложив основы защиты прав ребенка, международные положения имплементированы в нормах национального законодательства. Так, Уголовный кодекс РФ защищает несовершеннолетних от наиболее опасных посягательств, гарантируя им охрану жизни, здоровья, половой неприкосновенности, полноценного физического и нравственного развития. Семейный кодекс РФ гарантирует соблюдение прав и интересов в сфере семейных правоотношений, где ребенок – полноправный член семьи, права и интересы которого безоговорочно учитываются. Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [8] наиболее полно раскрыл закрепленные за ребенком права человека и гражданина, принадлежащие ему от рождения. Тем не менее, наличие значительного количества нормативных правовых предписаний не дало исчерпывающей правовой регламентации обеспечения и защиты прав несовершеннолетних. Так, направление защиты от криминальной эксплуатации несовершеннолетних не получило закрепления ни в одном источнике права, что свидетельствует о нарушении принципа законности, гарантирующего обеспечение правовой регламентации всех сфер жизнедеятельности ребенка.

Вместе с тем Конвенция о правах ребенка обращает внимание на необходимость со стороны государственных или частных учреждений, занимающихся вопросами социального обеспечения, судов, административных или законодательных органов, оптимального обеспечения интересов ребенка [15]. Гарантом законности в сфере защиты несовершеннолетних от криминальной эксплуатации служат различные субъекты, наделенные государственно-властными полномочиями. Результаты деятельности указанных лиц приобретают особую значимость, поскольку позволяют сформировать реальное представление о противодействии посягательствам в отношении детей. Так, Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка направляет в федеральные ор-

ганы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и должностным лицам заключение о возможных и необходимых мерах восстановления нарушенных прав и интересов ребенка либо о необходимости привлечения в установленном порядке представителей научных и иных организаций, ученых и специалистов для осуществления экспертных и научно-аналитических работ, касающихся защиты прав ребенка [7]. Рассматривая правовой статус данного субъекта, становится очевидным, что он наделен общими полномочиями, в то время как специфика его деятельности должна проявляться именно в исключительности его компетенций.

Обеспечение законности, осуществляемое Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, основными задачами которой являются координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, связано с обеспечением исполнения законодательства РФ в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав; с выработкой согласованных подходов к решению основных вопросов, касающихся приоритетных направлений деятельности; с выработкой предложений и рекомендаций органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав [16].

Несмотря на масштабность осуществляемой деятельности, комиссия не принимает должного участия в защите прав и интересов детей, не вовлеченных в криминальную сферу, а значит, не находящихся в социально опасном положении, однако нуждающихся в компетентной правовой помощи. Аналогичная ситуация свойственна деятельности участкового уполномоченного полиции, в компетенции которого отсутствует необходимость своевременной работы с несовершеннолетними, не состоящими на профилактическом учете и не нуждающимися в коррекции поведения.

Ввиду специфики объекта правовой охраны представляется важным дополнить существующие направления деятельности перечисленных лиц в сфере обеспечения прав и интересов детей такой задачей, как защита несовершеннолетних от преступных посягательств, в том числе и криминальной эксплуатации. Легальное оформление данного направления позволит активизировать деятельность по противодействию криминальной эксплуатации несовершеннолетних, обеспечив своевременное реагирование на угрозы нарушения прав детей.

Таким образом, принцип законности в сфере противодействия криминальной эксплуатации несовершеннолетних не реализован в достаточной мере, поскольку отсутствует его законодательное оформление. В связи с этим, субъекты, осуществляющие деятельность по защите несовершеннолетних, лишены необходимого правового инструмента, следовательно, не в полной мере осуществляют возложенные на них функции и задачи.

Неотвратимость наказания, представленная в качестве принципа противодействия, имеет большое практическое значение. Декларация и План действий «Мир, пригодный для жизни детей» призывают государства покончить с безнаказанностью виновных в совершении каких бы то ни было преступлений против детей путем привлечения их к ответственности и распространения информации о вынесенных мерах наказания за такие преступления [3].

Необходимо отметить, что основные международные документы в области защиты прав и интересов несовершеннолетних содержат общие положения о неотвратимости наказания за посягательства в отношении детей. Соответственно, важной гарантией обеспечения защиты несовершеннолетних становится реализация принципа в практической деятельности привлечения виновных лиц к ответственности.

По мнению Т.Р. Сабитова [22, с. 264], идея неотвратимости ответственности не нашла реализации в УК РФ. Вместе с тем, в национальной уголовной политике данный

принцип оговорен в рамках борьбы с терроризмом [18] и экстремистской деятельностью [19], представляющими опасность для Российского государства. В свою очередь, невозможность реализации данного принципа порождает боязнь и отказ потерпевших от сотрудничества с правоохранительными органами, а также приводит к отсутствию статистического учета данной категории преступлений, невозможности учета лиц, признанных виновными в совершении посягательств, сопряженных с эксплуатацией, к сомнительной оценке результатов достижения целей наказания. Таким образом, необходимость криминализации данного явления очевидна и соответствует соблюдению требований международного законодательства о привлечении виновных к ответственности.

Следующим принципом является системность и комплексность осуществляемых мер. Согласно Сальвадорской декларации о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире [11], усилия по разработке и принятию решений в области предупреждения преступности должны основываться на комплексном подходе и сотрудничестве всех заинтересованных участников, а именно государства и представителей гражданского общества.

Соответственно, защита прав ребенка в Российской Федерации должна формироваться системно, отличаться своевременным реагированием на нарушения прав каждого несовершеннолетнего, базироваться на основе диагностики сложившейся ситуации, реализации необходимого комплекса мер, направленных на обеспечение соблюдения, а равно восстановления нарушенных прав.

На протяжении длительного периода времени осуществляется разработка комплексной национальной программы по предотвращению насилия в отношении детей и реабилитации детей – жертв насилия. Создание некоммерческого партнерства «Российский национальный мониторинговый центр помощи пропавшим и пострадавшим детям» предусмотрено в целях объединения усилий государства и гражданского общества в работе по поиску пропавших детей, профилактике и пресечению преступлений насильственного и сексуального характера, в том числе совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также повышения эффективности деятельности следственных органов при расследовании преступных посягательств в отношении детей [13].

Таким образом, формирование политики противодействия криминальной эксплуатации несовершеннолетних может быть обеспечено исключительно за счет принятия мер, осуществляемых во всех сферах их жизнедеятельности.

Международное сотрудничество, отраженное в большинстве международных документов, направленное на развитие взаимоотношений в сфере борьбы с преступностью, является следующим принципом противодействия. Защита прав детей и улучшение их жизни, согласно Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей [6], достигается путем совершенствования международного сотрудничества и предполагает необходимость межгосударственных связей. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, акцентирует внимание государств-участников на принятии необходимых мер по укреплению международного сотрудничества путем заключения многосторонних, региональных и двусторонних договоренностей в целях предупреждения, обнаружения, расследования, уголовного преследования и наказания лиц, виновных в совершении деяний, связанных с торговлей детьми, детской проституцией, детской порнографией и детским секс-туризмом [14].

Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей признает необходимость совершенствования защиты детей в международных ситуациях, напоминает важность международного сотрудничества в отношении защиты детей [20].

В Российской Федерации общепринятые положения о необходимости международного сотрудничества не нашли своего отражения в полном объеме. Показательным примером является единственный в своем роде приказ Генпрокуратуры РФ от 28 апреля 2011 г. № 113 «Об организации исполнения Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека», где стороны уделяют особое внимание наиболее актуальным вопросам противодействия торговле людьми, в том числе вовлечению несовершеннолетних, иных лиц, находящихся в зависимом положении, в противоправную деятельность в целях эксплуатации [5].

Надо полагать, что в современных условиях механизм международного сотрудничества видоизменился, однако статус и специфика объекта охраны не позволяют игнорировать опыт и мнение участников международного сообщества. В таком понимании международного сотрудничества заинтересованы все участники, определившие необходимость защиты детей выше политико-экономических разногласий.

Акцентируя внимание на правовом обеспечении противодействия криминальной эксплуатации несовершеннолетних, очевидно, что наличие значительного количества общих норм о защите прав ребенка не восполняет отсутствие специализированного нормативного акта. Препятствием для своевременного появления ориентированного документа можно назвать социально-экономические и политические причины.

На данном этапе считаем возможным внесение дополнений в Государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [8], в частности, отдельного направления противодействия преступности в отношении несовершеннолетних.

В заключение подчеркнем, что противодействие эксплуатации несовершеннолетних осуществляется по нескольким направлениям, базирующимся на использовании широкого спектра мер. При этом, мы убеждены, основополагающие принципы противодействия эксплуатации несовершеннолетних должны быть положены в основу деятельности всех субъектов, осуществляющих обеспечение и защиту прав и интересов несовершеннолетних, а значит, соответствовать развитию эффективного правового механизма их деятельности.

Литература

1. Волков К.А. Почему проблема торговли людьми и эксплуатации человека остается острой? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2.
2. Джаяхан С. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития. Вашингтон, округ Колумбия, США. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru.pdf (дата обращения: 16.12.2015).
3. Мир, пригодный для жизни детей: декларация и план действий приняты на 27-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 мая 2002 г. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
4. Об обеспечении выживания, защиты и развития детей: декларация от 30 сентября 1990 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 6.
5. Об организации исполнения Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека: приказ Генпрокуратуры РФ от 28 апреля 2011 г. № 113 // Законность. 2011. № 8.
6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
7. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 36. Ст. 4312.

8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2188.

9. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

10. О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений: конвенция от 25 октября 2007 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6.

11. О комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире: Сальвадорская декларация от 21 декабря 2010 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/salvador_declaration.shtml (дата обращения: 20.12.2015).

12. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

13. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

14. О правах ребенка, касающихся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: факультативный протокол к Конвенции от 25 мая 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 7. Ст. 633.

15. О правах ребенка: конвенция от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

16. О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2093.

17. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

18. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

19. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

20. О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей: конвенция от 19 октября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 32. Ст. 4297.

21. Права ребенка: декларация от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека: сб. док-в. М., 1990.

22. Сабитов Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 34.03

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)

Артем Григорьевич Репьев, старший преподаватель Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: repev-artem@yandex.ru

В статье рассматривается теоретико-правовая конструкция специального правового статуса. На примере сотрудника органов внутренних дел выдвигается тезис о том, что к обязательным элементам его правового положения помимо прав и обязанностей относятся ограничения, запреты, правовые преимущества и ответственность.

Ключевые слова: специальный правовой статус; ограничение; запрет; правовое преимущество.

SPECIAL LEGAL STATUS: ESSENCE AND THE CONTENTS (ON THE EXAMPLE OF THE EMPLOYEE OF LAW-ENFORCEMENT BODIES)

Artem Grigoryevich Repev, senior lecturer of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

In article the teoretiko-legal design of special legal status is considered. On the example of the employee of law-enforcement bodies the thesis that to obligatory elements of its legal status, besides the rights and duties, belong moves forward: restrictions, ban, legal advantages and responsibility.

Keywords: special legal status; restriction; ban; legal advantage.

Реформирование государственной системы страны вновь обращает наше внимание на имеющуюся закономерность. В условиях экономической оптимизации, модернизации административного и организационно-штатного построения органы внутренних дел остаются стержнем правоохранительной деятельности. Граждане, состоящие на службе в этой системе, выполняют ключевую работу по обеспечению общественной безопасности и правопорядка. Выполнение возложенного объема задач возможно лишь путем законодательного закрепления и неуклонной реализации элементов их правового статуса (положения)*.

В теории права принято выделять общий (базовый, или конституционный) правовой статус, специальный (родовой) статус для отдельных групп граждан (государственных служащих, осужденных, пенсионеров и др.) и индивидуальный (частный) статус, который отражает признаки, характеризующие правовое положение конкретного лица [7, с. 53, 63-64]. Общий правовой статус одинаков у всех людей, не зависит от складывающихся обстоятельств, национальных особенностей той или иной политико-

* Правовые понятия «статус» и «положение» понимаются нами как синонимичные, несмотря на имеющиеся в юриспруденции мнения об их различии.

правовой системы. Специальным правовым статусом обладают отдельные категории субъектов в зависимости от гендерных, возрастных, национальных признаков, уровня образования, социального и служебного положения, правовых преимуществ (дополнительные права, льготы, иммунитеты), правовых запретов, ограничений и ответственности. Для сферы общественных отношений, формирующихся в процессе правоохранительной службы, наличие специального правового статуса характерно для сотрудников подразделений органов внутренних дел.

Не будем углубляться в научную дискуссию относительно сущности и содержания правового статуса, отчасти только от того, что это в принципе невозможно и нецелесообразно в рамках данной работы. Проблема достаточно подробно освещена на страницах научной печати и от этого, к слову, не стала менее актуальной и интересной. Например, только имеющиеся мнения относительно элементного состава правового статуса личности на сегодняшний день исчисляются даже не десятками. Не менее различны подходы ученых относительно элементов специального правового статуса сотрудников органов внутренних дел. В частности, В.М. Манохин к таким элементам относит помимо прав и обязанностей по занимаемой должности также правовые формы деятельности и порядок взаимоотношений [6, с. 73]. Более предпочтительной, ввиду своей полноты и обстоятельности, представляется позиция Ю.Н. Старилова, который к вышеуказанным элементам добавил ответственность, льготы, гарантии и компенсации [20, с. 135].

Несмотря на достаточную всесторонность данной конструкции, мы все же заметим, что статус сотрудника органов внутренних дел обладает дополнительными элементами. Так, гражданин, поступаая на службу, после издания соответствующего правового акта о назначении на должность попадает в правовой режим не только правомочий, но и запретов, ограничений и ответственности. Кроме того, например, правовые преимущества личности в форме иммунитетов, привилегий, льгот неразрывно связаны с ее субъективными правами и обязанностями, служат дополнительным этапом в процессе формирования новых субъективных прав и обязанностей, направлены на улучшение положения (статуса) их обладателя и обеспечения его социальными, финансовыми благами, в объеме, отличающемся от общеустановленного.

Исходя из вышеизложенного, выделим следующие элементы структуры специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел: *права, обязанности, ограничения, запреты, ответственность и правовые преимущества*. Остановимся более обстоятельно на каждом компоненте.

Право относительно категорий лиц, занятых в сфере публично-правовой деятельности и правоохранительной службы, имеет вид субъективного публичного права. Принимая во внимание функциональные особенности деятельности органов внутренних дел, названные права облекаются в форму государственно-властных полномочий, позволяют сотрудникам иметь больше возможностей по сравнению с согражданами для оказания влияния на регулирование общественных отношений, что, как следствие, влечет ответственность за состояние правопорядка и безопасности в государстве.

Применительно к сотрудникам государственных правоохранительных структур Д.Н. Бахрах предлагает развернутую классификацию прав [2, с. 39-41]. Автор подразделяет их на служебные, которые, в свою очередь, включают в себя общеслужебные (их имеет каждый сотрудник для исполнения должностных обязанностей) и должностные права, а также личные права.

Права сотрудника по замещаемой должности, конкретизирующие его деятельность, определяются в должностном регламенте (должностной инструкции). Государственная служба осуществляется на государственных должностях, отсюда должность – необходимый элемент государственной службы. Нормативными правовыми актами соответствующего органа определяются наименование должности, место в служебной

иерархии, порядок замещения. Она включается в штатное расписание и единую номенклатуру должностей органов внутренних дел.

Следовательно, *должностной регламент* – это *нормативный правовой акт, детализирующий правовой статус лица по должности, в том числе права, обязанности и ответственность, условия и основания замещения, квалификационные требования, предъявляемые к кандидату, правила и процедуры юридически значимых действий, совершаемых по должности.*

Следует обратить внимание на затруднительность классификации юридических обязанностей сотрудника органов внутренних дел. Это обусловлено как их широтой, максимально объемным содержанием, так и неунифицированным характером, предполагающим обращение к различным отсылочным нормативным правовым актам. Вследствие этого неисполнение юридических обязанностей сотрудниками полиции может выступать нарушением прав и свобод граждан.

Ю.Н. Стариков обязанности государственного служащего классифицирует на основные, устанавливаемые федеральным законодательством, и особые, которые устанавливаются для отдельных категорий государственных служащих специальными нормативными актами [20, с. 332]. Д.Н. Бахрах предлагает их разделить на общеслужебные и должностные [1, с. 134].

Представляется целесообразной, в познавательном плане, дифференциация юридических обязанностей сотрудника органов внутренних дел по характеру их действия на *общие (основные), специальные и служебно-прикладные*. Общие обязанности, как гражданина России, закреплены в Конституции России (обязанности соблюдать правовые акты государства, своевременно уплачивать налоги и др.). Специальные определяют его обязанности как сотрудника органов внутренних дел и (или) полиции. Служебно-прикладные обязанности конкретизируют общие и специальные обязанности применительно к специфике сферы деятельности. Например, ведомственные нормативные правовые акты устанавливают более 100 служебно-прикладных обязанностей участкового уполномоченного полиции.

Непосредственно к обязанностям сотрудника органов внутренних дел примыкают ограничения, запреты и ответственность как неотъемлемые элементы его специального правового статуса. Подобное утверждение подкреплено, например, п. 12 ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О полиции», который в качестве обязанности предписывает всем сотрудникам полиции соблюдать установленные федеральными законами ограничения и запреты, связанные со службой в полиции, а также требования к служебному поведению.

В юридической литературе, текстах нормативных правовых актов нередко запреты и правовые ограничения отождествляются, смешиваются либо происходит подмена одного института другим. Справедливые нарекания, с точки зрения логики изложения содержательной части и юридической техники закрепления, вызывают положения, регламентирующие некоторые элементы правового положения сотрудника полиции. Объясняется это тем, что изложены они, как минимум, в пяти статьях: в федеральных законах «О службе...» (ст. 11 «Права сотрудника органов внутренних дел», ст. 12 «Основные обязанности сотрудника органов внутренних дел», ст. 14 «Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел») и «О полиции» (ст. 12 «Обязанности полиции», ст. 27 «Основные обязанности сотрудника полиции»). Кроме того, несовершенство правотворческой техники заключается еще и в том, что регламентированию правового положения ряда других государственных служащих, имеющих специальный правовой статус, посвящены отдельные законы [17, 18], что исключает возможность двойного толкования их основополагающих элементов.

Имеют место нормы законодательства, регламентирующие одни и те же фактические обстоятельства, однако в ряде случаев они выступают ограничением, а в других – обязанностью. Пунктом 6.1 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О государственной граж-

данской службе Российской Федерации» непредставление сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи, расценивается как ограничение для дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел [13]. При этом предоставление вышеуказанных сведений выступает еще и обязанностью сотрудника [15, ст. 12].

Мы не разделяем такую точку зрения. Разграничение данных категорий имеет большое значение не только для уточнения теоретических положений, но и непосредственно для практики реализации субъектами своего специального правового статуса. Верной в связи с этим выглядит позиция видных представителей саратовской школы теории права А.В. Малько и А.С. Мордовца. Первый пишет, что правовое ограничение – это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать [5, с. 19]. «Суть правового ограничения, – точно отмечает А.С. Мордовец, подчеркивая его двойственную природу, – состоит в побуждении индивидов к социально полезному поведению, с одной стороны, и сдерживанию их социально вредного поведения, с другой» [9, с. 52].

Попробуем отделить ограничения по службе от запретов, выделив характерные признаки первого и приведя конкретные примеры:

а) наступление неблагоприятных условий (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъекта (например, осуждение его за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно наличие судимости, в том числе снятой или погашенной (п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О службе...»);

б) уменьшение объема свободы, его прав как личности (прохождение процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну; требования к состоянию здоровья, установленные руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел (п. 4, 5 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О службе...»);

в) отрицательная правовая мотивация (близкое родство или свойство с сотрудником, если замещение должности связано с их непосредственной подчиненностью или подконтрольностью; приобретение или наличие гражданства (подданства) иностранного государства (п. 6, 8 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О службе...»);

г) направленность на защиту общественных отношений, выполнение функции их охраны (например, изменение должностного или служебного положения сотрудника, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке, в целях предотвращения или урегулирования конфликта интересов (ч. 3.1 ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»);

д) более высокая степень статусности, значимости для начала или прекращения правовых отношений. Так, фактическое наступление любого из вышеприведенных условий де-юре влечет увольнение сотрудника со службы в органах внутренних дел, прекращение данных правоотношений с государством, тогда как нарушение запретов, как правило, влечет привлечение к дисциплинарной ответственности. Хотя и для этого правила существуют исключения. Так, нарушение запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами может быть квалифицировано как утрата доверия, что повлечет за собой увольнение из органов внутренних дел [15, ст. 82.1].

Иными словами, *ограничения*, связанные с прохождением службы в должности сотрудника органов внутренних дел, – это *установленные нормами права условия и обязательства, при наличии или возникновении которых сотрудники не могут прохо-*

дить службу в органах внутренних дел и подлежат увольнению, а граждане Российской Федерации, апатриды или бипатриды не могут поступить на службу.

Как инструмент регулирования правоотношений ограничение – весьма многоплановое явление, оно реализуется в самых разнообразных формах, в том числе в форме приостановлений, пределов, изъятий, цензов, лимитов и т.д. Примером института *приостановления* службы выступает назначение (избрание) сотрудника на государственную должность Российской Федерации; его безвестное отсутствие в соответствии со ст. 74 Федерального закона «О службе...» [15, ст. 37]. *Пределами*, ограничивающими службу сотрудника, могут выступать рамки возраста. Так, предельный возраст пребывания на службе в должностях сотрудников полиции (до полковника) составляет 55 лет, для сотрудников, имеющих иные специальные звания, – 50 лет. *Цензами*, например для поступления на службу участковых уполномоченных полиции, выступает возраст, состояние здоровья, уровень образования, профессиональные знания и навыки, необходимые для исполнения должностных обязанностей. Для замещения должностей в органах внутренних дел возраст гражданина не должен превышать 35 лет. При этом для назначения на должность участкового уполномоченного полиции гражданину необходимо иметь высшее юридическое образование, а также группу предназначения (по медицинским показателям) не ниже первой [11]. *Лимиты*, предусмотренные для штатной численности каждого подразделения, строго определены [12]. Превышение нагрузочных показателей в части обслуживаемого населения участковыми уполномоченными полиции влечет нарушение организационно-штатной дисциплины.

Запрет в специальном правовом статусе представляет собой самостоятельный элемент, который выражается в *государственно-властном велении субъекту воздержаться от совершения строго определенных действий, а нарушение данной запрещающей нормы влечет наступление юридической ответственности.*

Справедливости ради отметим, что наша позиция относительно оппонирования смешиванию ограничений и запретов не нова. Одним из первых об этом писал А.Г. Братко. «Запреты и ограничения – два различных способа правового регулирования. Основное различие их состоит в том, что запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение в принципе невозможно нарушить» [3, с. 17]. Например, сотруднику органов внутренних дел запрещается состоять в политических партиях, материально их поддерживать и принимать участие в деятельности (п. 6 ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О службе...»).

Правовые ограничения и запреты, как было сказано выше, предшествуют процессу реализации ответственности. На сотрудника органов внутренних дел могут распространяться такие виды юридической ответственности, как уголовная, административная, дисциплинарная и материальная.

При этом для сотрудника органов внутренних дел наличие специального правового статуса предполагает своего рода повышенную ответственность. Данный тезис проявляется в двух аспектах. Во-первых, в прямом смысле словесного оборота, поскольку, например, совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел является признаком, отягчающим наказание (ст. 63 УК РФ). Кроме этого, Уголовный кодекс Российской Федерации также относит к квалифицирующим признакам общественно опасного деяния, усугубляющим положение лица, привлекаемого к ответственности, совершение преступления с использованием своего служебного положения (ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища»).

Во-вторых, высказанный тезис находит свое проявление в ракурсе ретроспективной юридической ответственности. Члены общества априори (и, нужно сказать, справедливо) полагают, что сотрудники полиции должны обладать более высокой степенью осознания своего долга перед государством, высокоразвитыми правовой культурой и

правовым сознанием, являться образцом морали, чести, долга и, что самое важное, воплощать эти требования в своей ежедневной служебной деятельности. Тем более, что сотрудники полиции наделены еще и некоторыми разновидностями правовых преимуществ, например, в форме иммунитета. Проявляется это, как мы знаем, в правомерном наделении их дополнительными гарантиями, заключающимися в неприкосновенности при привлечении к юридической ответственности и неподверженности обязанностям и запретам, установленным законодательством. Так, административный арест не может применяться к имеющим специальные звания сотрудникам органов внутренних дел (ст. 3.9 КоАП РФ). За совершение ряда правонарушений, определяемых Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, сотрудники органов внутренних дел также не могут быть привлечены к административной ответственности, а несут дисциплинарную ответственность [15, ст. 15]. Однако современные представители власти не всегда помнят об этом. Состояние нравственного облика и этических принципов некоторых из них в последнее время вызывает беспокойство и тревогу как общественности*, так и высших государственных лиц [19].

Элементом правового статуса сотрудника, как следует из логики законодателя, являются также и социальные гарантии. Нам представляется не совсем верным употребление именно такой формулировки. И вот почему. Гарантия (от фр. *garantie*) – ручательство, порука в чем-нибудь, обеспечение [14, с. 130]. В теории права под юридическими гарантиями понимаются правовые средства и способы, с помощью которых в обществе обеспечивается реализация прав и свобод граждан [4, с. 12]; система условий, обеспечивающих удовлетворение интересов человека [8, с. 275]. В связи с этим, думается, что только социальными мерами обеспечение специального правового статуса не ограничивается.

Мы данный элемент статуса представляем в несколько ином, расширенном виде, и считаем правильным именовать его правовыми преимуществами. Правовые преимущества для сотрудников органов внутренних дел – это *совокупность юридических норм, обусловленных специальным статусом данного субъекта, имеющих стимулирующее и компенсирующее значение, направленных на создание благоприятствования путем полного или частичного освобождения от некоторых обязанностей, смягчения установленных ограничений и запретов, дополнительной социальной и материальной поддержки.*

Преимущества, реализуясь в первую очередь в форме льгот, привилегий, иммунитетов, выступают мерой государственного одобрения деятельности сотрудника. Исходя из целевого предназначения, мы выделяем правовые преимущества:

1) *организационно-процессуального характера.* Реализуются они, как правило, в форме иммунитетов, гарантий и дополнительных правомочий и заключаются в обеспечении личной безопасности сотрудника и его близких, а также в сохранности имущества указанных лиц (право на ношение и применение оружия; запрет применять к нему насилие, оказывать сопротивление, оскорблять, проявлять неуважение, препятствовать его деятельности под угрозой административной и уголовной ответственности); полномочиях по реализации принудительной силы, обеспечивающей обязательность предъявляемых им требований; свидетельском иммунитете; защите от необоснованного уголовного или административного преследования, обусловленного осуществлением профессиональной деятельности (особый порядок привлечения к административной ответственности, применения мер пресечения и осуществления процессуальных действий и др.);

2) *социально-трудового характера.* Реализуются они в форме льгот, призванных компенсировать ущерб, наносимый здоровью сотрудника в связи с особыми условиями

* В Омске отдали под суд «бешеного» майора // Российская газета. 2016. 20 января. В Оренбуржье полицейского заподозрили в изнасиловании // Российская газета. 2016. 4 февраля.

труда и членам его семьи, а также привилегий, гарантирующих сотруднику благоприятные условия труда и меры поддержки. Например, приоритетное обеспечение жилыми помещениями [16, ст. 4-8];

3) *материального характера*. В этом ключе льготы реализуются в качестве такой их разновидности, как компенсации, т.е. юридического средства, призванного обеспечить восполнение затрат как материального, так и нематериального характера, а также реализовать право на замену отдельных видов натурального обеспечения денежным эквивалентом. Речь здесь может идти о компенсации денежных расходов для отдельных категорий сотрудников на оплату коммунальных и иных услуг; проезда в санаторно-курортную организацию и обратно; за использование личного транспорта в служебных целях. Применяется и такая разновидность льгот, как *пособия*, в виде ежемесячных выплат на содержание детей, ежегодных – на проведение летнего оздоровительного отдыха детей и пр.;

4) *духовного характера*. Вызваны они повышенной опасностью служебной деятельности полиции и несут в себе неопределимый нравственный потенциал по поддержанию духовных основ служения Отечеству, заботе о семье сотрудника, погибшего при исполнении служебных обязанностей. Например, обязательства государства по погребению сотрудников [10], отдание почестей (участие в церемонии погребения почетных караула и эскорта, оркестра и др.).

Безусловно, на вышеизложенных аспектах проблематика сущностного понимания, законодательного закрепления и обеспечения специального правового статуса не заканчивается. Обобщая сказанное, заключаем, что правовые преимущества наряду с правами, обязанностями, ограничениями, запретами и ответственностью – это неотъемлемые элементы специального правового статуса сотрудников органов внутренних дел. Приведенные составляющие правового статуса применительно к конкретной служебной деятельности органов внутренних дел реализуются в пяти компонентах: 1) необходимости совершения определенных действий; 2) необходимости воздержания от совершения строго очерченных действий; 3) необходимости требования совершения либо несовершения тех или иных действий от других лиц; 4) неотвратимости наступления ответственности за неисполнение предписанных действий; 5) дополнении основных прав специфическими возможностями юридического характера для повышенной правовой, социальной и материальной поддержки и защиты.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Административное право России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996. Ч. 1.
2. Бахрах Д.Н. Государственная служба России. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2006.
3. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов: Саратовский ун-т, 1979.
4. Лукашева Е.А. Социалистическая законность в современный период // Советское государство и право. 1968. № 3.
5. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5.
6. Манохин В.М. Советская государственная служба. М.: Юрид. лит., 1966.
7. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987.
8. Мордовец А.С. Гарантии прав личности: понятие и классификация // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 2001.
9. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов: Изд-во Саратовской ВШ МВД РФ, 1996.
10. Об утверждении инструкции о порядке погребения погибших (умерших) сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, лиц, уволенных со службы в органах внутренних дел, оплаты ритуальных услуг, изготовления и установки надгробных памятников: приказ МВД России от 31 декабря 2002 г. № 1272 (в ред. от 31.10.2012) // Российская газета. 2003. 25 января.

11. Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 14 июля 2010 г. № 523 (в ред. от 26.08.2013) // Российская газета. 2010. 23 ноября.

12. Об утверждении примерных нормативов численности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 6 октября 2014 г. № 859 (в ред. от 19.06.2015). Доступ из СПС «Консультант Плюс».

13. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 38.

14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

15. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020; 2014. № 49 (ч. VI). Ст. 6928.

16. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (в ред. от 23.11.2015, с изм. от 14.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4595; 2015. № 48 (ч. I). Ст. 6681.

17. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 14.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

18. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 28.11.2015, с изм. от 29.12.2015) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3366.

19. Репьев А.Г. Правовая культура – неотъемлемый элемент права на иммунитет должностного лица государства // Правовая культура. 2011. № 2 (11).

20. Стариков Ю.Н. Служебное право. М.: БЕК, 1996.

УДК 342.951

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Екатерина Валерьевна Кашкина, заместитель начальника кафедры
кандидат юридических наук;

Анастасия Викторовна Хандогина, заместитель начальника кафедры
(Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)

E-mail: 000049@bk.ru

xandogina@yandex.ru

В работе авторы проводят краткий анализ норм российского законодательства, регламентирующего производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Выявлены определенные недостатки, способные привести к снижению эффективности судебного процесса, а также неверному толкованию норм законодательства. Предпринята попытка определения основных моментов в производстве по делам об административном надзоре, нуждающихся в некоторой корректировке (изменениях).

Ключевые слова: административный надзор; административное производство; административное исковое заявление; административные ограничения; кассационная жалоба; ответчик; поднадзорное лицо.

**PROCEEDINGS ON THE ADMINISTRATIVE SUPERVISION
OF PERSONS RELEASED FROM PRISON: FEATURES
AND TRENDS OF THE LAW**

Ekaterina Valerievna Kashkina, deputy head *kandidat nauk*, degree in Law;
Anastasiya Viktorovna Khandogina, deputy head
(Advanced Training Institute of the MIA of Russia)

In the paper, the authors conducted a brief analysis of the norms of Russian legislation, governing the proceedings on the administrative supervision of persons released from prison. Revealed certain weaknesses that could lead to a decrease in the efficiency of the judicial process, as well as misinterpretation of the legislation. An attempt to identify the main moments in the proceedings before courts concerning administrative supervision, requiring some adjustment (changes).

Keywords: administrative supervision; administrative proceedings; administrative claim; administrative restrictions; cassation appeal; the defendant; the supervised person hearing.

Проблема предупреждения повторных преступлений и иных правонарушений, профилактического воздействия на лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях их перевоспитания, а также защиты государственных и общественных интересов существовала на всех этапах развития российского права. Основные способы и методы осуществления контроля за поведением указанных лиц оформились в единый институт административного надзора в 1966 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР № 5364-VI [5]. Упоминание слова «контроль» было не случайно, так как в советский период административный надзор отождествлялся именно с контролем, являясь его специфической формой или разновидностью. Ярким тому подтверждением было определение, содержащееся в Большой советской энциклопедии, где административный надзор представлялся деятельностью органов государственного управления по контролю за соблюдением организациями, должностными лицами и гражданами установленных государственной властью правил в целях предупреждения, пресечения и устранения нарушений законности в отдельных областях управления [12]. Устанавливался административный надзор за освобожденными из мест лишения свободы органами милиции на основании мотивированного постановления, утвержденного начальником городского или районного отдела (отделения) милиции. Вследствие проведенных реформ и принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации институт административного надзора перестал существовать [9].

С принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (далее – ФЗ № 64-ФЗ) [4] данная профилактическая мера была возрождена, устанавливалась она судом. Однако на законодательном уровне отсутствовало регламентирование производства по делам об административном надзоре, поэтому порядок рассмотрения указанных дел осуществлялся на основе норм гражданского процессуального законодательства [7]. Такое положение объясняется тем, что нормами Гражданского процессуального кодекса РФ регулируется рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений, при которых целью суда является не разрешение спора о праве, а осуществление судебного контроля за законностью действий государственных и муниципальных органов и их представителей.

В связи с тем, что институт гласного надзора за определенной категорией лиц, отбывших уголовное наказание, находится на стыке уголовного, исправительно-трудового и административного права, а в процессе регулирования отношений указанных лиц с обществом предпочтение отдается нормам административного права, что следует из самого названия «административный надзор» [2, с. 42], установление административного надзора должно происходить в рамках административной юстиции.

В своем выступлении на V Всероссийском съезде судей 27 ноября 2000 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «...о необходимости создания административных судов говорилось уже много... Недавно Государственная Дума приняла законопроект в первом чтении. Административная юстиция важна и для защиты прав граждан, и для улучшения работы всех органов власти» [10, с. 4]. Вопрос об административном судопроизводстве и административных судах, начиная с 2000 г., стал дискуссионным, а его разрешение затянулось на многие годы. В январе 2012 г. Владимир Путин вновь вернулся к проблеме создания административных судов [11]. Окончательно вопрос административного судопроизводства был решен 8 марта 2015 г. с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), определяющего порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом РФ и судами общей юрисдикции административных дел.

Безусловно, в связи с вступлением в законную силу столь принципиально значимого нормативного акта, являющегося новеллой для российского законодательства, возникает потребность в проведении анализа положений, регламентирующих производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а именно гл. 29 КАС РФ.

Ранее действующая ч. 1 ст. 261.7 ГПК РФ предусматривала рассмотрение и разрешение дела об административном надзоре судом с обязательным участием лица, в отношении которого подано заявление, связанное с административным надзором. Не можем согласиться с подобной позицией законодателя, а также некоторых ученых, полагающих необходимым признать обязательной явку поднадзорного лица во всех случаях рассмотрения дела об административном надзоре [13, с. 25-26]. Например, С. Жентель утверждает, что освобожденное из мест лишения свободы лицо должно знать об установлении за ним административного надзора и предписанных ограничениях, имеет право возражать против доводов, опровергать представленные доказательства, представлять свои доказательства по делу. Данная категория дел (об установлении административного надзора) должна рассматриваться с участием самого освобожденного, поскольку защита его прав на свободу должна быть действенной, а не формальной [2, с. 42-43].

Анализ практики применения ранее действующей нормы ГПК РФ позволил выделить несколько факторов, оказывающих негативное воздействие на своевременное рассмотрение дела об установлении административного надзора:

1. *Нежелание лица, в отношении которого принимается решение об установлении административного надзора, являться в суд.* Осознание факта установления временных административных ограничений прав и свобод приводит к тому, что лицо сознательно уклоняется от явки в судебное заседание.

2. *Нежелание лица, в отношении которого принимается решение об установлении административного надзора, получать извещение, а равно как и отсутствие возможности извещения следующих категорий лиц:*

- без определенного места жительства;
- без постоянного места работы;
- иностранных граждан, имеющих право находиться на территории Российской Федерации при отсутствии постоянного места жительства, и т.п.

Таким образом, проведение судебного заседания зависело от лица, в отношении которого устанавливался административный надзор, когда его неявка в суд влекла отложение рассмотрения дела.

В настоящее время, из формулировки ч. 1 ст. 272 КАС РФ следует, что присутствие лица, в отношении которого устанавливается административный надзор, является необязательным, за исключением случаев признания судом необходимым его участие в судебном заседании.

Законодатель в гл. 29 КАС РФ предусмотрел охранительные нормы, выраженные в обеспечении субъектами, подавшими административное исковое заявление, участия в судебном заседании лиц, в отношении которых решается вопрос об административном надзоре. Процедура обеспечения явки сотрудниками органов внутренних дел в судебное заседание указанных в ст. 3 ФЗ № 64-ФЗ категорий лиц не предусмотрена указанным федеральным законом, а нормы КАС РФ не регламентируют этот процесс.

Остается под вопросом, какие меры должны предпринять органы внутренних дел для обеспечения участия лица в судебном заседании. Полагаем, что подобное мероприятие обеспечивается такой мерой процессуального принуждения, как привод, состоящий в принудительном доставлении лица в суд. Однако, согласно ст. 120 КАС РФ, привод осуществляется территориальным органом федерального органа исполнительной власти по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов (судебные приставы). Механизм осуществления привода установлен Административным регламентом исполнения государственной функции по обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации установленного порядка деятельности судов [6]. Тем не менее, исходя из формулировки ст. 272 КАС РФ, очевидно, что обеспечивать участие в судебном заседании указанных выше лиц должны органы внутренних дел. Неясно, что законодатель подразумевал под словосочетанием «обеспечение участия», а также каким именно должностным лицом органов внутренних дел оно должно быть исполнено. Исходя из ведомственных нормативных актов, регламентирующих порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [8] (далее – приказ МВД России № 818), в обязанности сотрудников подразделений по надзору, участкового уполномоченного полиции, а также иных субъектов, задействованных в осуществлении административного надзора, не входит обеспечение участия лица в судебном заседании, в отношении которого решается вопрос об административном надзоре.

Аналогичный спорный вопрос возникает и при подаче в суд административного искового заявления об установлении административного надзора. Как отмечают Р.С. Бурганов и Р.Г. Бикмиев, на сегодняшний день остается неясным, кто именно должен обращаться в суд с заявлением – орган внутренних дел или должностное лицо данного органа? Этот незамысловатый вопрос приводит к возникновению сомнений в полномочиях лица, подавшего заявление [1, с. 240]. Административное исковое заявление об установлении, продлении или о досрочном прекращении административного надзора подается органом внутренних дел (ст. 270 КАС РФ), при этом, согласно п. 6.4 приказа МВД России № 818, должностным лицом, наделенным полномочиями по направлению в суд исковых заявлений, является начальник территориального органа МВД России. В сложившейся ситуации подвергается сомнению право подачи административного искового заявления в суд заместителем начальника территориального органа.

Обращает на себя внимание вопрос: в каком статусе выступают органы внутренних дел в суде при установлении административного надзора? Исходя из анализа норм КАС РФ (ст. 54, 272 КАС РФ), можно предположить, что принимающее участие в судебном заседании должностное лицо органов внутренних дел является представителем, на которого распространяются правила гл. 5 КАС РФ. От имени органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления имеют право выступать в суде руководители либо представители указанных органов – в нашем случае это руководитель территориального органа МВД России либо представитель органа внутренних дел – на основании соответствующего приказа руководителя органа внутренних дел (п. 8 ст. 54 КАС РФ). Законодательством допускается рассмотрение и разрешение дела об установлении, продлении административного надзора или о дополнении административных ограничений в случае неявки в судебное заседание надлежащим образом извещенного представителя органа внутренних дел, за исключением случая, если явка такого представителя будет признана судом обязательной

(п. 4 ст. 272 КАС РФ). При этом, в случае неявки без уважительной причины, на представителя органа внутренних дел может быть наложен судебный штраф в размере 30 тыс. руб., которые взыскиваются из личных средств лица (п. 1, 3 ст. 122, п. 6 ст. 272 КАС РФ). Исходя из контекста норм КАС РФ, не ясно, какие обстоятельства относятся к уважительным причинам, так как само понятие «уважительная причина» отсутствует в законодательстве. В то же время статья 167 ГПК РФ обязывает лицо, участвующее в деле, известить суд о причинах неявки и предоставить доказательства уважительности этих причин. Анализ судебной практики позволяет утверждать, что понятие «уважительная причина» является оценочной, когда судья, на основании предоставленных доказательств, определяет, являются ли причины отсутствия в судебном заседании уважительными.

В контексте рассматриваемого вопроса важно подчеркнуть, что в ГПК РФ не были прописаны специальные сроки рассмотрения дела об административном надзоре. Полагаем, суды исходили из общего правила, установленного ст. 154 ГПК РФ, а именно по истечении *двух месяцев* со дня поступления заявления в суд. Отметим, что органы внутренних дел обязаны подавать заявление об установлении административного надзора по основаниям, предусмотренным законодательством, *не позднее чем за один месяц* до истечения срока отбывания осужденным ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного вида наказания, или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы. Очевидно, что сроки предоставления заявления и сроки рассмотрения судом дела об административном надзоре не сопоставимы. С учетом специфики рассматриваемого дела, а также увеличения риска повторных преступлений со стороны указанных в законодательстве категорий лиц, как в научных трудах, так и среди практических сотрудников органов внутренних дел не раз поднимался вопрос о сокращении сроков рассмотрения дел об административном надзоре [3]. Сегодня указанная проблема разрешается в гл. 29 КАС РФ, обязывающей суд незамедлительно принимать к производству административное исковое заявление и в течение *10 дней* со дня его поступления рассматривать административные дела об установлении административного надзора.

Отдельного внимания заслуживает проблема отсутствия нормативного закрепления момента начала действия административных ограничений, установленных судом, в отношении указанных законодательством лиц. Можно предположить, что таковым является момент вступления в законную силу решения суда, обеспечивая право лица на апелляционное обжалование судебного решения, о чем свидетельствуют нормы КАС РФ. В связи с тем, что КАС РФ не регламентирует немедленное исполнение решения суда об установлении административного надзора, а также то, что статья 273 КАС РФ не содержит прямого указания на немедленное его исполнение, соответственно, данное решение вступает в законную силу по правилам, предусмотренным ст. 186, ч. 5 ст. 298 КАС РФ, – по истечении срока, установленного для апелляционного обжалования, то есть *через 10 дней* со дня принятия судом решения. Тем не менее, сроки рассмотрения апелляционной жалобы на решение суда по административному делу об административном надзоре рассматриваются в течение *одного месяца* со дня их поступления в суд апелляционной инстанции. Таким образом, срок вступления в законную силу административных ограничений увеличивается, что создает предпосылки для совершения лицом рассматриваемой категории повторных преступлений либо для создания условий, способных привести к совершению различного рода правонарушений. Подобное идет вразрез с основной целью административного надзора – профилактикой рецидивной преступности.

На основании вышеизложенного предлагаем рассмотреть вопрос о целесообразности внесения изменений (дополнений) в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, в частности:

1. Регламентировать возможность рассмотрения административного дела об установлении, о продлении административного надзора или о дополнении административных ограничений в порядке заочного производства в случае неявки в судебное заседание ответчика, участие которого признано необходимым, должным образом извещенного, не сообщившего об уважительных причинах неявки.

2. Определить обстоятельства, признанные уважительными, наличие которых допускает возможность не присутствовать в судебном заседании лиц, участвующих в судебном процессе.

3. Закрепить определение понятия «обеспечение участия в судебном заседании». Возложить указанную обязанность на территориальный орган федерального органа исполнительной власти по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов.

4. Признать момент оглашения решения суда по административному делу об административном надзоре началом вступления в законную силу административных ограничений, установленных судом, в частности в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 3 ФЗ № 64-ФЗ, при наличии условий, указанных в п. 2 ч. 3 ст. 3 ФЗ № 64-ФЗ.

Очевидно, что апробация Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации внесет соответствующие коррективы, которые позволят усовершенствовать процесс производства по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Литература

1. Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. К вопросу об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3 (23).

2. Жентель С.З. Проблемы установления административного надзора: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 1.

3. Кашкина Е.В., Хандогина А.В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы правоприменительной практики // Полицейская деятельность. 2013. № 6.

4. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».

5. Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации установленного порядка деятельности судов: приказ Минюста РФ от 27 декабря 2006 г. № 384. Доступ из СПС «Гарант».

7. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».

8. О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818. Доступ из СПС «Гарант».

9. О признании неприменяемыми нормативных правовых актов МООП СССР, МВД СССР, МВД РСФСР: приказ МВД России от 12 февраля 2003 г. № 98. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Путин В.В. Компетенция суда распространяется на все дела государства (материалы V Всероссийского съезда судей) // Российская юстиция. 2001. № 1.

11. Путин В.В. Необходимо создать суды для рассмотрения жалоб к государству // Российская газета. 2012. 21 января. URL: <http://rg.ru/2012/01/12/sydi-anons.html> (дата обращения: 13.03.2016).

12. Тяпкин С.Е. Понятие, признаки и назначение административного надзора // Бизнес в законе. 2012. № 5.

13. Федотова О.А. Актуальные вопросы административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 4.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОЦЕДУРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИЗЪЯТОГО ИЗ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И КОНФИСКОВАННОГО ОРУЖИЯ

Ирина Викторовна Ковалева, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: kirvi2013@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы сбережения, отчуждения и дальнейшей реализации изъятого, конфискованного, добровольно сданного и найденного оружия, находящегося на хранении в органах внутренних дел. Автор приходит к выводу, что действующим законодательством не урегулирован порядок действий сотрудников подразделений материально-технического обеспечения органов внутренних дел РФ по реализации оружия в вышеуказанных случаях, что требует тщательной проработки и принятия соответствующих нормативных правовых актов.

Ключевые слова: оружие; изъятие оружия; конфискация оружия; порядок реализации оружия.

TO THE QUESTION OF NORMATIVE LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE OF REALIZATION BY THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS ARE WITHDRAWN FROM CIRCULATION AND CONFISCATED WEAPONS

Irina Viktorovna Kovaleva, lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article discusses the conservation, disposition and sale of seized, confiscated, voluntarily surrendered and found weapons stored in the bodies of internal Affairs. The author comes to the conclusion that the existing legislation does not regulate the procedure of officers of departments of logistics of the internal Affairs bodies of the Russian Federation on the realization of the weapons in the above cases, which requires careful assessment and adoption of relevant normative legal acts.

Keywords: weapons; seizure of weapons; confiscation of weapons; realization of weapons.

В целях защиты жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, охраны природы и природных ресурсов, обеспечения развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепления международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия, на территории Российской Федерации разрешен оборот гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия [1].

По оценкам экспертов, в настоящее время на руках у населения Российской Федерации находится порядка 7,5 млн легально зарегистрированных единиц оружия, в то время как 34 млн не зарегистрированы в установленном законом порядке*.

Права на приобретение, хранение, ношение оружия и обязанности, возникающие у физических и юридических лиц в связи с их реализацией, урегулированы Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – ФЗ «Об оружии»).

В соответствии с п. 21, 22 ч.1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» функции контроля за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов и патронов к оружию, за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия, а также приема, хранения и уничтожения изъятого, добровольно сданного и найденного огнестрельного, газового, холодного и иного оружия, боеприпасов, патронов к нему возложены на органы внутренних дел [5].

В ходе реализации вышеуказанных функций ряд единиц гражданского, служебного и наградного оружия и боеприпасов изымается у их владельцев органами внутренних дел и иными органами исполнительной власти в соответствии с действующим законодательством по различным основаниям, таким как, например, грубые нарушения юридическими лицами лицензионных требований и условий производства, продажи, хранения или учета оружия и патронов к нему; незаконные изготовление, приобретение, продажа, передача, хранение или перевозка огнестрельного оружия; ношение оружия гражданами, находящимися в состоянии опьянения; нарушение гражданами правил хранения, изготовления, продажи, передачи или использования оружия и патронов к нему, а также пересылки оружия; аннулирование лицензии или разрешения; смерть собственника гражданского оружия или смерть гражданина, имевшего на законном основании боевое или служебное оружие; ликвидация юридического лица, являющегося собственником оружия, и др.

Статья 27 ФЗ «Об оружии» определяет, что распоряжение оружием и патронами к нему, изъятыми в связи с нарушением правил в сфере оборота оружия, установленных настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, осуществляется в соответствии с решением суда по уголовному делу, гражданскому делу, административному делу или делу об административном правонарушении либо иного уполномоченного осуществлять производство по делу об административном правонарушении органа.

В свою очередь, суды различных уровней, мировые судьи при рассмотрении уголовных дел и дел об административных правонарушениях, реализуя принцип неотвратимости наказания, законности и справедливости, принимают решения о применении такого вида административного наказания, как конфискация оружия, боеприпасов и патронов к нему, являющихся предметом или орудием совершения административных правонарушений. Также в процессе уголовного судопроизводства суды, в целях возмещения ущерба, причиненного преступлением, либо изъятия имущества, приобретенного преступным путем, применяют конфискацию как иную меру уголовно-правового характера.

Изъятые либо конфискованные оружие, боеприпасы и патроны к нему подлежат передаче в органы внутренних дел в соответствии с п. 79 Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (далее – «Правила оборота оружия») [4]. При этом оружие и патроны, изъятые и признанные вещественными доказа-

* URL: <http://medialeaks.ru/interviews/oruzhie-est-pochti-u-vsex> (дата обращения: 15.03.2016).

тельствами по уголовным делам, передаются на хранение в органы внутренних дел РФ после окончания рассмотрения дел в судебном порядке. Суды же, в большинстве случаев, при принятии решений о конфискации оружия не конкретизируют, подлежит ли оно в дальнейшем уничтожению или реализации, ограничиваясь лишь ссылкой в решении о передаче конфискованного оружия в органы внутренних дел.

Таким образом, по различным основаниям на базах хранения вооружения органов внутренних дел складывается довольно большой объем оружия различного вида, технически исправного и пригодного к использованию, которое может быть реализовано через торговую сеть, с последующим обращением вырученных денежных средств в доход государства.

Ведомственные нормативные акты предписывают хранить такое оружие централизованно, на объединенных складах вооружения органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации. Так, из всего находящегося на объединенном складе УМВД России по Хабаровскому краю вооружения в настоящий момент 50 % составляет изъятое и конфискованное оружие различного вида. В течение 2015 г. УМВД России по Хабаровскому краю было уничтожено около трети от общего числа оружия данной категории, что, однако, не уменьшило количество хранящегося на складах вооружения, так как за этот же период ровно такое же количество единиц оружия было передано на хранение из оружейных комнат территориальных отделов полиции. Хранение данного оружия, поддержание его в исправном состоянии требует от тыловых подразделений органов внутренних дел больших временных, материальных затрат, отвлечения сотрудников тыловых подразделений от основных обязанностей, связанных с обеспечением сохранности и поддержанием в надлежащем состоянии оружия и боеприпасов, стоящих на вооружении органов внутренних дел.

Исходя из сложившейся ситуации, в отдельных случаях существует острая необходимость в скорейшем решении вопроса об определении оснований и порядка отчуждении изъятого, конфискованного и переданного собственниками на хранение оружия. Так, например, отчуждение данного имущества у собственника в связи с неисполнением им обязанностей, предъявляемых к оформлению оружия в соответствии с действующим законодательством, или в связи с нарушением правил хранения, ношения, использования оружия не вызывает трудностей. Алгоритм действий четко охвачен законодательством Российской Федерации и неоднократно реализован на практике. Суды во многих регионах страны выносят решения по искам органов внутренних дел к владельцам оружия, получившим его в порядке наследования и не оформляющим его в надлежащем порядке в установленные сроки, об отчуждении и принудительной реализации данного оружия. При этом сумма, вырученная от реализации данного оружия, выплачивается собственнику, за вычетом издержек, связанных с его отчуждением.

А каков механизм реализации изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, в том числе в отношении которого судами принимается решение о конфискации, то есть о безвозмездном обращении в собственность государства?

Вплоть до 2009 г. порядок обеспечения сохранности и реализации оружия был определен рядом ведомственных приказов МВД СССР, МВД РФ. Так, согласно требованиям приказа МВД РФ от 10 августа 1992 г. № 273 «Об изменении порядка реализации изъятого, сданного, найденного оружия», в целях недопущения уничтожения оружия, представляющего историческую и техническую ценность, а также оружия, ремонт и реставрация которого экономически целесообразны, органам внутренних дел было запрещено уничтожение изъятого, сданного и найденного оружия без осмотра его представителем подразделений материально-технического снабжения на предмет исправности. Проведение работ, связанных с отбором оружия и боеприпасов, осуществлялось членами технической комиссии, создаваемой на базе МВД, УВД (ГУВД), УВДТ (ОВДТ). Исправное, восстановленное, годное к реализации вооружение предписывалось реализовывать на внутреннем и внешнем рынках. С этой целью оно должно было

передаваться на военные базы МВД России для дальнейшей отгрузки на базу МВД России в г. Иваново, где последнее должно было находиться до момента реализации [6].

В Хабаровском крае до 2003 г. этот вопрос был урегулирован постановлением главы администрации Хабаровского края от 13 апреля 1994 г. № 215 «О реализации изымаемого органами внутренних дел гражданского оружия». Данным постановлением Управлению внутренних дел края предписывалось создать постоянно действующую комиссию по выявлению технически пригодного к дальнейшей эксплуатации и подлежащего реализации изъятого оружия. В случаях выявления такого оружия, после принятия окончательного решения, в установленном законом порядке годное к дальнейшей эксплуатации, подлежащее реализации изъятое гражданское оружие надлежало передавать в Краевое общество охотников и рыболовов, где оно проходило процедуру оценки экспертом-оценщиком. После этого оружие можно было реализовывать в соответствии с законодательством Российской Федерации через расположенные в г. Хабаровске магазины, имеющие лицензии на торговлю оружием, 80 % вырученных при этом денежных средств направлялись на приобретение средств индивидуальной бронезащиты, активной обороны и специальных средств для нужд УВД Хабаровского края, а оставшиеся 20 % – на внебюджетный счет администрации Хабаровского края [8]. В связи с принятием Федерального закона «Об оружии» и Постановления Правительства Российской Федерации «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», а также в целях приведения нормативных актов Хабаровского края в соответствие с федеральным законодательством постановление главы администрации Хабаровского края от 13 апреля 1994 г. № 215 «О реализации изымаемого органами внутренних дел гражданского оружия» было признано утратившим силу [7].

В настоящий момент порядок реализации гражданского оружия, находящегося на хранении на складах вооружения органов внутренних дел, ведомственные нормативные акты МВД РФ регулируют лишь в случае принятия в судебном порядке решения об отчуждении гражданского и служебного оружия. Согласно п. 31 Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ, утвержденного приказом МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107 [3], такое оружие в двухнедельный срок передается специалистом по вооружению для реализации в торговую организацию, имеющую лицензию на данный вид деятельности.

Согласно п. 9 «Правил оборота оружия», оружие и патроны, обращенные в установленном порядке в государственную собственность, принимаются на комиссионную продажу от органов внутренних дел юридическими лицами, имеющими лицензию на торговлю оружием.

Однако, прежде чем такого рода оружие попадет в специализированную организацию, имеющую лицензию на торговлю оружием, должен быть проведен ряд процедур: контрольный отстрел данного оружия, экспертиза для определения его историко-культурной ценности и оценка остаточной стоимости. Если первая процедура проводится органами внутренних дел, то в соответствии с п. 82 «Правил оборота оружия» изъятое или конфискованное оружие и патроны к нему, а также копии (реплики) оружия подлежат историко-культурной и искусствоведческой экспертизе, организуемой Министерством культуры Российской Федерации, к осуществлению которой могут привлекаться специалисты других федеральных органов исполнительной власти, а также юридические лица, имеющие лицензию на производство, коллекционирование или экспонирование оружия. Согласно ст. 8 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», при продаже или ином отчуждении объектов оценки, проведение оценки объектов оценки является обязательным в случае вовлечения в сделку объектов оценки, принадлежащих полностью

или частично Российской Федерации, субъектам Российской Федерации либо муниципальным образованиям. Таким образом, процедуру оценки необходимо поручать оценщику, входящему в саморегулируемую организацию оценщиков, уполномоченных на проведение оценочной деятельности в Российской Федерации [2].

Еще одной проблемой, связанной с реализацией оружия, является отсутствие специально оборудованных помещений для хранения оружия в подразделениях Министерства культуры РФ и в саморегулируемых организациях оценщиков, в связи с этим процедура оценки и экспертного исследования оружия крайне затруднена. Данные специалисты могут проводить исследования только в специально выделенных помещениях органов внутренних дел, наличие которых не предусмотрено ни одним нормативным актом. Процедура выдачи со склада и возвращения на склад вооружения длительна, возможна по письменному разрешению начальника территориального органа МВД России на районном уровне и только уполномоченному на то сотруднику органов внутренних дел. К тому же проведение экспертизы и оценка оружия в условиях рыночной экономики потребует от органов внутренних дел заключения договоров на оказание услуг подобного рода, что неминуемо повлечет материальные затраты, которые в бюджет МВД России не заложены, так как обязанность осуществления указанной деятельности на органы внутренних дел не возложена.

Считаем, что в настоящее время остро стоит вопрос о разработке и принятии ряда нормативных правовых актов, которые бы четко определили полномочия органов внутренних дел по реализации сверхтабельного оружия, регламентировали порядок проведения данных процедур и финансирования услуг по проведению искусствоведческих, историко-культурных экспертиз и оценки оружия либо предусмотрели возможность утилизации такого оружия, что позволило бы повысить эффективность деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по данному направлению.

Литература

1. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 декабря.
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Российская газета. 1998. 6 августа.
3. Об утверждении Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ: приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107. URL: <http://base.garant.ru/70325630/> (дата обращения: 16.03.2016).
4. О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 // Российская газета. 1998. 20 августа.
5. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.
6. Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2013 г. № АКПИ13-194. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499026614> (дата обращения: 23.03.2016).
7. О признании утратившим силу постановления главы администрации Хабаровского края от 13 апреля 1994 г. № 215: постановление губернатора Хабаровского края от 10 марта 2003 г. № 272. URL: <http://lawsrf.ru/region/documents/951060/> (дата обращения: 23.03.2016).
8. О реализации изымаемого органами внутренних дел гражданского оружия: постановление главы администрации Хабаровского края от 13 апреля 1994 г. № 215. URL: <http://www.zakon-region.ru/1/9243/> (дата обращения: 23.03.2016).

УДК 343.4

**ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ
ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ****Маргарита Сергеевна Крицкая**, адъюнкт Воронежского института МВД России

E-mail: rita.smolyaninova.90@mail.ru

В статье рассматриваются правовые основы осуществления общественного контроля в России и раскрываются содержание и виды объектов и субъектов этой деятельности. Особое внимание уделяется Федеральному закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В целях оптимизации системы общественного контроля предлагается частично децентрализовать управление органами внутренних дел и скорректировать отдельные положения нормативных правовых актов.

Ключевые слова: общественный контроль; органы внутренних дел; открытость и публичность полиции; информирование; общественное доверие.

**OBJECTS AND SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL
OVER THE ACTIVITIES OF POLICE IN TERMS
OF DECENTRALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION****Margarita Sergeevna Kritskaya**, post graduate of the Voronezh Institute
of the Ministry of the Interior of Russia

The article deals with the legal foundations of public control in Russia and reveals the contents and types of objects and subjects of these activities. Special attention is paid to the content of the Federal Law "About bases of public control in the Russian Federation". In order to optimize the public control system partly decentralizing management of internal affairs bodies and adjusting some provisions of regulatory acts is offered.

Keywords: public control; bodies of internal affairs; police openness and publicity; informing; public trust.

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» прямо не определяет *объект контрольной деятельности*, хотя в ст. 1 перечисляет органы и организации, за деятельностью которых устанавливается общественный контроль: органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. Данное обстоятельство подвергалось обоснованной критике ряда ученых [6, с. 8-16], так как крайне трудно создать стройную систему какого-либо контроля без понимания того, на что будет направлена контрольная деятельность.

Полагаем, объектами общественного контроля за деятельностью полиции выступают Министерство внутренних дел Российской Федерации, его структурные, территориальные и линейные подразделения, отнесенные к органам полиции, а также иные подразделения органов внутренних дел, выполняющие обеспечивающие деятельность органов полиции функции. Этот подход может показаться чрезмерно широким, однако комплексность ставящихся перед административным контролем задач требует включения в систему объектов максимального числа органов и подразделений.

Объект следует отграничивать от предмета контроля. С.М. Зубарев справедливо, на наш взгляд, определял предмет общественного контроля за органами исполнитель-

ной власти как состояние объекта контроля, характеризующееся через критерии законности и эффективности осуществления функций государственного управления, возложенных на эти органы [3, с. 20-26].

Отказавшись по какой-то причине от использования термина «объект общественного контроля», законодатель, тем не менее, определил основы правового статуса этого участника контрольной деятельности. Фактически он закреплен в ст. 16 ФЗ «Об основах общественного контроля», которая именуется «Взаимодействие субъектов общественного контроля с органами государственной власти и органами местного самоуправления». В основе данных взаимоотношений лежит тезис о необходимости рассмотрения или рассмотрения и учета результатов общественного контроля, при этом по каждому направленному объектом контроля сообщению должен быть сформулирован и направлен ответ в порядке, предусмотренном федеральным законодательством. Примечательно, что законодатель не конкретизирует содержание такого ответа. Должна ли в нем содержаться оценка объективности и достоверности направленных сведений, следует ли контролируемому органу сообщать об учете сделанных выводов, замечаний и предложений, какова может быть форма такого учета? На все эти вопросы законодатель ответов, к сожалению, не дает.

Права объекта общественного контроля закреплены в ч. 4, а обязанности – в ч. 5 рассматриваемой статьи. Отметим, что пункты 2 и 3 ч. 4, на наш взгляд, следует относить к обязанностям, нежели к правам объектов контроля. Принцип информационной открытости деятельности органов публичной власти диктует необходимость размещения на официальном сайте все поступившие результаты общественного контроля, если они получены без нарушений предусмотренного законом порядка, не содержат ограниченных в обороте сведений. Более того, там же следовало бы размещать и направленный субъекту контроля ответ с официальным комментарием относительно поступивших замечаний и предложений. В целом, порядок взаимодействия субъекта с объектом общественного контроля можно охарактеризовать как крайне скупой с позиции нормативного регулирования и традиционный для существующей российской правовой системы. По большому счету, рассматриваемая норма закона не предоставляет участникам правоотношений дополнительных прав, но и не возлагает на органы власти дополнительных обязанностей, связанных с необходимостью содействия субъектам общественного контроля и учета результатов этой деятельности.

Возвращаясь к характеристике объекта общественного контроля за деятельностью полиции, обратим внимание на полиструктурность публичной власти [1, с. 27-30], которая пронизывает все уровни административно-территориального деления Российской Федерации. Поэтому, для точного определения объекта общественного контроля в рассматриваемой сфере следует изучить административно-правовой статус органов полиции на федеральном, региональном и местном уровнях.

Согласно ст. 32 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», деятельностью федерального органа исполнительной власти, ведающего вопросами внутренних дел, руководит Президент РФ. Положение о Министерстве внутренних дел РФ утверждено Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248, оно раскрывает задачи, полномочия и систему МВД России, а также структуру Центрального аппарата МВД России.

На федеральном уровне не все подразделения Центрального аппарата МВД России относятся к полиции. Более того, следует различать полицейские органы, осуществляющие правоохранительные функции публично, и подразделения, деятельность которых может осуществляться негласно и связана с оборотом сведений, составляющих государственную тайну. Такие структурные подразделения МВД России либо крайне ограничено либо вообще не подлежат общественному контролю.

Причем надо понимать, что основная общественно-контрольная нагрузка ложится не на органы федерального или регионального звена, а на низовые территориальные

органы внутренних дел по районам и городам. Сотрудники именно этих подразделений осуществляют непосредственное обеспечение правопорядка, в то время как на вышестоящие органы приходится контрольные, координационные, номенклатурные, информационно-методические и иные функции. Помимо основных объектов общественного контроля за деятельностью полиции следует выделить и дополнительные объекты – это подразделения Центрального аппарата МВД России и функционально подчиненные им подразделения территориальных органов, самостоятельно не осуществляющие в штатном режиме правоохранительных функций, не относящиеся к полиции, но обеспечивающие ее деятельность.

Итак, перед нами две группы объектов. Полагаем, разность выполняемых этими подразделениями полномочий должна обуславливать и различные подходы к организации в отношении их общественного контроля. Учитывая специфику осуществляемой подразделениями службы охраны общественного порядка деятельности, наиболее эффективным следует признать общественный контроль за ними на низовых уровнях государственного управления – уровне муниципальных районов (городов) и субъектов РФ, в то время как специфика полномочий дополнительных объектов общественного контроля за деятельностью полиции (ведомственное нормотворчество, стратегическое кадровое планирование, материально-финансовое и информационное обеспечение и т.д.) требует апелляции к структурным подразделениям Центрального аппарата МВД России на федеральном уровне.

Учитывая эти особенности, полагаем правильным предоставить территориальным органам МВД России районного и регионального уровня ограниченную автономию, которая позволит оперативно реагировать на замечания и предложения, высказанные на основе проведенного общественного контроля. Представляется, что эффективная реализация самой системы общественного контроля за деятельностью полиции требует не только декларации правового статуса субъектов контроля, определения целей, принципов и форм их деятельности, но и модернизации структуры и порядка формирования территориальных органов внутренних дел районного и регионального звена, которая была бы нацелена на реальный диалог с институтами гражданского общества и позволяла бы проводить объективный учет замечаний и предложений по совершенствованию правоохранительной деятельности. Для этого необходимо ввести децентрализующие, конкурирующие начала в систему формирования и оценки органов внутренних дел.

Во-первых, следует произвести определенный «откат» к системе управления органами внутренних дел районного и регионального уровня дореформенного периода. Речь идет о ликвидации штатной должности заместителя начальника территориального органа внутренних дел – начальника полиции и введении двух заместителей – начальника оперативных подразделений и начальника службы охраны общественного порядка. Последний должен взять под свое руководство все подразделения, выступающие основными объектами общественного контроля.

Во-вторых, следует выстроить самостоятельную систему оценки деятельности подразделений службы охраны общественного порядка таким образом, чтобы удельный вес оценки посредством общественного мнения был, как минимум, равен значимости ведомственных статистических показателей. Таким образом, мы ориентируем сотрудников полиции активнее работать с гражданами и с чуткостью относиться к обращениям за помощью.

В-третьих, необходимо обеспечить начальника службы охраны общественного порядка и руководителей подчиненных ему подразделений гарантиями относительной самостоятельности разрешения кадровых вопросов и при организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на обслуживаемой территории. Начальник службы охраны общественного порядка – заместитель начальника территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, как нам представляется, мог бы назначаться Президентом РФ или министром внутренних дел

РФ (в случаях, предусмотренных законодательством) по представлению высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, в свою очередь, избираясь посредством демократической процедуры, перед началом предвыборной кампании сможет представить своего кандидата на должность начальника службы охраны общественного порядка полиции. В таком случае избиратель будет в состоянии непосредственно влиять на реализацию государственной политики в сфере внутренних дел в своем регионе. Начальники службы охраны общественного порядка территориальных органов внутренних дел районного уровня, а также руководители подразделений, входящих в состав службы охраны общественного порядка регионального и районного уровня, должны назначаться на должность руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту РФ по представлению его заместителя – начальника службы охраны общественного порядка. Последний должен нести персональную ответственность за предложенные кандидатуры.

Подобная система позволит не только вести заинтересованный эффективный диалог полиции с институтами гражданского общества, но и даст возможность реализовать положение Федерального закона «О полиции» относительно учета общественного мнения в качестве одного из основных критериев оценки деятельности полиции. Полагаем, что децентрализация государственного управления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности будет способствовать переориентации органов полиции с формального выполнения обязанностей на оказание гражданам реальной помощи.

В-четвертых, следует предоставить возможность субъекту Российской Федерации формировать дополнительные штатные единицы в подразделениях службы охраны общественного порядка за счет регионального бюджета. В условиях финансового кризиса и сокращения личного состава органов внутренних дел эта мера будет способствовать сохранению квалифицированного кадрового состава полиции, а также обеспечит возможность маневрирования кадрами в случае изменения оперативной обстановки, а также учет рекомендаций, полученных в результате общественного контроля.

Субъекты общественного контроля. Определение перечня и правового статуса субъектов общественного контроля за деятельностью полиции требует изучения Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ», а также иных, в том числе ведомственных нормативных правовых актов.

Отметим, что названный закон трактует перечень субъектов общественного контроля крайне двусмысленно. С одной стороны, статья 3 декларирует право граждан Российской Федерации на участие в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений, иных негосударственных некоммерческих организаций. С другой стороны, в этой же статье устанавливается ряд условий и ограничений, фактически исключающих спонтанное самовыдвижение гражданина в качестве субъекта общественного контроля. Так, часть 3 рассматриваемой статьи говорит всего о двух возможных формах индивидуального участия граждан в этой процедуре – это общественный инспектор и общественный эксперт. «Таким образом, – отмечают Т.Н. Михеева и Д.С. Михеев, – закрепленное право граждан на участие в осуществлении общественного контроля не может быть реализовано гражданином самостоятельно, а ставится в зависимость от воли организатора проведения проверки» [7, с. 16-19].

Подобное положение вещей вызвало широкие дискуссии, в том числе в юридическом научном сообществе [2, с. 21-24]. Некоторые ученые указывали на то, что «граждане и их объединения как субъекты правового администрирования... не могут принципиально выполнять функции административного контроля», сводя их функции к наблюдению за деятельностью публично-правовых субъектов, выявлению несоответствия публичной деятельности требованиям законодательства и сообщению о таких фак-

тах в уполномоченные органы государственной (муниципальной) власти [8, с. 12-18]. Подобная точка зрения представляется нам чрезмерно узкой, существенно ограничивающей функционал общественного контроля. Другие авторы, напротив, говорили о необходимости максимально широкого толкования общественного контроля, при котором к этой деятельности должны быть допущены не только граждане России, но и иностранные граждане, и лица без гражданства [13, с. 65-66]. Подобная точка зрения также представляется нам ошибочной, так как в основе общественного контроля должны лежать общественные интересы, то есть интересы группы людей, имеющих с государством прочную юридическую связь через институт гражданства.

Полагаем, граждане, общественные объединения и иные некоммерческие организации независимо от формы организации и целей деятельности могут и должны признаваться субъектами общественного контроля за деятельностью полиции, при этом степень их влияния на публично-правовую деятельность органов внутренних дел должна быть ограничена. Субъекты «неквалифицированного» общественного контроля могут рассчитывать на рассмотрение, но не на безоговорочный учет сделанных ими выводов, замечаний и предложений. Этот тезис прямо постулируется в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и приказе МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». Помимо того, на наличие подобных полномочий у граждан прямо указывают отдельные нормы Земельного кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ, федеральных законов от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и иных нормативных правовых актов.

О.С. Соколова отмечает, что в регионах Российской Федерации также накоплен определенный опыт регламентации общественного контроля, основными субъектами которого признаются граждане и общественные организации безотносительно от признания их таковыми федеральными органами власти [14, с. 133-138]. В качестве примера можно привести Закон Республики Саха (Якутия) от 30 апреля 2014 г. 1305-3 № 167-V «Об общественном контроле в Республике Саха (Якутия)» и Закон Пермского края от 21 декабря 2011 г. № 888-ПК «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае».

Вместе с тем, для осуществления общественного контроля за деятельностью полиции в иной, нежели обращение или запрос информации, форме к субъектам этой деятельности должны предъявляться статусно-квалификационные требования, содержание которых должно соответствовать широте предоставленных прав и потенциальной опасности последствий от возможного злоупотребления ими. В.Ю. Синюгин к условиям, ограничивающим право гражданина лично либо в составе объединения (организации) участвовать в общественном контроле, предлагает отнести недееспособность или ограниченную дееспособность гражданина, а также наличие судимости [12, с.26-28]. Полагаем, речь идет о неснятой и непогашенной судимости, так как пожизненное отстранение гражданина от участия в общественном контроле представляется нам несправедливым.

Помимо того, право граждан на осуществление общественного контроля за деятельностью полиции следует ограничить периодом времени, на который лицо признается подвергнутым административному наказанию за умышленное совершение административного правонарушения, посягающего на права граждан, здоровье, общественную нравственность, институты государственной власти, общественный порядок и общественную безопасность, а также против порядка управления и в области охраны собственности и в области воинского учета. Наличие подобной девиации указывает на

несоответствие поведения гражданина общественным интересам, а следовательно, должно влечь его временное отстранение от осуществления общественного контроля.

Определению правового статуса субъектов общественного контроля посвящена глава 2 ФЗ «Об основах общественного контроля». Часть 1 ст. 9 определяет в качестве основных субъектов общественного контроля исключительно коллективные и, по сути, псевдонезависимые от органов власти организации и объединения, к которым относятся: 1) Общественная палата РФ; 2) общественные палаты субъектов РФ; 3) общественные палаты (советы) муниципальных образований; 4) общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ.

Часть 2 той же статьи указывает на возможность образования таких субъектов общественного контроля, как общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры общественного контроля, причем создание подобных объединений ставится в зависимость не от свободного волеизъявления граждан, а от наличия прямого законодательного установления. Таким образом, законодатель существенно сужает возможности граждан и общественных организаций на участие в общественном контроле.

Можно ли дополнить приведенный перечень субъектов общественного контроля? Относительно этого вопроса в научной литературе не сформировано единого мнения. Некоторые ученые указывают, например, на необходимость отнесения к субъектам общественного контроля средств массовой информации [11, с. 122-127] или лиц, осуществляющих деятельность в сфере массового информирования [4, с. 237-240]. Встречается и противоположная позиция: СМИ не могут являться субъектами общественного контроля, так как СМИ – это всего лишь способ донесения информации [5, с. 61-63]. На наш взгляд, исходя из логики Закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [10], к субъектам общественного контроля следует относить лишь те редакции средств массовой информации, а также тех редакторов и журналистов, чья деятельность по сбору, обработке и распространению информации соответствует принципам общественного контроля. Подобный подход исключает из перечня субъектов все так называемые «государственные СМИ» – средства массовой информации, полностью или частично финансируемые за счет бюджетных средств, а также средства массового информирования, выпускающие не подлежащую верификации, то есть проверке с позиции достоверности, информационную продукцию. Отметим, что речь идет не о дозволенном порядке осуществления общественного контроля, так как правовой статус СМИ в совокупности с запретом цензуры уже предоставляют редакции и журналистам достаточные для осуществления этой деятельности права, а об обязательности учета в деятельности полиции лишь независимых и достоверных заключений.

В научной среде также имеет место дискуссия о месте в системе общественного контроля уполномоченных по правам человека, по правам ребенка и по защите прав предпринимателей. Мы не можем согласиться с мнением о допустимости отнесения этих лиц к субъектам общественного контроля [11, с. 122-127], так как осуществление контрольной деятельности входит в их должностные обязанности, а сами они назначаются на занимаемые должности [4, с. 237-240]. Задача их видится в обеспечении независимости проводимого сторонними субъектами общественного контроля и восприятия государственно-властными структурами, в том числе органами внутренних дел, его результатов.

Особыми субъектами общественного контроля могут быть признаны также профессиональные союзы и общественные объединения потребителей, на это указывает часть 7 ст. 3 ФЗ «Об основах общественного контроля», при этом в ней называется условие такого признания – прямое нормативное установление в соответствующем федеральном законе. Отметим, что в тексте принятого еще в 1996 г. Федерального закона

«О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [9] неоднократно используется категория «профсоюзный контроль». Как она соотносится с термином «общественный контроль» и требуются ли дополнительные разъяснения относительно общественно-контрольных полномочий профсоюзов, судить трудно в связи с неконкретностью указанного выше положения Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ». Вместе с тем профсоюз – это один из видов общественных объединений граждан. Фактически в общественном контроле участвует неограниченное количество разновидностей общественных объединений, и выделение одних коллективных субъектов при умалчивании о других представляется нам несправедливым. В связи с этим полагаем правильной формулировку, которая была использована М.А. Килессо при определении субъектов общественного контроля – «общественные объединения, в том числе профсоюзы» [4, с. 237-240].

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Объектами общественного контроля за деятельностью полиции выступают МВД России, его структурные, территориальные и линейные подразделения, отнесенные к органам полиции, а также иные подразделения органов внутренних дел, выполняющие обеспечивающие деятельность органов полиции функции. Общественный контроль возможен только за органами и подразделениями полиции, которые осуществляют публичное государственное управление, и лишь в части, касающейся оборота не ограниченной в доступе на основании федерального закона информации.

2. Основными объектами общественного контроля за деятельностью полиции являются подразделения полиции, осуществляющие публично-правовые полномочия по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Дополнительными объектами общественного контроля за деятельностью полиции выступают подразделения Центрального аппарата МВД России и функционально подчиненные им подразделения территориальных органов, не относящиеся к полиции, но обеспечивающие ее деятельность.

3. Высказывается предложение о модернизации структуры и порядка формирования территориальных ОВД районного и регионального звена, которая была бы нацелена на реальный диалог с институтами гражданского общества и позволяла бы проводить объективный учет замечаний и предложений по совершенствованию правоохранительной деятельности. Для этого необходимо ввести следующие децентрализующие, конкурирующие начала в систему формирования и оценки полиции:

1) возвращение к системе управления органами внутренних дел районного и регионального уровня дореформенного периода (ликвидация штатной должности заместителя начальника территориального органа внутренних дел – начальника полиции и введение двух заместителей – начальника оперативных подразделений и начальника службы охраны общественного порядка);

2) уравнивание удельного веса оценки деятельности служб охраны общественного порядка полиции посредством общественного мнения и ведомственной оценки по статистическим показателям;

3) наделение начальника службы охраны общественного порядка и руководителей подчиненных ему подразделений гарантиями относительной самостоятельности разрешения кадровых вопросов, а также организации охраны правопорядка;

4) предоставление субъекту Российской Федерации возможности формировать дополнительные штатные единицы в подразделениях службы охраны общественного порядка за счет регионального бюджета.

4. Существующую концепцию общественного контроля следует охарактеризовать как государственно-дозволительную, так как и перечень, и полномочия субъектов общественного контроля характеризуются существенными ограничениями и изъятиями, при этом само право осуществлять общественно-контрольную деятельность нередко ставится законодателем в зависимость от определенных условий. Причиной такого

подхода является, пожалуй, новизна института общественного контроля для традиционно консервативной и строго администрированной системы государственного управления в России.

5. Субъектов общественного контроля за деятельностью полиции предлагается разделить на две группы:

1) субъекты гражданского общественного контроля (граждане РФ, общественные объединения и организации, иные некоммерческие организации, не являющиеся иностранными агентами), которые обладают правом осуществления общественного контроля (учет результатов гражданского общественного контроля этих субъектов в деятельности полиции отдается на усмотрение соответствующего руководителя);

2) субъекты квалифицированного общественного контроля, результаты деятельности которых обязательны для учета в деятельности полиции.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

2. Дидикин А.Б. Правовые формы участия граждан в общественном контроле // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 1.

3. Зубарев С.М. Система общественного контроля за деятельностью органов публичной власти // Административное право и процесс. 2014. № 10.

4. Килессо М.А. Субъекты, осуществляющие общественный контроль над деятельностью органов местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. 2015. № 3.

5. Кузнецов А.С. Субъекты осуществления общественного контроля в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2011. № 6 (78).

6. Мартынов А.В. Современное состояние и перспективы развития системы общественного контроля в России // Административное право и процесс. 2014. № 10.

7. Михеева Т.Н., Михеев Д.С. Правовой вектор в развитии общественного контроля // Юридический мир. 2014. № 9.

8. Нестеров А.В. Об общественном контроле и открытом государственном управлении // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 3.

9. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.3.

10. О средствах массовой информации: закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

11. Полещук А.С. К вопросу о субъектах общественного (гражданского) контроля в РФ и их системе // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6.

12. Синюгин В.Ю. К вопросу о формировании правовой основы общественного контроля в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 7.

13. Сквирский И.О. Понятие и основные признаки общественного контроля в современной административно-правовой доктрине Украины // Административное право и процесс. 2013. № 4.

14. Соколова О.С. Правовое регулирование участия граждан в общественном контроле // Административное и муниципальное право. 2015. № 2.

УДК 342.591

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
КАК ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Екатерина Сергеевна Понукарина**, начальник кабинета спецдисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: casat1229@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с необходимостью создания действенной комплексной системы социальной реабилитации и ресоциализации лиц, отказавшихся от немедицинского потребления наркотиков. Анализируются возможные схемы привлечения общественных организаций социальной направленности к решению данного направления антинаркотической политики государства. Именно от системы взаимодействия государственных структур и негосударственного некоммерческого сектора в данной сфере зависит успешность проводимых мероприятий.

Ключевые слова: наркоугроза; немедицинская реабилитация; ресоциализация; лицензирование; некоммерческий сектор.

**TO THE QUESTION ABOUT CREATING AN INTEGRATED SYSTEM
OF SOCIAL REHABILITATION OF AND RESOCIALIZATION
AS ONE OF THE AREAS OF ANTI-DRUG POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION****Ekaterina Sergeevna Ponukarina**, head of the office of special disciplines
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article discusses some issues related to the need for an effective integrated system of social rehabilitation and resocialization of persons, who refused the non-medical use of drugs. Analyzes possible schemes for involvement of public organisations of a social orientation to the solution of the given direction of the state anti-drug policy. It is from the system of interaction between state structures and non-governmental sector in this field depends on the success of the undertaken activities.

Keywords: drugs; medical rehabilitation; resocialization; licensing; non-profit sector.

Современное состояние распространения наркотизма представляет серьезную угрозу для национальных интересов России. Статистические данные МВД России свидетельствуют о масштабах проблемы: с 2012 по 2014 г. количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось с 219 до 253,5 тыс. Несмотря на относительный спад уровня наркопреступности в 2015 г. (234,8 тыс.), говорить о серьезных позитивных изменениях не приходится.

Требуются действенные меры противодействия наркоугрозам. Однако до настоящего времени наиболее пристальное внимание уделялось лишь отдельным составляющим механизма реализации антинаркотической политики государства. Речь идет о правоохранительной деятельности, сущность которой заключается в реализации преимущественно одного из направлений обеспечения наркотической безопасности – снижения предложения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Имеет место и иное направление – меры по снижению спроса на наркотики. Подчеркнем, что помимо превентивных мер (общая и индивидуальная профилактика) здесь

важную роль играет формирование комплексной системы реабилитации и ресоциализации наркопотребителей.

Очевидно, что данная проблема носит комплексный характер. Вот почему эффективность борьбы с наркоугрозами напрямую обуславливается системным подходом к решению возникающих проблем при взаимодействии и реальной заинтересованности уполномоченных органов государства.

Подчеркнем, что гарантии больным наркоманией по оказанию медицинской помощи, медицинской реабилитации и социальной реабилитации предоставляет именно государство [6]. Следовательно, организация и предоставление данных услуг – его исключительная обязанность. Вместе с тем, масштабы проблемы таковы, что ее решение лишь посредством органов и учреждений государства, без опоры на общество, практически невозможно.

Следует признать, что система общественных организаций социальной направленности в Российской Федерации находится в стадии становления. Вместе с тем, осознавая значимость этого института гражданского общества, с одной стороны, и потребность в их деятельности при решении отдельных задач, с другой, государство оказывает им всемерную поддержку, в том числе финансовую. Так, в 2015 г. на финансирование некоммерческих организаций (далее – НКО) как политической, так и социальной направленности было выделено «почти шесть миллиардов рублей грантовой поддержки; четыре с лишним миллиарда – это только федеральное финансирование. В 2016 г. на социальную поддержку предусмотрена солидная сумма – 236 с лишним миллиардов рублей» [2]. Однако, думается, что в силу объективных экономических и политических процессов данная сумма, вероятнее всего, будет секвестрирована.

Немаловажную роль играют именно социально ориентированные НКО, которые «чаще лучше, чем государственные или даже муниципальные структуры, понимают и чувствуют потребности и нужды людей, тоньше, эффективнее реагируют на эти проблемы и могли бы эффективно тратить государственные ресурсы, выделяемые на эти цели» [2].

Однако существует ряд нерешенных вопросов, связанных с деятельностью НКО социальной направленности, в том числе и реализующих отдельные направления антинаркотической политики.

Так, еще до упразднения Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России) ее глава В.П. Иванов справедливо отмечал, что «...социальная реабилитация выступает в качестве фундаментального элемента государственной антинаркотической политики, в то же время, это ее главное недостающее звено» [11]. Несмотря на наличие порядка 500 негосударственных реабилитационных центров, должного механизма реабилитации пока нет.

Возможно, подобная ситуация коренным образом изменится после заявленной Президентом РФ концептуальной цели об определении места и роли общественных организаций в решении социально важных задач. По словам В.В. Путина, «безусловно, нужно выделять из хорошо зарекомендовавших себя общественных организаций социальной направленности те, которые способны решать задачи, стоящие перед государственными и муниципальными органами власти. Думаю, что можно было бы создать или выделить специальную группу таких НКО социальной направленности ... и открыть им доступ к финансовым ресурсам, которые выделяются государством на социальные цели» [2].

Вместе с тем, представляется, «доступ к финансовым ресурсам» является далеко не единственной мерой. Какие же еще необходимы меры для решения вопроса о создании единой национальной комплексной системы реабилитации и ресоциализации?

В первую очередь – оптимизация правовой основы. Для этого важно конкретизировать компетенцию федерального органа исполнительной власти, ответственного за нормативно-правовое регулирование и контроль в сфере комплексной реабилитации

наркопотребителей. Согласно Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» [6], в Российской Федерации таким органом специальной компетенции была Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России). Именно она была уполномочена вырабатывать основные направления государственной антинаркотической политики, в том числе и в сфере немедицинской реабилитации и ресоциализации наркопотребителей [1]. Более того, ФСКН России являлась ответственным исполнителем соответствующей государственной программы, включающей мероприятия по немедицинской реабилитации и ресоциализации наркопотребителей. Однако положительной динамики в данном направлении не было. В настоящее время в связи с ликвидацией ФСКН России и передачей ее функций в МВД России [10] вопрос об органе, уполномоченном вырабатывать государственную политику в сфере немедицинской реабилитации и ресоциализации, остается нерешенным.

Следующим направлением оптимизации системы реабилитации и ресоциализации является работа по выработке критериев отбора НКО и лицензированию соответствующего вида деятельности.

Постановлением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 846 «О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ» [8], казалось бы, должны быть решены обе задачи: финансирование и определение критериев отбора. Однако указанные в постановлении критерии являются недостаточными для ограждения от доступа к бюджетному финансированию под благиными предложениями деструктивных общественных организаций.

Дело в том, что не каждая НКО, оказывающая социальные услуги наркопотребителям, использует в своей деятельности безопасные методы. Так, можно было бы считать успешным деятельность отдельных реабилитационных организаций деструктивного толка, однако фактически происходит перевод человека от одной зависимости к другой, нередки и летальные исходы вследствие подобной работы. Это, например, организации нетрадиционной религиозной направленности: неопятидесятники («харизматическая секта»), организация «Нарконон» (подразделение Саентологической церкви) и другие [3]. По информации сотрудников ФСКН России, такое «лечение» приводит к деформации личности и разрушению психики. Кроме того, пройдя «реабилитацию», наркозависимые нередко передают свое имущество организаторам организаций*. Вот почему необходимо вести речь об обязательном лицензировании организаций, осуществляющих свою деятельность в рассматриваемой сфере.

О лицензировании деятельности подобных организаций говорилось неоднократно. Так, в 2014 г. Государственным антинаркотическим комитетом была предпринята попытка определения критериев оценки качества услуг в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей** в целях усиления государственного контроля за деятельностью негосударственных центров. Однако до сих пор подобные критерии отсутствуют, что, безусловно, негативно сказывается на формировании единой системы реабилитации.

В Российской Федерации вопросы лицензирования регулируются вполне однозначно. Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [5] предусмотрен перечень видов деятельности, для осуществления которой государством определен особый порядок. Лицензированию подлежит деятельность с особой спецификой в целях предотвращения причинения ущерба жизни

* URL: <http://gnk.nsk.ru/article-sekti-kapkani/> (дата обращения: 10.01.2016).

** URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49716> (дата обращения: 25.06.2015).

или здоровью граждан, правам, законным интересам, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства, возможность нанесения которого связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями такой деятельности. Представляется, что данный механизм доказал свою эффективность.

Динамика общественных отношений предопределяет неизбежность обновления существующего перечня. Так, например, актуальными видятся последние изменения, касающиеся получения лицензии организациями, осуществляющими управление многоквартирными домами [4]. Мотивы законодателя в данном случае ясны – возникла острая необходимость наведения порядка в сфере жилищно-коммунального хозяйства. По нашему мнению, регламентация деятельности социально направленных НКО не менее актуальна.

Вместе с тем следует констатировать, что пока на федеральном уровне не определен порядок отбора НКО, некоторыми субъектами Российской Федерации предпринимается попытка самостоятельного решения вопроса реабилитации наркопотребителей в рамках формирования системы государственно-некоммерческого партнерства. Заслуживают внимания схемы предоставления подобных социальных услуг в г. Москве, Краснодарском крае, Калининградской, Свердловской, Томской областях. В данных субъектах региональными антинаркотическими комиссиями разработаны грантовые программы с критериями отбора*. Тем не менее, выработанных критериев недостаточно для ограничения в доступе к финансовой поддержке организаций с деструктивными методами работы.

Кроме того, внедряется программа именных сертификатов. Так, подобная система применяется для оплаты реабилитационных программ в г. Москве, Ставропольском крае, Ханты-Мансийском АО, Ростовской, Псковской областях. Таким образом, возникает взаимная заинтересованность: НКО, соответствуя предъявляемым требованиям, получает поддержку от исполнительных органов субъекта Российской Федерации, последние же, в свою очередь, решают проблему реабилитации и получают возможность контролировать деятельность НКО. Говоря о системе личных сертификатов, следует отметить высокую эффективность подобного адресного способа целевого использования бюджетных средств. В качестве вполне позитивного примера можно отметить систему «родовых» сертификатов. Эта система успешно реализуется на протяжении нескольких лет на всей территории Российской Федерации. Подобные услуги оплачиваются, исходя из качества предоставления медицинской помощи, в 3 этапа: 1) постановка на учет (услуги, оказываемые врачом женской консультации по месту регистрации / месту жительства женщины); 2) услуги, оказываемые непосредственно в родильном доме; 3) медицинские услуги по патронату новорожденного в первый год жизни в поликлинике по месту жительства. При этом у получателя услуги есть право выбора медицинского учреждения из числа лицензированных на осуществление медицинской деятельности по специальности «акушерство и гинекология» или «педиатрия» и заключивших договор с региональным отделением Фонда социального страхования, что, в свою очередь, стимулирует последних на соответствие требованиям и оказание качественных услуг [7].

Существует и иной подход к помощи некоммерческим структурам. Так, например, правительством Хабаровского края частично финансируются социально ориентированные организации, в том числе оказывающие услуги по реабилитации и ресоциализации наркопотребителей. Отбор осуществляется путем проведения конкурса по формальным признакам (регистрация, отсутствие задолженностей, уставная деятельность) и ознакомления с программами деятельности [9]. При этом не проверяются ни

* URL: <http://www.asi.org.ru/news/v-moskve-narkozavisimym-budut-vydavat-sertifikaty-na-sotsialnuyu-reabilitatsiyu/> (дата обращения: 20.01.2016).

источники финансирования (в части выполнения функции иностранного агента), ни методы оказания помощи. На наш взгляд, недостатки подобной схемы очевидны, при всей благовидности конечного результата. Система именного финансового сопровождения (сертификаты) состоит в возможности отслеживания результатов оказания услуг.

Вместе с тем очевидно, что реализацией отдельных направлений реабилитационной деятельности занимаются только те субъекты Российской Федерации, чьи бюджеты могут позволить финансирование этих программ.

Представляется, что наиболее эффективным механизмом реализации национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации будет только в случае его четкой регламентации, а именно:

- оперативное решение вопроса об органе государственной власти, к компетенции которого будет отнесен вопрос о выработке единой государственной антинаркотической политики;
- выработка единой государственной политики в сфере немедицинской реабилитации и ресоциализации лиц, отказавшихся от потребления наркотиков;
- законодательное закрепление критериев отбора некоммерческих организаций по оказанию соответствующих услуг с обязательным стандартом реабилитации, перечнем допустимых методов, использованием трудотерапии;
- проведение лицензирования деятельности некоммерческих организаций, оказывающих услуги по немедицинской реабилитации и ресоциализации;
- оказание государственной поддержки информационного, методического характера;
- оказание жестко целевой финансовой помощи посредством именных сертификатов на прохождение программ реабилитации только в лицензированных центрах;
- осуществление контроля за деятельностью некоммерческих организаций, в том числе посредством поэтапного финансирования сертификатов в зависимости от эффективности оказываемых услуг;
- создание системы как добровольного, так и принудительного направления наркопотребителя после медицинской реабилитации на прохождение социальной реабилитации и ресоциализации.

Таким образом, представляется, что создание эффективного механизма предоставления социальных услуг по реабилитации и ресоциализации лиц, прошедших курс лечения от наркозависимости, возможно путем объединения усилий государственного и некоммерческого сектора.

Литература

1. Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков: указ Президента РФ от 28 июля 2004 г. № 976 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3234.
2. Выступление Президента России В.В. Путина на форуме активных граждан «Сообщество» (Москва, 4 ноября 2015 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50631> (дата обращения: 10.12.2015).
3. Кондратьев Ф.В. Современные культовые новообразования («секты») как психолого-психиатрическая проблема. Белгород: Миссионерский отдел МП РПЦ, 1999.
4. О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 255-ФЗ (в ред. от 24.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4256.
5. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
6. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

7. О порядке финансового обеспечения расходов на оплату медицинским организациям услуг по медицинской помощи, оказанной женщинам в период беременности, и медицинской помощи, оказанной женщинам и новорожденным в период родов и в послеродовой период, а также по проведению профилактических медицинских осмотров ребенка в течение первого года жизни: постановление Правительства РФ от 31 декабря 2010 г. № 1233 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 2. Ст. 394.

8. О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ: постановление Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 846 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 34. Ст. 4904

9. О предоставлении субсидий из краевого бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям Хабаровского края: постановление правительства Хабаровского края от 21 мая 2014 г. № 152-пр. URL: http://www.khabarovskadm.ru/social/sport/normativno-pravovye-dokumenty/regionalnye/?SECTION_ID=&ELEMENT_ID=126285 (дата обращения: 20.06.2015).

10. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.

11. Протокол заседания Государственного антинаркотического комитета от 25 июня 2014 г. № 24. URL: <http://www.gnkn.ru/article/protokol-gak-no-24> (дата обращения: 27.06.2015).

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Николай Николаевич Егоров, профессор кафедры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор

E-mail: egorovnn@yandex.ru

В статье рассматривается понятие вербальных следственных действий, дается классификация тактических приемов их производства.

Ключевые слова: следственные действия; вербальные следственные действия; тактические приемы; тактические приемы, предписанные законом; тактические приемы, рекомендованные законом; тактические приемы, сложившиеся в результате обобщения следственной и судебной практики.

TACTICS OF CONDUCT OF VERBAL INVESTIGATIVE ACTIONS

Nikolai Nicolayevich Egorov, chair professor of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin Doctor of Law, Professor

The article deals with the concept of verbal investigative actions; the classification of tactics of its conduct is suggested.

Keywords: investigative actions; verbal investigative actions; tactics; tactics prescribed by law; tactics recommended by law; tactics, resulting from the synthesis of investigative and judicial practice.

Для следователя (дознавателя) основным способом собирания доказательств является производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, что регламентировано ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Перечень следственных действий, установленных УПК РФ, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

Поскольку в законе не содержится дефиниции следственного действия, то в литературе его обычно определяют как самостоятельный, предусмотренный и регламентированный уголовно-процессуальным законом единовременный акт деятельности следователя по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию [5, с. 252; 13, с. 214-216].

По основному познавательному методу, лежащему в основе производства следственных действий, их можно разделить: а) на вербальные следственные действия, в основе которых лежит метод расспроса: допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте; б) невербальные следственные действия, которые основаны на наблюдении: осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство экспертизы.

Далее мы будем говорить только о тактических приемах производства вербальных следственных действий.

Тактический прием обычно определяют как наиболее рациональный, эффективный способ действия или наиболее целесообразную линию поведения лица, осуществляющего производство следственного действия [1, с.342]. Ряд авторов делит тактические приемы на три группы: предписанные законом, рекомендованные законом и сложившиеся в результате обобщения следственной и судебной практики [7, с. 213-214; 10, с. 60]. Другие, в противовес им, утверждают, что тактические приемы не могут быть предписаны законом. Даже если в некоторых случаях прежние тактические приемы, являвшиеся рекомендациями, превратились волей законодателя в норму закона, то перестали быть тактическими приемами, поскольку тактический прием дает при его применении свободу выбора [2, с. 21].

С нашей точки зрения, правы авторы, утверждающие, что тактические приемы могут быть предписаны или рекомендованы законом, поскольку даже, в крайнем случае, предписание закона оставляет следователю свободу выбора времени и условиям его применения.

Данный тезис хорошо иллюстрируется таким обязательным и основным тактическим приемом производства вербальных следственных действий, как свободный рассказ (ч. 2 ст. 190, ч. 2 ст. 192, ч. 7 ст. 193, ч. 4 ст. 194 УПК РФ). Свободный рассказ – это предоставление допрашиваемому лицу возможности изложения известных ему фактов и обстоятельств в устной форме. Законом не предусмотрены, но на практике сложились следующие виды свободного рассказа: хронологический рассказ – показания в той последовательности, в какой происходили события; по эпизодам – освещаются интересующие следователя эпизоды; по отдельным периодам; по отдельным местам происшествий; по лицам [11, с. 124-125]. Возможно деление темы свободного рассказа и (или) смена темы свободного рассказа в целях проверки показаний. Таким образом, даже предписание законом применения вышеуказанного тактического приема оставляет следователю свободу выбора по времени, виду и условиям его применения.

Второй, предусмотренный законом и наиболее распространенный после свободного рассказа тактический прием производства вербальных следственных действий – постановка вопросов (ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 190, ч. 2 ст. 192, ч. 7 ст. 193, ч. 4 ст. 194 УПК РФ).

Поскольку рабочий этап основного вербального следственного действия – допроса – условно разделяют на стадию удостоверения личности, свободного рассказа и вопросно-ответную стадии, то и вопросы в зависимости от условий их применения можно также условно разделить на три группы.

В стадии удостоверения личности допрашиваемого вопросы в основном направлены на установление психологического контакта с ним.

В стадии свободного рассказа применяются вопросы побуждающие, т.е. стимулирующие к даче показаний, и направляющие, т.е. возвращающие допрашиваемого к основной линии повествования.

В вопросно-ответной стадии допроса выделяют вопросы: дополняющие, т.е. направленные на выяснение обстоятельств, не освещенных в ходе свободного рассказа; уточняющие; детализирующие (конкретизирующие); контрольные; напоминающие, т.е. позволяющие выяснить факты, по тем или иным причинам забытые допрашиваемым; сопоставляющие, т.е. способствующие устранению противоречий в показаниях [11, с. 125-126].

Постановка вопросов может использоваться как самостоятельный прием при вопросно-ответной форме допроса, а может быть дополнением свободного рассказа и других тактических приемов.

Для того, чтобы вопросы достигли цели, они должны отвечать определенным требованиям:

- вопрос должен быть конкретным, лаконичным и не допускающим двусмысленного толкования;
- необходимо избегать вопросов, на которые возможны предположительные ответы;
- формулировка вопроса должна полностью исключать возможность извлечения из него информации, необходимой для ответа;
- как правило, один вопрос должен вытекать из другого и иметь ясную логическую структуру;
- вопрос задается в прямой форме;
- вопросы должны формулироваться с учетом умственного и культурного уровня допрашиваемого [6, с. 19-20].

Данные требования, предъявляемые к вопросам, справедливы и для других вербальных следственных действий.

Третий по распространенности тактический прием производства вербальных следственных действий из предусмотренных законом – это предъявление доказательств (ч. 3 ст. 190, ч. 4 ст. 192 УПК РФ).

Предъявление доказательств возможно в различной последовательности. В первую очередь это последовательное предъявление доказательств по нарастающей силе. Иногда бывает целесообразно предъявлять доказательства, подробно останавливаясь на каждом из них. При этом достигаются следующие цели: дается основание почувствовать систему доказательств; подчеркивается взаимосвязь доказательств; последовательность, методичность создают впечатление неизбежности точного установления всех фактов [12, с. 20]. Этот вариант предъявления доказательств применяется в основном тогда, когда допрашиваемый занимает стойкую позицию противодействия следствию. Во-вторых, это внезапное предъявление наиболее весомого доказательства. В-третьих, это предъявление всей совокупности доказательств [10, с. 126-127]. Вся совокупность доказательств предъявляется тогда, когда ее достаточно для доказывания.

Кроме вышеуказанных тактических приемов, при производстве отдельных вербальных следственных действий применяются и другие обязательные тактические приемы.

Так, при производстве предъявления для опознания применяются следующие *обязательные тактические приемы*, которые указаны в законе:

- физическое лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним, общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);
- это правило не распространяется на опознание трупа (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);
- перед началом опознания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, о чем в протоколе опознания делается соответствующая запись (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);
- предмет предъявляется для опознания в группе однородных предметов в количестве не менее трех (ч. 6 ст. 193 УПК РФ);
- при невозможности предъявления объекта в натуре опознание может быть проведено по его фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других объектов, внешне сходных с ним. Количество фотографий должно быть не менее трех (ч. 5, 6 ст. 193 УПК РФ).

При производстве проверки показаний на месте применяются следующие *обязательные тактические приемы*, которые указаны в законе. Мы их будем рассматривать по последовательности применения:

- 1) не допускается одновременная проверка на месте показаний нескольких лиц (ч. 3 ст. 194 УПК РФ);

2) проверка показаний начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться (ч. 4 ст. 194 УПК РФ), т.е. ему предлагается назвать адрес, самостоятельно указать направление движения или путь следования на место проверки;

3) какое-либо постороннее вмешательство в ход проверки недопустимо (ч. 2 ст. 194 УПК РФ). Данный тактический прием запрещает какое-либо необоснованное вмешательство в действия лица и предполагает предоставление ему инициативы;

4) демонстрация действий (ч. 4. 194 УПК РФ), иллюстрирующих рассказ проверяемого лица. Этот тактический прием предполагает, что лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия. Как нам представляется, возможна демонстрация как собственных действий, так и действий других лиц.

Применение *тактических приемов, сформированных в результате обобщения следственной и судебной практики*, наиболее разработано применительно к допросу и проверке показаний на месте как наиболее распространенным и сложным следственным действиям. Но эти тактические приемы могут быть применены и при производстве других вербальных следственных действий.

Применение тактических приемов, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом, т.е. сформированных в результате обобщения практики, зависит от ситуации, сложившейся при допросе: бесконфликтной или конфликтной. Это деление достаточно условно. *Бесконфликтная ситуация* характерна тем, что допрашиваемое лицо не оказывает явного противодействия, не отказывается от дачи показаний, дает правдивые показания. При допросе в бесконфликтной ситуации тактические приемы должны быть направлены на получение новых доказательственных фактов путем оказания допрашиваемому помощи в восстановлении в памяти забытого, например: возбуждение ассоциаций по смежности, сходству, контрасту; подробный допрос; снятие состояния эмоциональной напряженности; замедленный темп допроса; использование средств повышения наглядности; допрос на месте события, предъявление вещественных доказательств и т.д.

Конфликтная ситуация имеет место тогда, когда следователю оказывается явное противодействие: лицо отказывается от дачи показаний или уклоняется от них (отказывается входить в психологический контакт со следователем); дает ложные показания или утаивает часть информации; уничтожает доказательства, шантажирует, угрожает свидетелю и потерпевшим; наносит себе ранения, нападает на следователя и присутствующих при допросе лиц. Напрямую на выбор тактических приемов допроса влияют только первые две разновидности конфликтной ситуации. Далее мы рассмотрим тактические приемы, которые следует применять в этих случаях.

Сразу же следует сказать, что в чистом виде ни один тактический прием не используется, они всегда применяются в сочетании как в рамках одного допроса, так и нескольких, т.е. при допросе обычно используются тактические комбинации.

При конфликтной ситуации допроса, если *допрашиваемый отказывается от дачи показаний*, рекомендуется применять следующие тактические приемы:

1) необходимо выяснить причину отказа от дачи показаний и постараться устранить ее. Иногда причина отказа может быть совершенно неожиданной. Например, женщине – жертве сексуального насилия может быть психологически трудно давать показания следователю-мужчине. Замена последнего на следователя-женщину позволит устранить эту проблему;

2) провести беседу на нейтральную тему, при этом желательно найти тему, которая близка допрашиваемому, интересуется его;

3) выразить сочувствие. Оно выражается в зависимости от процессуального положения допрашиваемого. Для подозреваемого и обвиняемого сочувствие выражается в форме: «Судя по всему, жизнь вас не баловала», или «Как много в этой жизни вам

пришлось пережить». Потерпевшему сочувствие выражается в форме: «Я понимаю, что вам неприятно вспоминать это событие, но для установления истины и привлечения виновного к ответственности это необходимо»;

4) предложить в любое время обращаться за советом и помощью, для чего сообщить номера служебных телефонов для контакта;

5) растолковать допрашиваемому, что отказ от дачи показаний ухудшает возможности защиты его прав и интересов. Применение этого тактического приема также зависит от процессуального положения допрашиваемого. Для подозреваемого и обвиняемого он может применяться, например, по групповым делам и строиться на противоречиях интересов проходящих по делу лиц. Для потерпевшего этот тактический прием связан с возмещением ущерба, причиненного преступлением;

6) разъяснить значение примирения сторон и деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления небольшой или средней тяжести;

7) разъяснить значение чистосердечного раскаяния как обстоятельства, смягчающего ответственность;

8) использовать положительные качества личности допрашиваемого, не согласующиеся с уклонением от дачи показаний. Этот тактический прием применяется в основном в двух формах: а) прямого апеллирования к положительным качествам допрашиваемого, например к его честности и прямоте; б) опоры на заслуги в прошлом, например на служебное и семейное положение;

9) разъяснить важность борьбы с преступностью. Применение этого тактического приема также зависит от процессуального положения допрашиваемого. Для подозреваемого и обвиняемого он может применяться только по групповым делам при эксцессе исполнителя. Потерпевшему и свидетелю разъясняется, что их показания необходимы для изоляции преступника от общества. В противном случае нет никакой гарантии, что следующими жертвами не станут близкие им люди;

10) предъявить доказательства;

11) изложение допрашиваемому вероятного хода событий, что должно базироваться на реальных фактах, поскольку, основывая допрос на непроверенной, ложной информации, следователь побуждает субъекта к дальнейшему отказу от показаний.

В случае если у следователя есть основания полагать, что лицо дает *ложные показания или утаивает часть информации*, кроме вышеперечисленных, рекомендуются следующие тактические приемы, направленные на проверку показаний:

1) детализация показаний в целях выявления в них внутренних противоречий. Этот тактический прием, как правило, применяется в качестве составного элемента тактической комбинации, зависящей от того, сколько человек проходит по расследуемому делу.

Если обвиняемый один, то через какой-то период времени производится его повторный допрос по тем же вопросам. Этот прием основан на том, что ложные утверждения, не основанные на действительности, сравнительно быстро забываются. Сохраняется лишь схема первоначальных ответов. При этом достигаются следующие цели: возможность выявить отклонения в показаниях и получить материал, свидетельствующий о ложности первоначальных показаний.

Если же по делу проходят несколько человек, то детализируются показания всех в целях выяснения в них противоречий, поскольку сговориться обо всех деталях практически невозможно;

2) предъявление доказательств в определенной последовательности, зависящей от установки допрашиваемого на противодействие предварительному следствию;

3) внезапная постановка вопроса, прямо не связанного с предыдущим;

4) неожиданное предъявление допрашиваемому вещественных доказательств.

Два вышеназванных тактических приема основаны на том, что допрашиваемый не успевает связать внезапный вопрос или вещественное доказательство с теми, на которые он ориентировался ранее, и не находит быстрого ответа. При этом разрушается система ответов, созданная и заготовленная допрашиваемым заранее. По реакции допрашиваемого можно судить о значимости вопроса или вещественного доказательства;

5) оставление допрашиваемого в неведении об объеме доказательств, которыми располагает следователь. Этот тактический прием применяется в основном только к подозреваемому и обвиняемому, поскольку следователь в некоторых случаях должен выполнить предписание закона об их допросе, но считает, что им еще рано знать объем доказательств, находящихся в его распоряжении;

6) допущение легенды – допрашиваемому дается возможность изложить свою позицию и аргументы, заведомо зная, что они ложны. При этом появляется возможность выяснить, чего особенно избегает допрашиваемый, на что хочет обратить внимание; можно также почерпнуть новые сведения, исходя из того, в чем лицо хочет убедить или разуверить допрашивающего.

Легенда допускается до определенного предела, после чего следует немедленное разоблачение, поскольку необходимо удерживать субъекта от повторных отрицаний своей вины, так как, чем больше он стоит на своем, тем труднее ему потом рассказать правду;

7) следующий тактический прием противоположен предыдущему – немедленное пресечение лжи. Любая ложь тотчас и аргументированно пресекается;

8) прием косвенного допроса – следователь, заведомо зная, что не получит правдивого ответа на основной вопрос, задает ряд других, позволяющих получить косвенный ответ на основной вопрос;

9) предварительная проверка возможных ложных объяснений в целях их опровержения;

10) смена при повторном допросе последовательности задаваемых вопросов, выяснение их вразбивку;

11) демонстрация в ходе допроса осведомленности следователя о фактах биографии допрашиваемого; его поведении в период, предшествовавший вызову на допрос; фактах, об известности которых допрашиваемый не предполагает;

12) предложение допрашиваемому повторить рассказ в иной последовательности, если есть подозрения, что ложные показания заучены;

13) начать допрос обвиняемого по многоэпизодному делу с обстоятельств, которые обоснованы более вескими доказательствами;

14) использование противоречий внутри показаний допрашиваемого или по другим доказательствам;

15) форсированный темп допроса основан на том, что позволяет перехватить инициативу и опередить мысль допрашиваемого заранее обдуманно ходами; допрашиваемый, приняв этот темп, не в состоянии тщательно обдумывать ответы; он отвечает, не вдумываясь в свои слова, не имея возможности лгать;

16) выжидание – между допросами или эпизодами одного и того же допроса делаются перерывы. Прием основан на том, что допрашиваемый стремится к общению со следователем, он подготовил свою версию. Выжидание дает возможность осознания допрашиваемым того, что ложная версия теряет свою первоначальную ценность;

17) создание «незаполненности». Следователь рассуждает, опираясь на ряд фактов, в отношении которых у него нет расхождений с допрашиваемым. Допрашивающий показывает допрашиваемому «незаполненные» места в деле. Рисуется достаточно ясная и полная картина преступного события, прослеживается логика отдельных фактов, а допрашиваемому предлагается объяснить неясные места. У допрашиваемого появляется потребность освободиться от нелогичности, привести все им сказанное к логической завершенности;

18) создание напряженности. Сознание допрашиваемого перегружается предъявлением множества доказательств, специально не связанных между собой. Создается напряжение – допрашиваемый больше не может справиться с предъявленным материалом и увязать между собой все доказательства. В результате напряжения эмоциональной сферы возникает возбуждение, влекущее за собой ускорение всех реакций. Рассказ становится свободнее, ответы более быстрыми и полными;

19) деление темы свободного рассказа;

20) выяснение контрольных данных, позволяющих проверить сообщаемые сведения;

21) применение видео- или звукозаписи, что позволяет опровергнуть последующее заявление о неправильном протоколировании, оказывает сдерживающее влияние при появлении установки на отказ от правдивых показаний или на их изменение;

22) постановка вопросов от общего к частному, что затрудняет допрашиваемому возможность воспроизводить заранее подготовленные логически выдержанные показания;

23) разъяснение предъявляемых доказательств, особенно если они получены с использованием научно-технических средств и специальных знаний;

24) приглашение с этой же целью специалистов для участия в допросе;

25) использование в ходе допроса «негативных» обстоятельств;

26) прерывание допроса для проверки сообщенной информации или параллельная ее проверка с помощью работников органов дознания;

27) предложение допрашиваемому изложить сведения о деятельности тех лиц, с которыми у него были конфликты или сложились неприязненные отношения.

Вышеприведенный перечень тактических приемов не является исчерпывающим. Он постоянно пополняется при обобщении передовой следственной практики, с развитием наших данных о природе человека и т.д.

В результате обобщения следственной практики разработаны следующие *необязательные, с точки зрения закона, тактические приемы* проверки показаний на месте, с точки же зрения целесообразности, эти тактические приемы могут быть незаменимы.

Получение согласия лица, чьи показания проверяются, на участие в данном следственном действии. Хотя закон и не предполагает применение такого тактического приема в отношении потерпевшего и свидетеля, т.к. дача показаний является их процессуальной обязанностью, мы все же полагаем, что реализация одного из вышеприведенных тактических приемов, связанных с предоставлением инициативы лицу, достаточно затруднительна без установки на сотрудничество.

Наблюдение за поведением лица, чьи показания проверяются. В ходе проверки показаний на месте следователь либо по его поручению оперативный работник осуществляют постоянное наблюдение за состоянием и поведением лица, чьи показания проверяются. Это позволяет судить о том, уверенно или нет он действовал в ходе проверки, каким было его эмоциональное состояние как в целом, так и в те или иные моменты следственного действия, с чем связано изменение состояния.

Наблюдение за участвующим в проверке показаний обвиняемым, содержащимся под стражей, позволяет своевременно принять меры по предупреждению попыток с его стороны совершить побег, установить связь с неизвестными следствию лицами, уничтожить следы преступления, ранее не обнаруженные следователем.

Детализация показаний и конкретизация действий. Данный тактический прием применяется с той же целью и при той же ситуации, что и в ходе допроса.

Соблюдение определенной последовательности. Для восстановления в памяти обстоятельств преступного события большое значение имеет правильно выбранная последовательность проведения рассматриваемого следственного действия. Чаще всего целесообразно придерживаться той последовательности, которая соответствует очередности отдельных этапов исследуемого преступного события. Возможен и иной вариант, когда

лицо на допросе сообщило не о событии в целом, а лишь о его наиболее впечатляющих эпизодах (деталях). Исследование здесь рекомендуется начать с тех «опорных пунктов», которые ему лучше запомнились.

Опережение показаний над визуальным восприятием места проверки или его отдельных деталей. Например, перед тем как войти в комнату, лицо, чьи показания проверяются, рассказывает, что и в каком порядке в ней находится. При совпадении описания с действительным состоянием обстановки с большой долей уверенности можно судить о знакомстве с ней проверяемого лица.

Выделение указанных проверяемым лицом мест для последующего следственного осмотра. Анализ ст. 194 УПК РФ приводит к выводу, что в рамках данного следственного действия исследовать места, предметы, указанные лицом, чьи показания проверяются, нельзя.

В уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР, до введения суда присяжных, в практике органов дознания и предварительного следствия использовалось такое следственное действие, как проверка показаний на месте. УПК РСФСР оно не было предусмотрено, но применялось по аналогии, как имеющееся в УПК других союзных республик. При его проведении рекомендовалось обнаруживать и изымать вещественные доказательства [8, с. 69-70; 14, с. 85; 15, с. 24]. Затем суды присяжных стали исключать протоколы проверки показаний на месте из источников доказательств, поскольку перечень следственных действий, предусмотренный уголовно-процессуальным законом, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, что в последующем было закреплено Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации [9].

Поскольку проверка показаний на месте применялась следователями при расследовании уголовных дел еще до его законодательного закрепления, то в настоящее время мы имеем дело с уникальным случаем, заключающимся в том, что ряд тактических приемов производства рассматриваемого следственного действия был разработан и реализован практикой гораздо ранее, нежели в законодательстве были закреплены процессуальные правила его производства.

Как в свое время справедливо было отмечено профессором Гродзинским, пока новый способ получения доказательств не разовьется и не получит всех своих характерных черт, он должен будет рассматриваться как разновидность известных следственных действий, облекаться в нормативно признанную форму и только в дальнейшем может выступить в качестве самостоятельного средства получения доказательств при условии, разумеется, признания законодателем его самостоятельности как следственного действия [4, с. 14].

Поэтому до принятия нового уголовно-процессуального закона проверку показаний рассматривали как разновидность допроса, эксперимента или осмотра места происшествия. И в соответствии с вытекающими из этого тактическими рекомендациями следовало фиксировать и изымать вещественные доказательства, на которые в ходе проверки показаний указало лицо, чьи действия уточнялись и проверялись [8, с. 69-70; 14, с. 85; 15, с. 4].

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации вновь было введено такое следственное действие (ст. 194). И в литературе сразу же было высказано, что в нем удачно сочетаются осмотр места происшествия, допрос и эксперимент, поэтому в процессе данного следственного действия можно осматривать места, указанные лицом, чьи показания проверяются [3, с. 14-17].

Как показало проведенное нами исследование, вещественные доказательства в ходе проверки показаний изымаются нечасто (в 6 % случаев), и во всех случаях их осмотр и изъятие проводились в рамках данного следственного действия.

Однако, как было сказано выше, в рамках данного следственного действия исследовать места, предметы, указанные лицом, чьи показания проверяются, нельзя. Дело в

том, что в ходе проверки и уточнения показаний на месте лицо указывает на предметы, документы, следы, демонстрирует определенные действия, при этом в соответствии с ч. 2 ст. 194 УПК РФ постороннее вмешательство в ход данного следственного действия недопустимо. Исследование мест, предметов, указанных лицом, чьи показания проверяются, как раз, по нашему мнению, и будет таким вмешательством, нарушающим сущность проверки показаний и отстраняющим проверяемое лицо от участия в нем, иногда на значительное время. Например, проверяемое лицо указало место сокрытия трупа, который необходимо осмотреть, а затем направить на судебно-медицинское исследование. Поэтому проверка должна быть закончена и проведен осмотр трупа на месте его обнаружения.

В то же время, анкетирование и интервьюирование судей по данному вопросу показало, что большинство из них не считают осмотр и изъятие обнаруженных вещественных доказательств в рамках проверки показаний на месте вмешательством в ход данного следственного действия. Несмотря на это, судьи считают, что в случае признания, по различным причинам, ранее данных показаний обвиняемого (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля) недопустимыми, будет признан недопустимым и вытекающий из них протокол проверки показаний, и, соответственно, все обнаруженное и изъятое при этом следственном действии не будет иметь доказательственной силы. Исходя из этого, судьи согласились с тем, что в данном случае целесообразно применение такого тактического приема, как выделение указанных лицом предметов, документов и следов для последующего следственного осмотра, в ходе которого они и будут изъяты.

Таким образом, исследование данного вопроса позволяет сделать вывод, что вещественные доказательства в ходе проверки показаний на месте осматривать и изымать не следует. Но однозначно при проведении данного следственного действия должен применяться такой тактический прием, как выделение указанных лицом предметов, документов и следов для последующего следственного осмотра, в ходе которого они и будут изъяты. Следовательно, в подобных случаях должны иметь место два самостоятельных следственных действия: проверка показаний на месте и следственный осмотр указанных проверяемым лицом объектов (трупы, предметы, документы и следы), имеющих значение для уголовного дела, проведенные в соответствии со ст. 194, 177 или 178 УПК РФ.

Закладка «маяков». В случаях, когда проводятся проверки показаний нескольких лиц, в «опорных точках» или в местах, которые выделены для последующего следственного осмотра, при проверке показаний первых лиц могут быть заложены так называемые «маяки» – записки с описанием обстоятельств или объектов, имеющих значение для дела. Обнаружение (необнаружение) «маяков» при последующих проверках показаний позволит судить об их совпадении (несовпадении).

Перечень тактических приемов производства вербальных следственных действий, разработанных в результате обобщения следственной и судебной практики, не является закрытым, он явно будет пополняться.

Литература

1. Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М.: НОРМА, 1999.
2. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1984.
3. Власенко Н. Проверка показаний на месте // Законность. 2002. № 6.
4. Гродзинский М.М. О способах получения доказательств в советском уголовном процессе // Советская юстиция. 1958. № 6.
5. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015.
6. Закатов А.А., Цветков С.И. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами: лекция. 2-е изд. М.: ИМЦ ГУК МВД РФ, 1998.

7. Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. М.: Юрид. лит., 1986.
8. Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем: справочник. М.: Юрид. лит., 1987.
9. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8. п. 16 // Российская газета. 1995. 28 декабря.
10. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие. М.: БЕК, 1998.
11. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности): учеб. пособие для вузов МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984.
12. Тыщенко П. П. Тактика и психологические основы допроса (опроса): учеб. пособие (опорные схемы). 2-е изд., перераб. и доп. Домодедово: ВИПК МВД РФ, 1998.
13. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
14. Хлынцов Н.М. Проверка показаний на месте. Саратов: СЮИ, 1971.
15. Шобик Б.И. Проверка и уточнение показаний на месте: лекция. Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1987.

УДК 343.955

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Сергей Сунгуевич Ким, судья Хабаровского краевого суда

E-mail: ugpd@rambler.ru
kimss74@mail.ru

Авторами предпринята попытка систематизировать судебные действия, тактику проведения которых разрабатывает криминалистика (доказательное право) в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. В статье приведены отдельные вопросы и проблемы, возникающие при проведении судебных действий, основой которых является анализ вербальной информации в совокупности с доказательствами, полученными при анализе внешней обстановки или исследования отдельных объектов. Данные судебные действия предложено выделить в отдельную группу процессуальных действий.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание в суде; криминалистические приемы и тактика; судебное действие.

THE RATIO OF PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS OF EVIDENCE WHILE CONDUCTING VERBAL AND NON-VERBAL JUDICIAL ACTIONS

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, Professor, honored lawyer Russian Federation;

Sergey Senguevich Kim, the judge of the Khabarovsk regional court

The authors attempt to systematize the judicial actions, tactics of which is developed by the forensic science (law of evidence) according to the law of criminal procedure. The article deals with some issues and problems arising from conducting judicial actions, the basis of which is the analysis of verbal information combined with the evidence obtained as a result of external situation analysis and particular objects examination. These judicial actions are proposed to be singled out as the separate group of procedural actions.

Keywords: criminal evidence in a court of law; forensic techniques and tactics; judicial action.

Как известно, уголовно-правовое законодательство, представляя собой систему преступлений и видов наказаний за их совершение, является инструментом политической системы любого государства. Законы и подзаконные акты – это необходимый элемент государственного механизма, в котором нуждается всякий политический режим вне зависимости от того, демократический он или тоталитарный.

Не менее важной отраслью права является уголовный процесс, поскольку именно через реализацию правовых норм, заложенных в нем, государство привлекает к уголовной ответственности физическое лицо. Именно поэтому процессуальное право является обязательным элементом любой политической системы. Одновременно с этим неукоснительное соблюдение процессуального закона гарантирует соблюдение прав и свобод личности в объемах, предусмотренных государственной властью. Уголовное законодательство гарантирует привлечение к уголовной ответственности, возможность назначения наказания, связанного с лишением свободы человека, предоставляет государственному аппарату не только исключительные полномочия, но и возлагает на него огромную ответственность, в том числе, во-первых, по созданию соответствующего репрессивного правового механизма и, во-вторых, по соблюдению соответствующих юридических требований при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

В силу необходимости и важности своего предназначения уголовно-процессуальный закон отличается максимально возможной казуальностью своих правовых норм, для того, чтобы исключить судебные ошибки, связанные с осуждением невиновного и, напротив, с необоснованным освобождением от уголовной ответственности субъекта, совершившего преступление. С учетом данного свойства уголовного процесса, по нашему мнению, он нуждается в постоянном развитии и совершенствовании, подчиняясь изменениям в обществе и новым социальным требованиям.

Мы разделяем мнение О.Я. Баева и Д.А. Солодова о том, что соблюдение прав личности в судебном разбирательстве требует не просто формального и неукоснительного соблюдения требований закона, исполнение закона должно быть осмысленным [1, с. 4].

В правоприменительной деятельности с принципом законности постоянно конкурирует критерий целесообразности. В основе данного соперничества прежде всего лежит то, что правовые нормы, отражая и регулируя определенные социальные отношения, проходя сложную процедуру нормотворчества, всегда требуют корректировки и актуализации. Кроме того, к сожалению, не всегда даже принятый новый закон отражает реальные потребности общества, и поэтому применение такого закона изначально вызывает множество вопросов.

Было бы неправильным считать, что принцип целесообразности имеет большее значение и превалирует над законностью. Вынесение любого процессуального решения по своему усмотрению является произволом и в зависимости от наступивших последствий должно наказываться, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. В некоторых случаях закон предусматривает и даже обязывает правоприменителя реализовывать решение самостоятельно, выбирая из определенного множества единственное правильное и целесообразное направление. Например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ предоставляет определенный перечень законодательных актов, из которых

следователю или суду при избрании меры пресечения конкретному субъекту необходимо выбрать соответствующую совершенному им действию либо бездействию.

Однако, если внимательно ознакомиться с законодательством, то мы увидим, что принятие решения по мере пресечения не допускает произвольного толкования и применения закона. Несмотря на то, что обвиняемому (подсудимому) суд может избрать одну из нескольких предусмотренных мер пресечения, такой выбор должен учитывать множество обязательных условий для применения конкретного вида из существующих. Избрание меры пресечения вопреки указанным правилам законом запрещено. Правоприменитель, исходя из принципа целесообразности, должен самостоятельно принять решение, но в рамках, которые ему предоставил закон.

В ходе доказывания при рассмотрении уголовного дела в суде конкуренция законности и целесообразности приобретает форму, отражающую две стороны этого процесса: уголовно-процессуальную, которую условно можно назвать формальной, и криминалистическую, т.е. отражающую содержание обнаруженных и исследуемых в судебном заседании доказательств.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что доказательством в судебном разбирательстве является не любая информация, а лишь имеющая криминалистическое значение для дела, полученная уполномоченным лицом, определенным законом способом, зафиксированная в установленной форме. Именно поэтому доказательство обладает обязательными признаками достоверности, допустимости, относимости, а при их оценке обозначенная совокупность должна еще и обладать условием достаточности. Практически это означает, что суд направляет усилия на установление и решение потребностей для получения определенной информации. В результате этой деятельности в судебном разбирательстве выясняется: а) какой объем этих сведений нужен; б) сколько времени потребуется для установления истины; в) насколько полученные данные могут повлиять на результативность конкретного судебного действия; г) какие сведения создадут возможность выдвинуть дополнительно версии и проверить существующие; д) осведомленность о месте нахождения соучастников (если такие были) преступления; е) оказывалось ли противодействие как в период предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства и т.д. Кроме того, следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство регламентирует вопросы собирания доказательств и их оценку в нормативно установленном порядке, а также основания и условия производства того или иного судебного (следственного) действия. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, а является ли процессуальная деятельность суда по собиранию, исследованию и оценке доказательств предметом такой науки, как криминалистика?

Ответ на этот вопрос очевиден – конечно же, да. Уголовный процесс и криминалистика изучают с разных сторон один и тот же предмет – уголовно-процессуальную деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел. Уголовно-процессуальное право определяет процессуальную форму указанной деятельности через нормативную регламентацию проведения процессуальных действий и принятия решений, а доказательственное право (криминалистика) разрабатывает тактические приемы, реализуемые в рамках закона. В силу этого в корне неправильно думать, что доказательственное право существует лишь как часть уголовного процесса и что до некоторых пор оно остается только правовым институтом, а с какого-то момента вместо доказательственного права начинает существовать криминалистика.

Действительно, уголовно-процессуальные нормы содержат некоторые тактические приемы и рекомендации. Данное обстоятельство лишь подтверждает тесную взаимосвязь этих двух наук. Однако криминалистика (доказательственное право), в отличие от уголовного процесса, исследует, выделяет, изучает не некоторые, а все возможные тактические приемы и методы, вырабатывает и устанавливает не весь спектр рекомендаций, которые могут быть использованы при проведении процессуальных дей-

ствий, а лишь некоторые. Кроме того, если уголовный процесс функционально отвечает на вопрос: «Какие судебные действия возможно провести в той или иной судебной ситуации?», то криминалистика отвечает на вопрос: «Как провести данные судебные действия и зачем?».

Понимание судьей смысла проводимых им судебных действий обеспечивает эффективность судебного разбирательства в целом и способствует не только экономии процессуального времени, но и создает возможность объединения тактических приемов в целях установления истины по делу. Соблюдение разумных сроков судебного разбирательства является в настоящий момент одним из приоритетных направлений деятельности судебной системы. Обозначенная тенденция напрямую зависит от осознания судьями тех процессуальных действий и решений, которые они принимают при рассмотрении конкретных уголовных дел. Суд должен не только знать уголовно-процессуальные правовые нормы, но и обязан осознавать генезис и смысл этих норм. Только в этом случае будет исключено двоякое толкование норм при применении закона и будут реализованы рекомендации доказательственного права, что в конечном итоге создаст возможность сократить количество судебных ошибок.

Следует отметить, что правильное толкование и применение правовых норм невозможно без учета поведения участников судебного разбирательства и характеристик их личности. В отличие от уголовного процесса, именно доказательственное право призвано выработать эффективные криминалистические методы, способы и тактические приемы, посредством которых можно достичь положительного результата при изобличении субъекта, совершившего преступление. Однако при этом необходимо в обязательном порядке принимать во внимание психологию субъектов уголовного процесса. Интересным представляется то, что влияние психологического аспекта на применение уголовно-процессуальных норм оказывает не однонаправленное, а взаимное воздействие на участвующих в процессе субъектов. В связи с этим, думается, можно принять за аксиому мнение Н.Г. Шурухнова, который указывает, что комплексный подход должен преобладать при исследовании всех действий субъектов и включать в себя не только систему мер, направленных на изучение личности, но и дальнейшее прогнозирование их действий и судебного следствия [3, с. 135].

Уголовно-процессуальное право является сложной системой правовых норм, объединенных единой целью и функциями. Эффективное применение уголовного процесса в доказательственном праве невозможно без понимания тактического содержания всех процессуальных норм УПК РФ. Нам же представляется важным остановиться на криминалистической стороне той части процессуального права, которая регулирует производство отдельных судебных действий исследовательского характера.

Для разъяснения нашей позиции по указанной проблематике мы считаем необходимым обратить внимание на процессуальные действия в стадии судебного разбирательства в их криминалистическом аспекте.

Вся процессуальная деятельность суда по рассмотрению уголовных дел делится на действия и решения: а) процедурного и б) исследовательского характера. Первые направлены на обеспечение основной функции уголовного процесса – установление процессуальной истины по делу. К процедурной деятельности относятся следующие действия и решения суда:

- обеспечивающие процессуальные права участников процесса и создающие необходимые условия для реализации указанными лицами своих обязанностей, включая рассмотрение и разрешение ходатайств и заявлений сторон;
- связанные с наложением различного вида процессуального принуждения;
- действия и решения по организации и проведению судебного заседания и др.

Следующая группа решений и действий суда связана с исследованием и установлением обстоятельств и фактов (доказательственное право), составляющих предмет доказывания в уголовном процессе. Указанная деятельность суда состоит из исследова-

ния и сравнения, а при необходимости, обнаружения и фиксации доказательств. По нашему мнению, в этом случае желательно учитывать предостережения, высказанные Н.Е. Мерецким и О.П. Никитиной, что доказательства, предоставляемые суду, могут быть сфальсифицированы [2, с. 64]. В силу этого следует обращать внимание на признаки материального подлога.

Судебные действия исследовательского характера также неоднородны по своему содержанию. По характеру обрабатываемой информации такие судебные действия можно условно разделить на три группы:

1) судебные действия, предметом которых является субъективная информация (допрос, включая перекрёстный и одновременно нескольких лиц);

2) судебные действия, основанные на непосредственном восприятии судом объективной информации (осмотр местности, помещения и предметов);

3) судебные действия, связанные с восприятием судом интегрированных объектов (следственный эксперимент, проверка показаний на месте, предъявление для опознания, освидетельствование, оглашение ранее данных показаний и протоколов следственных действий).

Мы считаем, что особый интерес может представлять с позиции криминалистики процессуальный порядок и анализ производства судебных действий, в основе которых лежит восприятие судом объектов интегрированного характера.

Такие судебные действия, как следственный эксперимент, проверка и уточнение показаний на месте, опознание, освидетельствование и оглашение ранее данных показаний и протоколов следственных действий, отличаются от иных судебных действий исследовательского характера тем, что основой их является одновременный анализ как информации субъективной (показания субъекта в судебном разбирательстве), так и информации объективной, воспринимаемой судом непосредственно через предметы внешнего мира. Производство указанных судебных действий предполагает оперативную, своевременную оценку судом информации, состоящей из субъективного и объективного информационных потоков.

К субъективному информационному потоку можно отнести, например, неоднозначное влияние некоторых тенденций: одни оказывают непосредственное негативное воздействие как на деятельность суда, так и на правоприменительную практику, другие – на морально-психологическое состояние субъектов, участвующих в разрешении гражданского (арбитражного) спора.

В противоположность первому, объективный информационный поток воздействует на деятельность субъекта при исследовании доказательств, на их познание, оценку и т.д. Дело в том, что при расследовании преступлений необходимо правильно ориентироваться в существе и особенностях совершенного деяния, его обстоятельствах, в том, какие действия подлежат доказыванию в каждом конкретном случае. В уголовно-процессуальной литературе неоднократно подчеркивалось значение предмета доказывания в предварительном расследовании и судебном разбирательстве по уголовному делу. Следовательно, предметом уголовно-процессуального доказывания в суде является всестороннее исследование всей совокупности фактических обстоятельств уголовного дела, установление которых необходимо для его правильного разрешения. В силу этого, по нашему мнению, судью в большей степени интересуют разработка и реализация тактических приемов проведения судебных действий, отраженных УПК РФ, или принятие новых законодательных инициатив, с помощью которых может быть достигнута возможность обладания сведениями о совершенном преступлении.

Данное обстоятельство требует в доказательственном праве (криминалистике) не только разработки методик производства отдельных судебных действий, например, таких как допрос или осмотр места происшествия, но и применения особых тактических приемов, относящихся исключительно к интегрированному процессуальному действию.

Уникальность криминалистической тактики и приемов судебных действий с интегрированным восприятием информации связана с тем, что все судебные действия, опирающиеся на интегрированную информацию, в большей или меньшей степени содержат в себе элементы тактических приёмов допроса. По нашему мнению, одной из двух опорных точек при проведении обозначенных судебных действий является информация, полученная в результате мыслительных процессов, отраженных в памяти субъекта уголовного процесса. Как известно, такую информацию возможно получить процессуальным способом только через допрос в виде показаний (законодательное закрепление доказательств), основанных на информации, воспринятой, запомненной и воспроизведенной участником процесса.

Одновременно с этим другая часть тактических приемов в рассматриваемых судебных действиях направлена на исследование объективной информации, которая воспринимается судом непосредственно в ходе судебного заседания.

Своеобразие тактических приемов производства судебных действий данной категории связано не только со спецификой воспринимаемой судом информации, но и обусловлено определёнными требованиями судебного разбирательства. Следует иметь в виду, что все судебные действия проводятся только в судебном заседании и исключительно в присутствии участников процесса. Данное обстоятельство, во-первых, требует от суда тщательной подготовки и планирования судебного действия; во-вторых, дает возможность учитывать, что вербальные судебные действия с одновременным восприятием объектов интегрированного характера проводятся, как правило, в выездных судебных заседаниях; в-третьих, определяет эффективность проведения судебного действия, которое зависит не только от правильного прогнозирования судебной ситуации в судебном заседании, но и от решения множества вопросов организационно-технического характера.

Кроме того, специфика проведения всех судебных действий зависит и от формы фиксации хода и результатов судебного действия. В отличие от одноименных следственных действий, судебные действия фиксируются в протоколе судебного заседания, а не в отдельных протоколах процессуальных действий, проводимых на предварительном следствии. Правила оформления, порядок и условия внесения замечаний в протокол судебного заседания сильно отличаются от аналогичных действий по отношению к протоколу следственного действия. Однако имеющиеся отличия не могут не влиять на тактические примы проведения судебных действий.

Все вербальные судебные действия с восприятием интегрированных объектов имеют общую природу при их оценке, основанную на анализе и синтезе мыслительных образов, сформированных у суда в результате проведенного ранее исследования доказательств, с одной стороны, и информацией, полученной судом в ходе указанных судебных действий, – с другой. Между тем специфика задач, стоящих перед каждым действием исследовательского характера, определяет своеобразие тактических приемов, используемых при проведении конкретного судебного действия.

Таким образом, своеобразие и специфика разрабатываемых криминалистической тактикой приёмов при проведении судебных действий с восприятием объектов интегрированного характера являются ярким подтверждением необходимости научного разделения уголовно-процессуальной и криминалистической (доказательственное право) сторон деятельности при исследовании всей поступающей информации в период рассмотрения уголовных дел в судебном заседании. Однако уголовно-процессуальный аспект должен лежать в основе всего доказательственного права независимо от направленности деятельности суда.

Литература

1. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий. Криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. М., 2010.

2. Мерещкий Н.Е., Никитина О.П. Особенности проверки заявлений о фальсификации доказательств по гражданским и арбитражным делам. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2014.

3. Шурухнов Н.Г. Осуществление процессуальных информационно-технологических средств при производстве по уголовным делам // Правовая Россия: теория и практика: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 28-29 мая 2013 г. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013.

УДК 343.98

СТРУКТУРА МЕТОДИКИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И РЕШЕНИЯ

Ольга Николаевна Коршунова, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор

E-mail: olga_korshunova1@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению современных подходов к разработке криминалистической методики поддержания государственного обвинения, определению ее структуры, обоснованию необходимости включения в нее криминалистической характеристики не только преступления соответствующего вида, но и его расследования, обстоятельств, подлежащих исследованию и доказыванию, иных элементов. Уделено внимание также принципам, которые должны быть положены в основу разработки и использования указанной методики.

Ключевые слова: государственное обвинение; криминалистическая методика; принципы; прокурор; прокурорская деятельность; криминалистическая характеристика; преступление; расследование.

STRUCTURE OF A TECHNIQUE OF THE PUBLIC PROSECUTION: MODERN APPROACHES AND DECISIONS

Olga Nikolaevna Korshunova, chair head of the Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation
Doctor of Law, Professor

Article is devoted to consideration of modern approaches to development of a criminalistic technique of maintenance of the public prosecution, definition of its structure, justification of need of inclusion in her of the criminalistic characteristic not only a crime of the corresponding look, but also its investigation, the circumstances which are subject to research and proof, other elements. The attention also is paid to the principles which have to be the basis for development and use of the specified technique.

Keywords: public prosecution; criminalistic technique; principles; prosecutor; public prosecutor's activity; criminalistic characteristic; crime; investigation.

Роль государственного обвинения в противодействии преступности сегодня приобретает особое значение. Генеральная прокуратура Российской Федерации считает участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства одной из важнейших функций прокуратуры, указывает на необходимость при этом исходить из того, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела. При этом прокуроры должны учитывать, что отказ от уголовного преследования невиновных и

их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения [8].

Таким образом, поддержание государственного обвинения не сводится и не может быть сведено только к представлению суду тех доказательств, которые собраны в ходе предварительного расследования. Для формирования и обоснования своей позиции государственному обвинителю необходимо не только тщательно изучить собранные материалы, но и оценить их с точки зрения относимости и допустимости.

Представляя одну из сторон процесса, прокурор одновременно обязан обеспечивать законность судебного разбирательства, чтобы в конечном итоге обеспечивать в пределах своих полномочий законность и обоснованность принимаемых судом решений.

Государственный обвинитель не может зависеть от тех материалов, которые предоставлены в его распоряжение предварительным расследованием. Его поведение должно носить наступательный характер, он обязан не просто присутствовать при рассмотрении дела, но должен активно участвовать в исследовании доказательств, в установлении всех обстоятельств дела, способствовать формированию у суда той позиции, которая в конечном итоге обеспечит вынесение законного и обоснованного решения по делу. Только такой подход к поддержанию государственного обвинения в полной мере способен обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства при рассмотрении судом уголовных дел о преступлениях различных видов и групп. На решение этих задач должны быть нацелены его профессиональные знания, умения и навыки.

В настоящее время научные исследования криминалистических возможностей совершенствования средств и методов предварительного расследования способны в определенной мере обеспечивать эффективность уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Однако этого недостаточно, поэтому научное обеспечение деятельности государственного обвинителя сохраняет свою актуальность.

Правильное понимание того, какую роль играет эффективное использование научного подхода к организации и осуществлению своей деятельности, обеспечит необходимый вклад государственного обвинителя в решение стоящих перед ним задач, защиту прав и законных интересов всех участников процесса.

Организация любой деятельности для того, чтобы быть успешной, нуждается в использовании достижений науки. Не является исключением и поддержание государственного обвинения в суде.

Изменение законодательства, подходов к определению роли и значения деятельности государственного обвинителя, изменения в структуре преступности, появление новых видов и способов совершения преступлений поставили перед учеными и практиками ряд новых задач: творчески осмыслить происходящие в обществе и законодательстве процессы и перемены; изучить имеющиеся подходы к организации деятельности прокуроров, обеспечивающей уголовное преследование в суде лиц, совершивших преступления; разрабатывать новые и применять уже имеющиеся рекомендации для повышения эффективности государственного обвинения в целом и по каждому уголовному делу в частности.

Деятельность государственных обвинителей сложна и многоэтапна. Одной из основных целей этой деятельности является защита прав и законных интересов человека и гражданина, интересов общества и государства. Наиболее значимым средством достижения указанной цели является обеспечение всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о преступлениях различных видов, что представляется невозможным без использования научно обоснованных рекомендаций по организации, планированию и осуществлению уголовного преследования в суде применительно к различным стадиям уголовного процесса и этапам реализации деятельности государственных обвинителей.

Путем изучения и сравнительного анализа теоретических, методических и тактических аспектов деятельности государственного обвинителя на разных этапах судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях различных видов были выявлены некоторые общие закономерности возникновения, изучения и использования информации как о самом преступлении, так и о тех обстоятельствах, которые характеризуют процесс его расследования и отражаются в материалах дела.

На протяжении многих десятилетий изучением указанных закономерностей применительно к стадии предварительного расследования традиционно занимается криминалистика. Рассмотрением вопросов: какое значение имеют и каким образом могут быть использованы указанные закономерности применительно к судебным стадиям, криминалистика начала заниматься в последние десятилетия. Общие закономерности организации деятельности государственного обвинителя, а также особенности его участия в рассмотрении уголовных дел, в производстве отдельных судебных действий все чаще привлекают внимание ученых [1, с. 41-45; 5, с. 42-47; 6; 9; 10; 11, с.37-39; 12].

Необходимо отметить, что изучение закономерностей осуществления познавательной деятельности не является самоцелью методологии государственного обвинения. Результаты их системного изучения должны выступать базой для разработки научно обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности указанной деятельности. Это позволяет не только разрабатывать частные методики поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях различных видов, групп, категорий, но и обосновать возможность и необходимость существования криминалистической методики государственного обвинения.

Исходя из общих закономерностей механизма преступления, возникновения, собирания и использования информации на различных досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства, а также общих закономерностей разработки и использования приемов и способов организации и осуществления деятельности по изучению события преступления, сбору, исследованию, оценке, отражению в материалах уголовного дела и использованию в процессе доказывания информации о нем, представляется обоснованным говорить о существовании определенных общих положений организации и осуществления деятельности по поддержанию государственного обвинения.

Кроме того, несомненно, существует ряд особенностей, характерных для поддержания государственного обвинения в зависимости от вида (группы) рассматриваемого преступления. Следовательно, при наполнении указанных общих положений конкретным содержанием, обусловленным особенностями преступлений тех или иных видов, могут разрабатываться и внедряться в практическую деятельность частные методики государственного обвинения по делам о преступлениях различных видов и групп.

В основу разработки частных методик поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях различных категорий должны быть положены некоторые общие принципы законности, научности, динамичности, конкретности, преемственности и наглядности.

Принцип законности – основополагающий принцип организации и деятельности всех органов, осуществляющих уголовное преследование, включая прокуратуру в целом и каждого ее работника в отдельности. Поэтому методика поддержания государственного обвинения должна разрабатываться в соответствии с требованиями закона к данному виду деятельности, а также обеспечивать соблюдение закона при использовании в практической деятельности.

Принцип научности построения частных методик поддержания государственного обвинения, или *принцип их теоретической обоснованности*. Частные методики должны быть разработаны на основе результатов изучения и анализа материалов практики и закономерностей поддержания государственного обвинения.

Научно обоснованными должны быть общие положения разработки и построения частных методик поддержания государственного обвинения. Требованиям теоретической обоснованности должны отвечать структура и содержание частных методик.

Реализация указанных выше принципов, а также *принципов динамичности и конкретности поддержания государственного обвинения* может быть обеспечена прежде всего при условии плановости организации указанной деятельности. Именно поэтому *плановость* является важным принципом, в соответствии с которым следует разрабатывать методические рекомендации для государственных обвинителей.

С принципом плановости тесно связан *принцип этапности и ситуационности*. Сложная и многофункциональная деятельность государственных обвинителей по своему содержанию различается в зависимости от тех целей и задач, которые определяются спецификой этапов его деятельности, поэтому методика государственного обвинения должна быть ориентирована на правильное понимание сути и содержания каждой из существующих стадий, которая является контрольной применительно к предыдущей и подготовительной применительно к последующей стадии. При таком подходе будет обеспечена преемственность уголовного преследования, что, в свою очередь, способствует принятию законных и более обоснованных решений.

Преемственность уголовного преследования в целом и государственного обвинения как ее значимой составляющей обеспечивает реализацию принципов плановости деятельности, этапности и ситуационности разрабатываемых методических рекомендаций.

Представляется, что для конкретизации разрабатываемых рекомендаций акцент должен быть сделан на криминалистической составляющей деятельности. Подходы к определению границ и содержания этапов могут быть различными. Достаточным представляется выделить пять этапов внутри стадии производства в суде первой инстанции: 1-й – этап подготовки к участию в судебном слушании, включающий такие подэтапы, как изучение материалов уголовного дела, их оценка с точки зрения всесторонности, полноты и объективности проведенного расследования, правильности определения предмета и пределов доказывания; построение прокурорской модели происшествия и выдвижение прокурорских версий, выявление неполноты предварительного расследования; решение вопроса о возможности и целесообразности восполнения выявленных пробелов в ходе судебного рассмотрения дела, а также определение приемов и средств, которые могут быть использованы; 2-й – участие прокурора в предварительном слушании; 3-й – участие прокурора в подготовительной части судебного заседания [7]; 4-й – участие прокурора в судебном следствии; 5-й – участие прокурора в прениях сторон.

В процессе уголовного преследования по конкретному уголовному делу наличие всех стадий, а также выделенных и названных выше этапов не обязательно. Однако методика поддержания государственного обвинения должна содержать максимально полный перечень рекомендаций, быть ориентирована на возможность осуществления деятельности надлежащего уровня эффективности на всем протяжении.

Одновременно следует отметить, что при всей своей конкретности названные этапы охватывают только весьма общие комплексы обстоятельств, характеризующих указанный вид деятельности, отражая в первую очередь формальную (уголовно-процессуальную) сторону деятельности, поэтому важным представляется уметь выделять соответствующие подэтапы познавательной деятельности прокурора.

Криминалистические рекомендации, направленные на выбор тех или иных тактических приемов и средств, систематизированные применительно к выделенным этапам, обеспечивают наполнение деятельности таким содержанием, которое, в свою очередь, призвано обеспечить принятие по делу законного и обоснованного решения.

Более высокая степень конкретности достигается в том случае, когда при разработке криминалистических рекомендаций применительно к тому или иному этапу и подэтапу дополнительно учитываются типичные ситуации, которые могут существенно

изменяться как на протяжении одного этапа, так и по мере продвижения от этапа к этапу.

В тесной связи и взаимодействии с принципом этапности и ситуационности находится, по нашему мнению, *принцип преемственности*. Обеспечение реализации принципа преемственности достигается, если государственный обвинитель понимает, что в судебных стадиях тот же объект познания – механизм преступления, следовательно, те же обстоятельства, подлежащие исследованию и доказыванию. Более того, на каждой последующей стадии, последующем этапе или подэтапе исследование этих обстоятельств проводится с учетом результатов, достигнутых на предыдущих стадиях, этапах, подэтапах, а также с учетом того, как этот процесс был организован.

Реализация принципа преемственности при разработке и использовании частных методик поддержания государственного обвинения не означает безусловной обязательности выводов предыдущих этапов или стадий для последующих. Более того, важной отличительной чертой государственного обвинения должна выступать ее оценочная составляющая. Только в случае критического отношения к результатам, полученным в ходе предварительного расследования, а также на предыдущих этапах и подэтапах деятельности, возможно максимально полное выявление допущенных ранее ошибок и неполноты исследования обстоятельств происшедшего, отыскание необходимых приемов и средств их восполнения.

Последним по порядку, но не по значимости, является *принцип наглядности*. Реализация этого принципа предполагает разработку и использование таких методических рекомендаций, которые бы обеспечили любому государственному обвинителю прежде всего возможность получить наиболее полное представление о том, какая информация и каким образом получена, какова была логика уголовного преследования на предыдущих стадиях, этапах и подэтапах. Кроме того, реализация этого принципа должна обеспечивать необходимый уровень наглядности деятельности самого государственного обвинителя. Это обусловлено прежде всего устным и публичным характером судебных стадий.

Только если процесс познания механизма преступления отвечает требованию наглядности, государственный обвинитель может наглядно представить суду, иным участникам процесса ход и результаты исследования обстоятельств происшедшего, доказать обстоятельства, перечисленные в ст.73 УПК РФ, с необходимой степенью всесторонности, полноты и объективности.

Наличие общих закономерностей механизма преступления, а также информации о нем, сбор, исследование, оценка и использование этой информации обуславливают возможность и необходимость разработки единой структуры методики поддержания государственного обвинения.

Для определения целесообразной структуры методики государственного обвинения, которая позволит с учетом особенностей вида или группы преступлений разрабатывать частные методики государственного обвинения, представляется необходимым учитывать, что соответствующие методические рекомендации не могут появиться прежде, чем появляется знание о соответствующем виде или группе преступлений. Данная позиция, сформулированная применительно к методикам расследования преступлений [2, с. 13], представляется вполне справедливой и в контексте рассматриваемых вопросов.

Являясь одним из основных объектов познания в уголовном судопроизводстве, механизм преступления должен быть в должной мере изучен и в судебных стадиях уголовного процесса.

Не представляется возможным согласиться с предложением в качестве первого элемента методики поддержания государственного обвинения рассматривать уголовно-правовую характеристику преступления [4, с. 48]. Знание того, что представляет собой преступление того или иного вида с точки зрения уголовного закона, является важным,

но недостаточным условием успешности деятельности государственного обвинителя. Особенности механизма преступления того или иного вида (группы) отражаются в его криминалистической характеристике. Таким образом, именно криминалистическая характеристика преступления необходима и при разработке методических рекомендаций по осуществлению уголовного преследования в суде. При этом она выступает информационной базой для организации деятельности прокуроров, участвующих в судебных стадиях уголовного преследования.

Вместе с тем информация об особенностях механизма преступления является необходимой, но не достаточной для эффективной организации деятельности государственного обвинителя. Важным представляется учитывать, что эта деятельность носит прежде всего оценочный характер. Поэтому не менее значимой является информация о том, каким образом происходило познание механизма преступления на досудебных стадиях: какие доказательства были собраны, из каких источников, когда, кем и как они были получены и т.д. Без этого государственный обвинитель не сможет сделать выводы об относимости и допустимости тех доказательств, которые имеются; о наличии и характере пробелов в системе собранных доказательств, а следовательно, о возможностях, путях и средствах восполнения их в суде.

Представляется, что знания об особенностях расследования преступлений различных видов и групп должны отражаться в соответствующей криминалистической характеристике, которая вместе с криминалистической характеристикой преступления образует необходимую информационную базу поддержания государственного обвинения в суде. Именно это обуславливает необходимость включения в структуру методики государственного обвинения помимо криминалистической характеристики преступления также криминалистической характеристики его познания.

Изучение криминалистической характеристики преступления и его элементов, а также криминалистической характеристики процесса его познания в ходе уголовного преследования позволит сформулировать обстоятельства, подлежащие исследованию и доказыванию. Таким образом, обязательной составной частью любой частной методики поддержания государственного обвинения являются рекомендации по формулированию такого перечня, в основе которого лежат обстоятельства, изложенные в ст. 73 УПК РФ, конкретизированные и дополненные с учетом специфики механизма преступлений соответствующего вида или группы.

Кроме того, необходимо формулировать рекомендации по дополнению этого перечня обстоятельствами, характеризующими процесс исследования предмета доказывания в досудебных стадиях. Разделяя позицию В.Н. Исаенко о том, что пределы обвинения не следует отождествлять с пределами судебного исследования доказательств [3, с. 40], отметим, что только предлагаемый расширенный перечень обстоятельств позволит прокурору достаточно успешно осуществлять свою деятельность.

Знание этого перечня позволит любому государственному обвинителю вне зависимости от наличия профессионального и жизненного опыта полно и правильно определить цели и задачи своей деятельности, выбрать наиболее эффективные приемы и средства достижения цели. Этот перечень позволит правильно планировать свою деятельность, выбирая приоритетные направления, определяя целесообразную последовательность мероприятий, а также оценить собранные доказательства с точки зрения относимости и допустимости, выявить пробелы, допущенные в ходе предварительного расследования, определить возможности и направления поиска недостающей криминалистически значимой информации.

Поскольку, как уже было подчеркнуто выше, специфика деятельности государственного обвинителя во многом определяется своеобразием ситуации, которая должна или может сложиться на том или ином этапе такой деятельности, выделение типичных ситуаций и разработка соответствующих рекомендаций применительно к ним являются важными составляющими разработки методики поддержания государственного обви-

нения. При этом уровень обобщенности выделяемых ситуаций может быть различным. В любом случае представляется целесообразным учитывать наличие и характер собранных доказательств, а также вероятность изменения их в процессе судебного разбирательства.

Не меньшее значение имеет и включение в методику государственного обвинения рекомендаций по подготовке, организации и участию в судебных действиях. Выбор и последовательность этих действий могут различаться в зависимости от вида преступления и качества произведенного предварительного расследования. Прежде всего, в методику должны включаться тактические особенности таких действий, как допросы лиц различных процессуальных категорий, назначение, производство и оценка заключений судебных экспертиз, осмотры объектов различных видов.

Литература

1. Ароцкер Л.Е. О методике судебного разбирательства уголовных дел и ее соотношении с методикой расследования. М., 1976.
2. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск, 2003.
3. Исаенко В.Н. О криминалистической составляющей поддержания государственного обвинения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2015. № 6 (50).
4. Кириллова Н.П. Структура частной методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел // КриминалистЪ. 2011. № 2 (9).
5. Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2001.
6. Криминалистика для государственных обвинителей: учебник / под ред. А.Ф. Козусева [и др.]. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012.
7. Морщакова Т.Г. Судебное разбирательство. Общие условия // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003.
8. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Пименова З.И. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в рассмотрении дел об убийствах по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
10. Руководство для государственного обвинителя: учеб. пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Юрид. центр, 2015.
11. Тугутов Б.А. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения // Законность. 2012. № 1.
12. Шашин Д.Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в методике поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Алексей Анатольевич Облаков, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: Aoblakov@mail.ru

В статье сформулировано понятие криминалистической характеристики преступлений, выделены основные элементы данной научной категории и определены возможности ее использования в практике расследования уголовных дел.

Ключевые слова: методика расследования преступлений; криминалистическая характеристика преступлений; криминалистические версии.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES: DEFINITION, STRUCTURE AND PRINCIPAL WAYS OF USAGE

Alexey Anatolyevich Oblakov, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article defines the concept of criminological characteristics of crimes. The main elements of the scientific category and possible ways of its use in the criminal investigation practice are identified.

Keywords: methods of crime investigation; criminological characteristics of crimes; criminological versions.

Перед учеными-криминалистами стоит актуальная задача активизации и углубления исследования широкого круга проблем, в том числе, криминалистической методики. В рамках же последней, на наш взгляд, особого внимания заслуживают вопросы криминалистической характеристики преступлений (далее – КХП).

Криминалистическая характеристика (далее – КХ), по нашему мнению, должна стать составной частью, одним из важнейших элементов как общетеоретических положений методики расследования, так и частных методик. При этом в общих положениях целесообразно определить наиболее существенные стороны данной криминалистической категории: ее общее понятие и содержание, структуру и сущность ее отдельных элементов; соотношение криминалистической характеристики как целого (системы) и наиболее существенных взаимосвязанных между собой элементов (подсистем) и ее влияние на методику расследования. В частных методиках должна показываться ее роль в раскрытии определенных категорий преступлений, взаимосвязь и зависимость КХП и криминалистических ситуаций.

Следует различать КХП как теоретическую концепцию, раскрывающую научные основы (понятие, структура, содержание ее элементов и значение в частной криминалистической методике), и КХП определенного вида (разновидности) как рабочий инструмент разработки частной криминалистической методики, имеющей для нее определенное методологическое значение и представляющей систему обобщенных данных о криминалистически значимых признаках, относящихся к предкриминальным, криминальным и посткриминальным действиям (бездействию) лиц, вовлеченных в сферу

преступных посягательств, и криминалистический анализ расследуемого конкретного преступления, построенный с учетом типичных данных о КХП этой категории.

Однако этим вопросам еще не уделяется достаточного внимания. До сего времени в учебниках по криминалистике отсутствуют полные описания элементов криминалистической характеристики. Ее значение в ходе расследования ограничивают, как правильно отмечает В.Г. Танасевич, первоначальной следственной ситуацией и кругом обстоятельств, требующих первоочередного выяснения [24, с. 83-84]. Поэтому задача дальнейшей разработки научных основ КХП является весьма актуальной.

В зависимости от того, что понимать под этой научной категорией, что вкладывать в ее содержание, определяется не только теоретическая, но и практическая (прикладная) ее ценность.

Осуществляя разработку методики расследования той или иной группы преступлений, необходимо иметь объективную информацию, позволяющую выделить их отличительные свойства и качества. Обобщение и анализ преступной деятельности и практики расследования позволяют получить подробную характеристику общественно опасных деяний отдельного вида. Преступление, как и любой вид деятельности, являясь по своей сущности актом взаимодействия человека и окружающей среды, направленным на изменение последней в соответствии с целевыми установками индивида, обладает определенной совокупностью признаков, характеризующих внешнюю и внутреннюю природу противоправной деятельности. Совокупность этих признаков может подвергаться исследованию в уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, криминалогическом, криминалистическом и других аспектах.

В рамках криминалистической методики система значимых для решения задач расследования признаков преступной деятельности образует КХП, освещение узловых вопросов которой предполагает анализ ее понятия и сущности, поскольку широкий диапазон мнений во многом обусловлен различным их пониманием.

Несмотря на разный подход ученых к определению понятия, содержания и значения криминалистической характеристики в методике расследования отдельных видов преступлений, большинство исследователей, тем не менее, вполне справедливо рассматривают ее в качестве одного из элементов в структуре частной методики, отмечая, что успешная разработка этого раздела криминалистики целесообразна на основе криминалистических характеристик [17, с. 13; 16, с. 29-30].

Вместе с тем, представляется, что полностью нивелировать значение уголовно-правовых вопросов для методик расследования преступлений было бы не совсем правильным. Во многих криминалистических исследованиях можно встретить сведения уголовно-правового характера. И если они посвящены отдельным, преимущественно проблемным аспектам квалификации тех или иных видов преступлений, органически вплетаются в структуру исследования, то это, на наш взгляд, вполне допустимо. Более того, рекомендации, разрабатываемые в рамках криминалистической науки, предназначены для использования в практической деятельности.

Одновременно наблюдается и другая крайность. Некоторые авторы, признавая важность КХП, принижают значение уголовно-правовой характеристики в разработке методики расследования отдельных видов преступлений. Они отмечают, что разработка методик расследования преступлений должна исходить не из уголовно-правовых характеристик как основания классификации преступлений, а из криминалистических характеристик по различным основаниям, имеющим значение для раскрытия преступлений [21, с. 106-107].

Однако нельзя забывать, что уголовно-правовая характеристика в значительной мере определяет содержание предмета доказывания, ее игнорирование привело бы к тому, что частные криминалистические методики утратили бы не только признаки системы, но и свое главное основание – уголовно-правовую базу. Именно в основе частных методик (но не их разновидностей) должна лежать уголовно-правовая классифика-

ция преступлений, которая является основополагающим началом криминалистической характеристики. Действительно, частная методика, построенная на основе уголовно-правовой характеристики преступлений, носит общий характер, поскольку учитывает самые общие их особенности. Без уголовно-правовой классификации совокупность частных методик утратила бы признаки системы, и проследить связи между ними оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их группировки, потребовалась бы разработка для каждой методики в отдельности того, что есть общего у их вида [3, с. 193-198]. Основополагающим началом криминалистической характеристики является уголовно-правовое понятие состава преступления определенного вида, что еще раз доказывает тесную и неразрывную связь методики расследования преступлений с уголовным правом.

КХП не может существовать в отрыве от уголовно-правовой характеристики отдельных составов (групп составов) преступлений, поскольку отражение противоправного деяния в виде следов-последствий (в широком смысле этого слова) деяния нельзя отделить от юридической конструкции состава преступления. Уголовно-правовые признаки преступления выступают первичными элементами, позволяющими строить версии о преступном характере совершенного деяния, его квалификации, наличии квалифицирующих признаков и т.п. В то же время, о возможных направлениях выявления отдельных следов совершенного деяния мы можем судить на основе его уголовно-правовой характеристики.

То же можно сказать и относительно перечня обстоятельств, подлежащих установлению по делу (предмета доказывания, предусмотренного уголовно-процессуальным законом). Содержание КХП, как обоснованно отмечает Р.С. Белкин, должно охватывать собой все элементы предмета доказывания с теми их особенностями, которые характерны именно для расследования данной категории преступлений. Иное решение приводит либо к неполноте КХП, либо к дублированию отдельных положений предмета доказывания (при сохранении в частной методике перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию) [3, с. 202].

Аналогичной точки зрения придерживаются А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков и другие [5, с. 23-27; 28, с. 34-38]. Предмет доказывания, предусмотренный уголовно-процессуальным законом, в КХП максимально детализируется, его абстрактная форма наполняется типичным для данной категории дел содержанием.

Если юридически значимые обстоятельства совершения преступления (такие элементы предмета доказывания, как время, место, способ и другие) выступают конечным тезисом доказывания, то в КХП эти элементы наполняются конкретным содержанием и выступают средством познания. Так, знание способов совершения преступления позволяет выдвинуть версии о характере и месте нахождения материальных следов, о лице, совершившем преступление, и т.д.

Эти категории в КХП приобретают более высокую степень конкретности и тесно связаны с обстоятельствами, не имеющими непосредственного отношения к предмету доказывания (преступные связи подозреваемых и своеобразие их поведения после совершения преступлений, характер и локализация следов и т.п.). Обстоятельства, подлежащие доказыванию, не просто повторяются в КХП, а наполняются конкретным, типичным для преступлений определенной категории, содержанием.

Таким образом, элементы предмета познания, выходящие за рамки предмета доказывания, имеют важное криминалистическое (тактическое, поисковое) значение и являются составной частью КХП. Уголовно-процессуальная деятельность имеет целью установление предмета доказывания, а КХП, как и в целом криминалистика, помогает найти и обосновать конкретные пути и способы ее достижения.

В нее входят также отдельные криминалистически интерпретированные элементы криминологической характеристики. Так, сведения о личности преступника и потерпевшего тесно связаны с методикой расследования, потому что изучение, например,

способа совершения преступления или разработка тактики отдельных следственных действий (допроса) без них немыслимы. Отдельные элементы криминологической характеристики используются не только в целях профилактики преступлений, но и их раскрытия.

КХП служит целям расследования, но это не значит, как указывают Н.А. Селиванов и Л.Г. Видонов, что задачи предварительного следствия требуют закончить расследование полной и подробной криминалистической характеристикой преступления [23, с. 57; 8, с. 9]. Вряд ли имеет смысл разрабатывать ее применительно к конкретному преступлению.

В КХП включаются наиболее общие черты, т.е. однотипные обстоятельства преступлений показываются в интегрированном виде, а сама она является итогом научного исследования, результатом обобщения практики расследования противоправных деяний определенной категории.

В отношении отдельно взятого преступления можно только вести речь об анализе «под криминалистическим углом» отдельных его обстоятельств и сопоставлении полученных результатов с КХП этой категории. Следователь должен использовать такие данные и переносить их на исследуемое событие. Расследование заканчивается полной уголовно-правовой характеристикой и установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые определяют его цели. Криминалистическая же характеристика помогает определить методы, приемы и средства достижения целей расследования, и в этом – ее основное значение.

Высказанные соображения позволяют сделать вывод о том, что КХП – понятие обобщенное, являющееся научной абстракцией, содержащее в себе общие черты, свойственные определенным группам преступлений.

Представляется в связи с этим справедливым мнение Л.Я. Драпкина, который отмечает, что криминалистическая характеристика – это научная категория, объективно существующая вне деятельности по расследованию конкретного уголовного дела [13, с. 17-18]. Ее содержание предопределяется в значительной степени криминальной ситуацией, которая, по нашему мнению, представляет совокупность условий, в которых замышлялось, готовилось и было совершено преступление, то есть, по сути дела, это обстановка его совершения и сокрытия. В зависимости от этапов преступной деятельности можно выделить следующие ситуации: исходную (предкриминальную), т.е. предшествующую совершению преступления; собственно криминальную, в которой оно совершилось (в ней можно выделить промежуточные ситуации, которые формировались на различных этапах его совершения); и конечную (посткриминальную), сложившуюся в период окончания и после окончания преступления. В то же время, содержание криминалистической характеристики преступлений зависит от обстановки, в которой протекает процесс их расследования.

С учетом изложенного можно дать следующее определение *КХП* – это модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств, а также последствия преступлений определенных категорий в форме материальных и идеальных следов, орудий преступлений и других технических средств, позволяющих выдвигать версии о расследуемом событии в целом или об отдельных его обстоятельствах и видеть тактическую перспективу расследования [18, с. 35].

Первая часть определения является характеристикой преступной деятельности (криминальная ситуация и ее последствия в широком смысле слова, включая поведение преступника после совершения преступления), а вторая связана с процессом его раскрытия и расследования.

Существует разный подход к определению понятия и содержания КХП (хотя чаще авторы ограничиваются перечислением ее элементов). Имеющиеся точки зрения могут быть в определенной степени систематизированы, на что указывает И.И. Рубцов

в своей диссертации [22, с. 33]. При такой систематизации необходимо абстрагироваться от некоторых несущественных особенностей, высказанных авторами.

А.Н. Васильев, В.Г. Танасевич, Н.Г. Шурухнов и другие рассматривают КХП как описание способов совершения преступлений данного вида, применяемых преступниками технических средств; типичных материальных следов преступления, могущих иметь значение вещественных доказательств, предметов посягательства, личности преступника и потерпевшего и т.д. [6, с. 112-132; 25, с. 102-103; 27, с. 451]. В этом определении, по существу, перечисляются структурные элементы КХП, которые, конечно же, имеют значение для определения содержания этой криминалистической категории, но не для определения ее понятия.

Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов, В.И. Шиканов и другие рассматривают КХП как научную абстракцию, теоретическую модель, содержащую обобщенные знания о типичной информации, способе совершения преступления и следах его применения, которые могут использоваться для раскрытия и расследования преступлений [1, с. 57; 26, с. 18].

С.И. Винокуров, И.Ф. Герасимов, А.В. Ковалев и другие – как совокупность данных, которые способствуют раскрытию и расследованию преступлений и поэтому имеют криминалистическое значение [10, с. 101; 12, с. 13-15; 14, с. 45]. Однако данная дефиниция лишена определенности, в ней отсутствует раскрытие понятия КХП, отражающее содержание и конкретную форму реализации в теории и на практике.

В.Е. Видонов, Л.Г. Видонов, И.А. Возгрин, И.И. Рубцов и другие – как систему обобщенных фактических данных о расследуемых преступлениях, имеющих криминалистическое значение [7, с. 95; 11, с. 206-209; 22, с. 34]. Авторы раскрывают, да и то не полностью, информационную сущность КХП, имеющую криминалистическое значение.

В.С. Бурданова, Л.В. Виноцкий, С.И. Медведев и другие – в качестве типовой информационной модели, совокупности данных или сведений, полученных в результате специальных исследований, выделяя при этом некоторые ее структурные элементы [4, с. 4; 9, с. 44]. Представляется, что в этом определении отсутствует главное – взаимосвязь образующих КХП элементов.

Из вышесказанного видно, что КХП как категория общих положений методики расследования широко и обстоятельно исследовалась учеными-криминалистами, однако многие вопросы ее сущности и содержания остаются окончательно не решенными. Авторами проанализированы лишь наиболее узловые моменты, не определив отношение к которым затруднительно выстраивать КХП частных методик.

КХП содержит следующие элементы: способ совершения и сокрытия преступлений; особенности обстановки, в которой совершаются преступления; данные о личности преступников; мотивы и цели совершения преступлений; данные о личности потерпевших.

Более сорока лет КХП как криминалистическая категория прочно входит в научный обиход. Пик разработки ее теоретических основ пришелся на 70-80-е гг. XX в. Вряд ли найдем другие проблемы в криминалистике, которым было бы посвящено такое количество диссертационных исследований, опубликованных учебных, учебно-практических, учебно-методических, учебно-наглядных пособий, лекций, статей, было проведено такое количество теоретических, научно-практических конференций, семинаров, криминалистических чтений. В этой работе принимали участие виднейшие, а также начинающие ученые-криминалисты. Во всех учебниках по криминалистике, как правило, содержатся описания общетеоретических положений криминалистической характеристики преступлений, также эта категория предваряет рассмотрение частной методики расследования преступлений определенного вида (разновидности), выступая в качестве одного из ее элементов – начального.

Структура типичных частных методик расследования обычно представлена следующими элементами (составными частями): криминалистической характеристикой преступлений определенного вида (разновидности); определением направления расследования; программой (алгоритмом) первоначального этапа расследования; описанием особенностей подготовки и проведения наиболее типичных для данного вида (разновидности) преступлений следственных действий; программой (алгоритмом) последующего этапа расследования; описанием особенностей подготовки и проведения наиболее типичных для вида (разновидностей) преступлений следственных действий; описанием особенностей подготовки и проведения наиболее типичных следственных действий на заключительном этапе расследования (чаще по ходатайству обвиняемого, потерпевшего, защитника); описанием особенностей профилактической деятельности следователя, дознавателя (чаще с использованием криминалистических средств и методов).

Однако существуют и критические замечания относительно этой категории. Так, профессор Р.С. Белкин в последние годы своей жизни писал: «убежден, что криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых и практиков, изжила себя, из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [2, с. 221-223]. В обоснование своей точки зрения он обращается к изложению ее структурных элементов, включающих уголовно-правовую квалификацию преступлений; криминологическую характеристику личности типичного преступника и типичной жертвы; типичную обстановку совершения преступления; типичный предмет посягательства и, наконец, описание типичных способов совершения и сокрытия преступлений и следов их применения.

И далее он указывает, что если провести операцию по удалению из такой характеристики данных уголовно-правового и криминологического характера, то в ней окажется лишь один действительно криминалистический элемент – способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы, которые и необходимо рассматривать в частной методике.

Действительно, следует отметить, что рассматриваемая категория не оправдала надежд криминалистов. В 70-80-е гг. казалось, что найден тот ключ, который поднимет уровень разработки частных методик, но наметившаяся эйфория в этом вопросе постепенно трансформировалась в здоровый скепсис. От этой категории ждали большего, чем она в состоянии была дать.

Вместе с этим вряд ли стоит отказываться от КХП как структурного элемента частной методики расследования.

Во-первых, Р.С. Белкин почему-то не включил такой структурный элемент КХП, как уголовно-процессуальная характеристика преступления, и, в частности, предмет доказывания по уголовному делу, который не зависит от вида (разновидности) расследуемого преступления. Во-вторых, в предмет доказывания входит и способ совершения преступления, который к тому же может рассматриваться и в криминологическом аспекте. В КХП предмет доказывания, как и элементы уголовно-правовой и криминологической характеристик, наполняется конкретным содержанием и служит наряду со способом совершения и сокрытия преступлений целям расследования, и в этом состоит его криминалистическое значение, о чем говорилось выше.

Уголовно-правовая характеристика в ряде случаев обуславливает выдвижение альтернативных версий, связанных не только с квалификацией преступления в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования, но и с установлением предмета доказывания (событие преступления, виновность лица (лиц) в его совершении, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и т.п.).

Причем данная категория (ее элементы) может рассматриваться не только как идеальная модель в разработке частных методик, но и в определенной степени в практической деятельности дознавателя, следователя.

Указанные положения свидетельствуют о возможности и целесообразности существования специфической категории, какой является КХП. Да и профессор Р.С. Белкин, несмотря на критические высказывания, оставлял КХП право на существование в той мере, в какой она решала практические задачи. В частности, он писал: «... такой комплекс (сведений о преступлении – *О.А.*), даже названный криминалистической характеристикой преступлений, приобретал практическое значение лишь в тех случаях, когда между его составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер. Тогда, только тогда следователь получал обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий. В противном случае криминалистическая характеристика преступлений лишалась всякого смысла, поскольку сводилась к повторению общеизвестных истин» [2, с. 221-223].

Одновременно рассмотренные положения позволяют нам выделить основные направления использования КХП в следственной практике:

1. Обнаружение деяний и выдвижение типичных либо конкретных версий об их преступном характере (о квалификации преступления), об отграничении преступления от административно-правового деликта.

Одновременно могут выявляться признаки и выдвигаться версии о совершении подозреваемым других преступлений.

2. Выдвижение типичных, а иногда конкретных версий о личности потерпевшего. В одном случае это связано с выявлением физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный вред, а иногда юридического лица (потерпевшего), в другом – с установлением личности потерпевшего (обнаружен труп, личность которого не установлена).

3. Выдвижение альтернативных типичных, а иногда конкретных версий о личности преступника. Это может быть связано с ситуациями выдвижения подобных версий в стадии возбуждения уголовного дела (когда отсутствуют сведения о лице, причастном к совершению преступления, либо имеются отдельные сведения о его причастности, в том числе, когда уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица (п. 1. ч. 1 ст. 46 УПК РФ), и в данной ситуации возникает процессуальная фигура подозреваемого. Однако и здесь должна быть выдвинута, как минимум, контрверсия о совершении преступления не этим, а другим лицом, или версия о различных возможных мотивах совершения преступления. При этом одни версии будут являться более вероятными, другие – менее вероятными. В связи с этим существуют общие требования к проверке версий. Они должны проверяться параллельно, по возможности одновременно. Однако подобное требование не означает, что дознаватель, следователь одновременно во всех случаях с одинаковой интенсивностью работает по всем версиям. В связи с этим следует обратиться к мнению А.М. Ларина, который писал, что проверка одной версии может привести к опровержению, а иногда и подтверждению конкурирующих с нею версий [15, с. 181].

Это означает, что безотлагательно проводятся следственные действия, розыскные и оперативно-розыскные мероприятия, промедление с которыми может привести к уничтожению доказательств, их видоизменению, к изменению занятой (или которая может быть занята) свидетелями, потерпевшими и даже подозреваемыми и обвиняемыми позиции.

Степень вероятности определенной версии в значительной степени зависит от оснований ее выдвижения (насколько она обоснована доказательствами, другой имеющейся по делу информацией), личного и коллективного опыта расследования подобных преступлений, наличия соответствующих криминалистических рекомендаций.

Сопоставление криминалистического анализа расследуемого преступления с КХП этого вида (разновидности) позволяет выдвигать более обоснованные, более реальные в данной обстановке (ситуации) версии.

4. Выдвижение типичных, а иногда конкретных версий о совершении преступления (преступлений) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой.

Одновременно выдвигаются типичные или конкретные версии о роли каждого соучастника. Например, выдвигаются версии об исполнителях преступления (соисполнительство), т.е. о лицах, непосредственно участвовавших в его совершении совместно с другими лицами, либо посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и т.п.

При наличии оснований выдвигаются альтернативные типичные или конкретные версии о наличии соучастников других видов, например, об организаторе.

Выдвигаются альтернативные типичные или конкретные версии о наличии подстрекателей и о возможных лицах, склонивших исполнителя к преступлению, о способах подстрекательства (уговор, подкуп, угроза и т.п.).

Также могут выдвигаться типичные или конкретные версии относительно пособника – лица, содействовавшего совершению преступления советами либо указаниями, либо предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления, либо устранения препятствий, либо относительно лица, заранее обещавшего скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления, предметы, добытые преступным путем, заранее обещавшего приобрести или сбыть такие предметы.

5. Выдвижение альтернативных типичных, а иногда конкретных версий о возможных способах совершения и сокрытия преступления определенного вида (например, незаконного пересечения государственной границы) [19, с. 40-52] либо их разновидности (например, в пункте пропуске через государственную границу), возможных следах применения данного способа (о механизме следообразования), о негативных обстоятельствах. Так, для версии о самоповешении негативными обстоятельствами относительно способа совершения и сокрытия убийств – центрального элемента КХП данного вида – будут: отсутствие странгуляционной борозды на шее трупа; наличие на шее трупа двух и более странгуляционных борозд при одиночной петле; нетипичное для повешения при данных условиях направление странгуляционной борозды; несоответствие рельефа дна странгуляционной борозды рельефу материала петли, обнаруженной на шее трупа либо предъявленной следователю; несоответствие ширины петли и странгуляционной борозды; отсутствие опоры около вертикально висящего трупа, если его ноги не касаются пола; чрезмерно большое расстояние от опоры или пола до точки фиксации свободного конца петли и т.п. [20, с. 80-82].

6. Выдвижение альтернативных типичных, а иногда конкретных версий о типичных местах сокрытия либо реализации похищенного имущества, приобретенного иным преступным путем. Это чаще относится к преступлениям, совершаемым против собственности, в сфере экономической деятельности, отдельных преступлений против общественной безопасности, против здоровья населения и общественной нравственности, против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

7. Выдвижение типичных, а иногда конкретных версий о направлении расследования, выборе конкретных следственных действий и розыскных мероприятий дознавателем, следователем, об оптимальной последовательности их производства.

8. Выдвижение типичных, а иногда конкретных версий о возможных источниках информации, местах их возможного нахождения, возможностях их вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность [18, с. 48-51].

Выдвигаются версии о круге лиц, которые могут быть очевидцами подготовки, совершения и сокрытия преступления, о месте их возможного нахождения и выявления, об особенностях информации, которой они обладают, и о их вероятной позиции, которую они могут занять при допросе, и т.п. Также могут выдвигаться версии о воз-

возможностях использования данных оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов МВД России, учетов органов ФТС, а также учетных данных различных организаций, учреждений и предприятий.

По уголовным делам, по которым личность преступников не установлена, КХП используется для сопоставления результатов криминалистического анализа расследуемого нераскрытого преступления с материалами дел о ранее расследованных преступлениях (как раскрытых, так и нераскрытых), а также с материалами новых уголовных дел на обслуживаемой территории (район, город, поселок, участок пограничного отделения, железной дороги, водного пути и т.п.) или объекте. Однако дознавателю, следователю нужно помнить, что содержание КХП включает данные высокой степени адаптации и всегда нужно анализировать признаки совершенного (расследуемого) преступления, которые носят в большей степени индивидуальный характер, поэтому целесообразно будет обратиться к содержанию рассматриваемой категории.

Литература

1. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? // Социалистическая законность. 1989. № 9.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т.2.
4. Бурданова В.С., Кузьминых К.С., Владимиров В.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: лекция. СПб., 1998.
5. Васильев А.Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: мат-лы науч.-практ. конф., ноябрь 1976 г. М., 1976.
6. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: МГУ, 1984.
7. Видонов Л.Г., Видонов В.Л. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений и закономерных связях между ее элементами // Криминалистическая характеристика. М., 1985.
8. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств без очевидцев. Горький, 1978.
9. Веницкий Л.В., Медведев С.И. Криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений: метод. пособие. Караганда, 1979.
10. Винокуров С.И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976.
11. Возгрин И.А. Криминалистическая методика. Минск, 1983.
12. Герасимов И.Ф. Вопросы развития и совершенствования методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы методики расследования преступлений. Вып. 50. Свердловск, 1976.
13. Драпкина Л.Я. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика // Криминалистическая характеристика и методика расследования. Свердловск, 1978.
14. Ковалев А.В. Криминалистическая характеристика преступлений в области охраны жизни и здоровья работников в процессе их производственной деятельности // Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования преступлений. М., 1978.
15. Ларин А. М. От следственных версий к истине. М., 1976.
16. Лузгин И.М. Проблемы развития методики расследования отдельных видов преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения. М., 1976.
17. Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973.
18. Облаков А.Ф., Облаков А.А. Криминалистическая характеристика преступлений в частной методике расследования. Хабаровск, 2015.
19. Облаков А.Ф., Облаков А.А. Организация и тактика раскрытия и расследования незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации. Хабаровск, 2002.

20. Облаков А.Ф., Облаков А.А., Оркин А.Н. Криминалистическая методика. Ч. 1. Хабаровск, 2004.
21. Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 27.
22. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
23. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2.
24. Танасевич В.Г. Значение криминалистической характеристики преступлений и следственных ситуаций для методики расследования преступлений // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980.
25. Танасевич В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М.: МГУ, 1976.
26. Шиканов В.И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980.
27. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учеб. пособие. М., 2002.
28. Яблоков Н.П. Общие положения методики расследования и научно-технический прогресс // Методика расследования преступлений. Общие положения: мат-лы науч.-практ. конф., ноябрь 1976 г. М., 1976.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Павел Александрович Жердев, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: pashkhv@yandex.ru

В статье рассматривается классификация основных средств и методов криминалистической техники по тем задачам, которые они решают в процессе раскрытия и расследования преступлений: обнаружение (выявление) следов и орудий преступления; их фиксация и изъятие; исследование в рамках проведения судебной экспертизы; использование полученных результатов в ходе дальнейшего расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

Ключевые слова: технико-криминалистические средства и методы; следы преступления; судебная экспертиза; вещественные доказательства.

USE OF FORENSIC TOOLS AND METHODS IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Pavel Aleksandrovich Zherdev, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

The article deals with the classification of fixed assets and methods of forensic technology for the tasks they accomplish in the process of disclosure and investigation of crimes: detection (identification) of objects and traces of the crime; their fixing and withdrawal; research in the framework of forensic investigation; use of the results obtained in the course of further investigation and prosecution of the criminal case.

Keywords: technical and forensic tools and methods; the traces of the crime; forensic examination; material evidence.

Современные научно-технические достижения оказывают большое влияние на все сферы человеческой жизни, в том числе на характер и способы совершения преступлений и правонарушений. В таких условиях ранее разработанная методика их выявления и расследования часто становится неэффективной. Все возрастающее значение приобретает совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений в строгом соответствии с ее основными принципами – законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридических лиц, а также объективности, всесторонности и полноты исследований.

Недостатки в деятельности экспертных учреждений влекут за собой негативные правовые последствия, которые препятствуют реализации назначения уголовного судопроизводства, а также решению задач гражданского и административного судопроизводства. Существенное влияние оказывают факты несоблюдения процессуального порядка применения криминалистических средств и методов при производстве следственных действий. Полученные с нарушением требований УПК РФ доказательства считаются недопустимыми, что влечет их исключение из материалов уголовного дела. Например, согласно Д.В. Зеленскому, на долю этого основания приходится 41 % всех случаев признания доказательств недопустимыми [4, с. 3].

В связи с этим следует признать случаи некачественного использования средств и методов криминалистической техники в процессе производства расследования, а порой ее и незнание. Как справедливо отмечает Е.В. Смахтин, провозглашение оправдательных приговоров в суде происходит по следующим критериям:

- неэффективная криминалистическая деятельность (23,08 %);
- неэффективная процессуальная деятельность (15,38 %);
- сочетание неэффективной криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности (7,70 %);
- отсутствие следов преступника на месте происшествия, на потерпевшем и на орудии преступления, а также следов преступления на преступнике и его вещах (38,46 %);
- неэффективная уголовно-правовая деятельность (ошибки в квалификации дела) (15,38 %) [10, с. 33].

В силу этого непреложным правилом осмотра места происшествия является оценка выявленных данных, которая должна осуществляться с точки зрения их достоверности, относимости к расследуемому событию, сопоставимости между собой и окружающими явлениями. В этом неocenимую помощь следователю может оказать участие в осмотре различного рода специалистов. Их выводы и заключения, несмотря на подчеркнуто предварительный характер, являются весомой составляющей при формировании и выдвижении версий о природе происшедшего [9, с. 72].

Технико-криминалистические средства и методы обнаружения следов и предметов – вещественных доказательств весьма разнообразны, как и виды объектов – носителей доказательственной и иной криминалистически значимой информации; причем их обнаружение и выделение из массы подобных либо прочих объектов нередко представляет значительные трудности. Это происходит еще и потому, что преступники предпринимают меры к сокрытию следов. Часто сохранившиеся следы и предметы – вещественные доказательства бывают очень малы, фрагментарны, слабо различимы, невидимы. К тому же они могут находиться в труднодоступных местах, тайниках, быть подвергнуты маскировке и камуфлированию. Поэтому при исследовании изъятых с места происшествия следов используется комплексный подход [1, с. 99].

Одними из наиболее криминалистически значимых и распространенных являются следы пальцев рук, к средствам и методам обнаружения которых относятся специальные средства освещения, в том числе на лазерной основе; разноцветные мелкодисперсные порошки, наносимые на предмет со следами с помощью флейцевой или магнитной

кисти, пульверизатора, аэрозольного распылителя; различные химические реагенты и даже газообразные вещества – пары йода.

Слабовидимые следы биологической природы (микробрызги крови, спермы, слюны, мочи, грудного молока, носовой слизи, выделений из влагалища и др.) выявляются на объектах-носителях с помощью компактных оптических приборов (лупы разной кратности, микроскопы), различных светофильтров, а также с помощью ультрафиолетового осветителя.

Тепловые следы, оставленные человеком на различных поверхностях, можно выявить с помощью портативной камеры, которая реагирует на невидимые инфракрасные (тепловые) лучи, передаваемые в блок отражения с телеэкраном. Эти приборы, именуемые тепловизорами, постепенно внедряются в практику работы правоохранительных органов.

Микрочастицы, микрообъекты органического и неорганического происхождения (графит, сажа, продукты выстрела и др.) обнаруживаются посредством различных вариантов освещения с использованием набора светофильтров, электронно-оптического преобразователя. Мелкие металлические стружки и опилки легко обнаружить с помощью сильного магнита.

Металлические предметы (холодное и огнестрельное оружие, орудия взлома, специальные воровские инструменты, пули, гильзы, металлические осколки корпуса и начинки взрывных устройств и т.п.), если для этого приходится обследовать большие площади или обнаруживать их закопанными неглубоко в землю, утопленными в водоемах, выявляются с помощью индукционных металлоискателей. Для обнаружения металлических объектов в водоемах и выгребных ямах используются магнитные подъемники и сильные магниты, укрепленные на шестах.

Трупы людей и их части, сокрытые в земле, отыскивают с помощью механических щупов, ручных буров, а также специальных приборов типа «Поиск». Те же объекты, затопленные в водоемах, обнаруживаются специальными тралами. Применимы в этих целях и биодетекторы: специально обученные собаки, ощущающие запах разложения органических тканей.

Тайники, устроенные в различных предметах и сооружениях, можно обнаружить с помощью переносных рентгеновских установок, а в кирпичных и железобетонных стенах – посредством радиоизотопных отражательных толщиномеров. Будут полезными и поисковые приборы, работающие на основе ультразвуковой локации.

Взрывчатые вещества и наркотики, спрятанные правонарушителями, обнаруживаются и предварительно тестируются с помощью специальных криминалистических средств, реагирующих на газовые составляющие этих веществ. Весьма эффективны и служебно-розыскные собаки, обученные на обнаружение наркотических средств и взрывчатых веществ.

Поддельные деньги, ценные бумаги, документы выявляются из массы настоящих с помощью детекторов, простейшие из которых – специальные осветители, вызывающие люминесценцию отдельных мест на банкнотах, а также участков ценных бумаг и документов, подвергшихся травлению, смыванию, вклейке цифр номера, переклейке фотографии, другим преступным манипуляциям.

В ряде случаев без технико-криминалистической фиксации вообще невозможно обойтись в деятельности правоохранительных органов.

Так, протокол допроса глухонемого будет содержать те сведения, которые сообщил сурдопереводчик – субъект, владеющий азбукой глухонемых. Если допрос не сопровождался видеофиксацией, проверить правильность сурдоперевода будет невозможно. Похожая ситуация может возникнуть при допросе через переводчика, если допрашиваемый – потерпевший, важный свидетель, подозреваемый, обвиняемый – не владеет языком, на котором ведется судопроизводство. Протокол, к которому прило-

жена фонограмма, позволит зафиксировать ход и результаты допроса наиболее полно, а главное, позволит в любой момент объективно оценить добытые доказательства.

Технико-криминалистические средства фиксации предназначены для наиболее полной передачи, отражения в материалах дела следов и предметов – вещественных доказательств, а также образной и звуковой криминалистически значимой информации. Это достигается путем применения различных слепочных материалов (гипс, воск, парафин, легкоплавкие металлы, полимерные вещества, акриловые и силиконовые герметики) для объемного моделирования следов обуви, зубов, орудий взлома и др.

Использование средств фотосъемки, видео- и звукозаписи позволяет запечатлеть криминалистически значимые образы и звуки, а также ход и результаты осмотра места происшествия, трупа, тела и одежды потерпевшего, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, допроса, очной ставки и других следственных действий. В ряде случаев – криминалистически значимые цвета и их оттенки (например, при расследовании пожаров, фальшивомонетничества, подделки произведений искусства), что фиксируется на цветные материалы.

Графические средства фиксации предназначены для изготовления схем, рисунков, чертежей, планов места происшествия, облегчающих восприятие протокольного описания соответствующего следственного действия, ориентацию на месте его производства, например, в обворованном хранилище материальных ценностей.

Изъятие следов и предметов – вещественных доказательств производится с использованием наборов инструментов (пила, стамеска, стеклорез, отвертка), а иногда и сложных технических средств, например электрогазосварочного аппарата. Сыпучие (цемент, мука, песок, образцы почвы) и жидкие субстанции (кровь, вода, горючесмазочные материалы, алкогольные напитки и др.), пробы взрывоопасных и агрессивных веществ обычно изымаются с участием специалиста в специальные емкости. Особые технические средства и приемы разработаны для изъятия запаховых следов и микрочастиц.

Технико-криминалистические средства собраны в портативные комплекты универсального, специализированного или смешанного типа. Универсальные наборы – это следственные чемоданы и оперативные сумки, вмещающие все необходимое для полноценного осмотра места происшествия и производства других следственных действий. Современный следственный чемодан – это набор технических средств типа «Кремень».

Специализированные наборы рассчитаны на использование при расследовании отдельных видов преступлений (ДТП, пожары, крушения, авиакатастрофы и др.). Это экспертный чемодан, набор для работы с микрочастицами, запаховыми следами и др. Наборы смешанного типа обычно комплектуются на базе микроавтобусов и называются передвижными криминалистическими лабораториями (ПКЛ). Они используются при осмотре любых мест происшествия, позволяют провести предварительное исследование обнаруженных объектов.

Таким образом, средства, используемые для экспертного исследования криминалистически значимых объектов, – это, как правило, сложная аналитическая техника общенаучного или специально криминалистического назначения. Современные средства и методы криминалистической техники базируются на новейших достижениях естествознания, математики, аналитической химии и физики, кибернетики, психофизиологии и других наук, разрабатываются с учетом потребностей следственной, экспертной, оперативно-розыскной и судебной практики в решении сложных задач, связанных с уголовным судопроизводством [5, с. 50].

Успех организации деятельности, а в конечном счете и правильного решения задач расследования зависит не только от практических усилий лица, осуществляющего уголовное преследование, но и от тех методов, которые он использует. Одной из главных причин малой эффективности следственных и судебно-следственных действий, следственных и судебных ошибок и нарушений законности является неправильный вы-

бор, а порой и незнание методов организации указанной деятельности, анализа, оценки, использования имеющейся информации; неумение правильно определить задачи, найти их правильное решение. Это может исключить дальнейшее расследование и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступление [7, с. 78].

Профессор Г. А. Густов под методом криминалистического исследования, организации, управления расследованием определяет обусловленную закономерностями события преступления, процесса расследования и обстановкой, в которой оно проводится, систему определенных правил и операций, надлежащее выполнение которых помогает оптимизировать деятельность работников правоохранительных органов и в определенной мере при соблюдении закона гарантирует получение по делу новых знаний, своевременное и правильное решение задач предварительного следствия [3].

Непременными элементами метода являются: а) инструменты (специальные средства, помогающие выполнению правил), б) технология (система операций, надлежащее выполнение которых создает определенную гарантию успеха). Они образуют механизм метода, обеспечивающий его эффективность. Воспользоваться тем или иным методом для организации расследования и получения по делу новых знаний – значит, используя соответствующие инструменты и технологии, надлежаще выполнить те правила и операции, которые предписывает выбранный метод.

Чем богаче арсенал методов, которые используют следователи, прокуроры, эксперты, другие участники судопроизводства, тем увереннее и качественнее они способны выполнять свои обязанности. Чем выше умения и навыки использования существующих методов у следователей, тем полнее они способны выявлять, пресекать и предотвращать преступные посягательства, устранять обстоятельства, способствовавшие их совершению, тем всестороннее, полнее и объективнее они способны познавать обстоятельства преступления, раскрывать его, собирать доказательства и доказывать виновность конкретного лица.

Как уже говорилось, в криминалистической деятельности используются различные методы познания и организации деятельности. Современное состояние науки криминалистики призвано оказывать действенную помощь следственным органам в установлении истины по делу. На службу следствию поставлены как традиционные (общие и частные) методы исследования, основанные на обнаружении следов, так и последние достижения науки, – позволяющие работать с микроследами – источниками доказательств (специальные методы).

Среди специальных методов организации расследования выделяются метод криминалистического моделирования, программно-целевой метод, методы комплексного подхода и факторного анализа. Данные методы направлены на организацию деятельности по познанию и доказыванию обстоятельств происшедшего и наряду с использованием других методов дают возможность оптимизировать деятельность всех участников расследования.

Указанные методы были разработаны применительно к организации деятельности следователя в основном по конкретным категориям дел. Несмотря на это, их общие положения наряду с положениями других методов, являются основой для разработки методик уголовного преследования по конкретным видам и типам преступных посягательств. Кроме того, они являются основой для разработки методов для осуществления деятельности лиц, участвующих в правосудии, таких как судьи, адвокаты, эксперты, специалисты и др. Однако, поскольку эти методы были разработаны для достижения целей уголовного преследования, то субъект их применения – в основном следователь, что и отражается в ходе их описания.

Выделение данных методов обусловлено тем, что они являются сравнительно новыми и их описание и рекомендации по практическому применению не нашли широкого отражения в учебной и методической литературе. В то же время они достаточно успешно применяются на эмпирическом уровне работниками правоохранительных ор-

ганов. В число лиц, которые их используют, к сожалению, входят и преступники, особенно это касается руководящего звена высокоорганизованных преступных групп, таких как банды, террористические организации различного толка, преступные сообщества. В эти преступные группы часто входят лица, обладающие достаточно высоким интеллектуальным потенциалом, в том числе использовавшие эти методы в своей прошлой работе в правоохранительных органах или аналогичные методы в других областях человеческой деятельности, целенаправленно получавшие знания об их сущности и возможностях трансформации для организации преступной деятельности и противодействия уголовному преследованию.

Комплексное использование методов лежит в основе криминалистических методик и методических рекомендаций. На уровне уголовного преследования по конкретному делу, досудебных и судебных этапах и стадиях только их комплексное применение дает возможность организовать деятельность для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств происшедшего, а значит, достигнуть целей уголовного преследования и целей уголовного судопроизводства, которыми являются защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; назначение виновным справедливого наказания либо отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ). Только в указанном случае возможно вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора (ст. 297, 360, 361, 367, 373, 381 УПК РФ).

Как справедливо отметили В. Крайник и М. Крайникова, «решающей характеристикой науки являются методы (науки), а не характеристики объектов. Существует множество характеристик, которые криминалистика отказывается рассматривать для целей индивидуализации людей только потому, что они недостаточно изучены с научной точки зрения: хейлоскопия, пороскопия, форма ногтей, язык тела, мимика лица и всего тела... которые в то же время оправданы с научной точки зрения» [6, с. 43].

Основными направлениями повышения эффективности и дальнейшего совершенствования деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, на наш взгляд, являются участие специалистов в создании и использовании информационной базы при раскрытии и расследовании преступлений, использование компьютерных технологий и моделирования при выполнении идентификационных и диагностических задач, а также оказание содействия в обнаружении, закреплении и изъятии следов и применении технических средств [8].

Наряду с этим в настоящее время необходимо осуществление следующих процедур по выработке методических рекомендаций использования криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений:

- освоение и внедрение в практику борьбы с преступностью новых информационных технологий, средств автоматизации, электронно-оптической, телевизионной и вычислительной техники, в частности, при производстве судебных экспертиз и в рамках системы криминалистической регистрации. Особо востребованны краткие прикладные рекомендации в виде памяток, специальных программных продуктов, особенно в виде мобильных приложений в телефонах, коммуникаторах, планшетных и стационарных компьютерах, ноутбуках. Эти продукты научно-технического прогресса сейчас пока весьма немногочисленны, но пользуются повышенным спросом [2, с. 99];

- совершенствование средств и методов собирания и исследования следов и других объектов. В этих целях в настоящее время разрабатываются и апробируются лазерные установки, цианокрилаты, консерванты в аэрозольных упаковках, электростатические приборы для обнаружения невидимых следов ног, приборы по исследованию речевой информации, телевизионные установки для исследования документов, автоматизированные рабочие места экспертов различных специальностей и др.;

- совершенствование оборудования передвижных криминалистических лабораторий, создание специализированных ПКЛ для осмотра мест происшествий по делам о пожарах, об авиакатастрофах, о крушениях железнодорожного транспорта и т.п.

Решение данных вопросов имеет большое практическое значение, поскольку от квалифицированного использования технико-криминалистических средств и методов зависит обоснованность и достоверность получаемых результатов.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
2. Гармаев Ю.П. Проблемы и перспективы внедрения высоких технологий в криминалистические, межотраслевые средства противодействия преступности // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2.
3. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. СПб., 1997.
4. Зеленский Д.В. Проблемы допустимости доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1995.
5. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М., 2007.
6. Крайник В., Крайникова М. Биометрия и криминалистическая идентификация // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. Симферополь, 2016.
7. Мерецкий Н.Е. Значение первоначального этапа расследования преступлений // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты. М., 2015.
8. Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: приложение к приказу МВД России от 11 января 2009 г. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
9. Пудовиков А.С., Степанов М.Е. Особенности расследования убийств, совершенных организованными преступными группами в целях завладения жильем граждан, скрытых инсценировками: учеб.-практ. пособие. Хабаровск, 2015.
10. Смахтин Е.В. Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений: история и современное состояние // Российский следователь. 2013. № 11.

УДК 343.985.7

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ В ХОДЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ (ПРЕСТУПЛЕНИЯ)

Евгений Владимирович Зубенко, старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: Zubenko1978@yandex.ru

В статье автором выделяются типичные способы совершения и сокрытия оставления в опасности при дорожно-транспортном происшествии, а также анализируется обстановка совершения указанных преступлений, что способствует более эффективному расследованию данного вида преступлений.

Ключевые слова: оставление в опасности; дорожно-транспортные происшествия (преступления); способ совершения преступления; сокрытие; обстановка.

IT IS IN DANGER OF FEATURE OF INVESTIGATION OF LEAVING DURING THE ROAD ACCIDENT (CRIME)

Evgeny Vladimirovich Zubenko, senior lecturer of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

In article the author allocates typical ways of commission and concealment of leaving it is in danger at a road accident, and also the situation of commission of the specified crimes is analyzed that promotes more effective investigation of this type of crimes.

Keywords: leaving is in danger; road accidents (crimes); a way of commission of crime; concealment; a situation.

Изучение следственно-судебной практики позволяет выделить различные примеры успешной работы следователей, дознавателей, оперативных работников по раскрытию и расследованию преступлений. Учеными в области уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики публикуются в значительном количестве научные материалы, призванные улучшить качество расследования уголовных дел. Такого рода публикации касаются не только «традиционных», часто совершаемых преступлений, как, например, кражи, убийства, разбойные нападения, изнасилования, но и других, более специфических. При этом составов преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, больше двухсот, а видов преступлений (в одном составе), отличающихся один от другого по способу совершения, личности преступника, условиям, в несколько раз больше. Данное обстоятельство мы и приняли за основу, выделив такое специфическое преступление, как оставление в опасности в ходе совершенного дорожно-транспортного происшествия или преступления (далее – ДТП).

Согласно статистическим данным ГИБДД МВД России, в 2015 г. было зарегистрировано 26 347 преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Общее число транспортных средств, состоящих на учете в ГИБДД МВД России на 1 января 2016 г., составляет 56 616 354 единицы, из которых 51 242 697 принадлежит физическим лицам*. Численность населения России, по данным Госкомстата, на 1 января 2016 г. составляет 146 519 759 чел. *. Приведенные данные свидетельствуют, что в среднем на каждого третьего жителя нашей страны приходится одно транспортное средство (принадлежащее физическим лицам). Данное обстоятельство в совокупности с недостаточно развитой дорожной инфраструктурой снижает транспортную безопасность, о чем свидетельствует значительное количество совершаемых дорожно-транспортных преступлений. При этом больше тысячи раз каждый месяц, водители, совершив дорожно-транспортное происшествие, скрываются и оставляют пострадавших в опасном для жизни или здоровья состоянии [7]. В результате этого неблагоприятные последствия от дорожно-транспортного происшествия (преступления) увеличиваются, виновный привлекается дополнительно к ответственности по ст. 125 УК РФ (оставление в опасности).

Исходя из диспозиции ст. 125 УК РФ, оставление в опасности представляет собой формальный состав преступления. Согласно теории уголовного права, преступление с таким составом признается оконченным с момента совершения деяния, указанного в диспозиции статьи уголовного закона, вне зависимости от наступивших последствий.

* URL: <http://www.gibdd.ru/stat>

Поэтому уголовная ответственность за оставление в опасности наступает не только в случае причинения тяжкого вреда здоровью человека или наступления в дальнейшем смерти, как в ст. 264 УК РФ (при совершении дорожно-транспортного преступления), но и в ходе происшествия, где не наступили последствия, предусмотренные диспозицией ст. 264 УК РФ, если пострадавший находился в опасном для жизни или здоровья состоянии (был зажат деформированными внутренними частями автомобиля и не мог выбраться при его возгорании; после наезда находился в бессознательном состоянии на проезжей части или не мог подняться из-за травм и т.п.) [3, с. 44-48].

В научной литературе внимание уделяется в основном методике расследования различных видов дорожно-транспортных преступлений, выявлению и установлению нарушений требований соответствующих пунктов Правил дорожного движения РФ, а к проблеме оставления в опасности авторы обращаются нечасто. Отдельные положения криминалистической методики расследования дорожно-транспортных преступлений уже рассматривались в диссертационных исследованиях таких авторов, как Н.Ф. Колосов (1996 г.), А.Г. Алексеев (2001 г.), И.С. Лаврентьева (2003 г.), А.Д. Коленко (2004 г.), А.Г. Кольчурин (2004 г.), А.А. Смирнов (2004 г.), А.А. Бибииков (2005 г.), Я.А. Мыц (2006 г.), И.К. Завгородний (2007 г.), С.М. Ремизов (2007 г.), В.Ф. Егорова (2009 г.), С.В. Власова (2009 г.), С.В. Владимиров (2011 г.). Однако в них лишь косвенно затрагивались вопросы расследования оставления в опасности в результате совершения дорожно-транспортного преступления (происшествия) как одной из следственных ситуаций, если водитель скрылся и не оказал помощи пострадавшему. Однако это два совершенно разных состава преступления. Первое – это дорожно-транспортное преступление, а второе – оставление в опасности, которое является результатом первого преступления или происшествия, если жизни или здоровью пострадавшего угрожает опасность. Иными словами, оставление в опасности является следствием дорожно-транспортного происшествия. Кроме того, как было указано выше, уголовно наказуемым оставление в опасности будет и в том случае, если не было дорожно-транспортного преступления, а произошло происшествие, в котором пострадали участники дорожного движения и были оставлены в опасном для их жизни или здоровья состоянии.

Выделим ряд особенностей совершения рассматриваемого нами вида преступления, что необходимо учитывать при его расследовании. К ним отнесем способы совершения и сокрытия преступления, а также его обстановку.

В криминалистической литературе под способом совершения преступления понимается система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированная условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности [1, с. 215; 4, с. 8].

Проведенный нами анализ судебно-следственной практики расследования преступлений данной категории позволил выделить следующие виды способов совершения оставления в опасности при дорожно-транспортном происшествии*:

1. Водитель, совершивший ДТП, оставляет пострадавшего, не останавливая свое транспортное средство, скрывается на нем – 61 %.

Данный способ наиболее распространен и типичен при наезде на пешехода. Он характеризуется стремлением виновника остаться незамеченным и не быть задержанным на месте преступления, вне зависимости от того, имеются ли очевидцы или их нет. Необходимо отметить, что указанный способ совершения преступления присутствует и при падении пассажира, например в маршрутном автобусе, когда водителем применя-

* Автором было изучено 217 уголовных дел, расследованных и рассмотренных в Дальневосточном федеральном округе за период с 2005 по 2015 г., а также учитывался собственный опыт расследования данной категории уголовных дел в качестве следователя, начальника следственного подразделения ОМВД России по г. Уссурийску Приморского края.

ется экстренное торможение, при этом водитель высаживает пострадавшего на остановке, не оказывая ему помощи, и продолжает движение.

В состоянии алкогольного или наркотического опьянения, действуя указанным способом, 15 % виновных, скрываясь, совершают еще одно ДТП. Как правило, это столкновение с попутным транспортным средством или наезд на препятствие. Боязнь ответственности за содеянное и неминуемое лишение права управления автомобилем за вождение в состоянии опьянения усиливает их желание быстрее скрыться с места происшествия путем увеличения скорости. Такое обстоятельство приводит к полной потере контроля и совершению столкновения с попутным или встречным транспортным средством либо наезда на неподвижное препятствие (дерево, столб, бетонный парапет остановки и т.п.). Так, К. в ночное время, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял автомобилем, двигаясь по ул. Русской в г. Владивостоке, он совершил наезд на пешеходов Н. и Б., после чего продолжил движение, увеличив скорость автомобиля. Однако, не справившись с управлением во время выполнения маневра «поворот налево», совершил наезд на стоявший бульдозер*.

2. Водитель, после совершения ДТП, останавливается, оценивает обстановку, не оказывая помощи пострадавшему, скрывается на своем транспортном средстве – 17 %.

Данный способ является разновидностью первого и отличается тем, что виновный убеждается в совершении, например, наезда на пешехода, который оказывается в беспомощном состоянии. В его сознании происходит борьба мотивов: оказать помощь пострадавшему и обратиться в органы правопорядка – значит быть подвергнутым уголовному преследованию либо не оказывать помощи и скрыться, избежав ответственности. Такие способы совершения преступления происходят, как правило, в темное время суток и в отсутствие очевидцев происходящего. Например, П., около 1 ч ночи, управляя автомобилем, совершил наезд на пешехода М. Остановившись, он осмотрел пострадавшего, тот находился в бессознательном состоянии. Очевидцев на месте происшествия не было. Испугавшись ответственности, П. беспрепятственно скрылся на своем автомобиле, не оказав помощи М.**.

3. Водитель, совершивший ДТП, оставляет пострадавшего в беспомощном состоянии и покидает свое транспортное средство – 22 %.

Анализ практики показывает, что подобного рода способ оставления в опасности обычно возникает вследствие объективных причин невозможности дальнейшего движения транспортного средства: при столкновении с другим автомобилем; опрокидывании; наезде на препятствие (ограждение, бордюрный камень и др.). В этих ситуациях виновники вынуждены оставлять автомобиль на месте происшествия. Необходимо отметить, что данный способ также используется преступниками при неправомерном завладении либо хищении автомобиля и последующем совершении ДТП.

Относительно сокрытия преступления, то в криминалистическом смысле все его приемы, по мнению Н.П. Яблокова, в основном реализуются на месте совершения преступления и связаны с различного рода материальными следами, позволяющими судить о деталях поведения преступника и тех объективных и субъективных факторах, которые его обусловили [8, с. 51]. Однако осуществить их на месте совершения исследуемых преступлений проблематично. Прежде всего потому, что это место – проезжая часть, как правило, оживленный участок местности. Лишь на отдаленной трассе, в темное время суток правонарушитель попытается на месте происшествия удалить следы своего участия. Его действия требуют определенных временных затрат, что может привести к появлению не нужных ему очевидцев – водителей встречных или попутных автомобилей, а также пешеходов.

* Уголовное дело № 998625/2015 // Архив СО ОМВД России по г. Владивостоку.

** Уголовное дело № 210907/2015 // Архив отдела дознания ОМВД России по Кировскому району Приморского края.

Кроме того, сокрытие преступления виновный заранее не планировал. Поэтому на месте ДТП, являющемся и местом оставления в опасности, его действия в большинстве случаев хаотичны и направлены на скорейшее покидание этого места. В рамках рассматриваемых преступлений сокрытие связано с утаиванием виновным события ДТП либо своего участия в нем. Совершение лицом дорожно-транспортного происшествия обязывает его оказать помощь пострадавшим, так как он поставил их в опасное для жизни или здоровья состояние. Водитель должен в соответствии с требованием п. 2.5 Правил дорожного движения РФ «... принять возможные меры для оказания доврачебной медицинской помощи пострадавшим, вызвать «Скорую медицинскую помощь», а в экстренных случаях отправить пострадавших на попутном, а если это невозможно, доставить на своем транспортном средстве в ближайшее лечебное учреждение...» [6]. Поэтому отсутствие факта ДТП либо неучастие в нем устраняет обязанность лица оказать помощь пострадавшим. Таким образом, способы сокрытия данного преступления можно разделить на два вида:

- 1) сокрытие виновным факта совершения дорожно-транспортного происшествия (преступления);
- 2) сокрытие виновным своего участия в совершении дорожно-транспортного происшествия (преступления).

Подтверждением ДТП и, следовательно, последующего оставления в опасности является наличие характерных следов контакта на транспортном средстве (деформированные выступающие части кузова; биологические следы пострадавшего; волокна его одежды и т.д.). Поэтому виновник стремится их как можно быстрее удалить либо в последующем оправдать появление следов перед своими близкими либо сотрудниками полиции. Способы удаления следов зависят от умений самого лица. Биологические следы затираются, замываются в первые же сутки после совершения преступления.

Наличие гаража, навыков кузовных работ способствует самостоятельной замене или восстановлению водителем поврежденных деталей транспортных средств. При отсутствии таких условий он обращается в автомастерские, к частным мастерам, состоящим с ним в приятельских или дружеских отношениях. Повреждения автомобиля этим лицам объясняет совершением наезда на дерево или тому подобный предмет; на животного (как правило, собаку). Кроме того, преступник может перевезти пострадавшего и оставить его в другом, не связанном с ДТП месте. В результате установить фактическое место совершения преступления будет проблематично. Редко, но такие случаи имеются, когда пострадавшего в непосредственной близости от места происшествия прячут в канаве или кювете, забрасывая ветками или картонными коробками. Как правило, пострадавший в такой ситуации находится в бессознательном состоянии. Если он при таких условиях погибает, то труп может быть обнаружен спустя продолжительное время. Так, в вечернее время водитель И.А.Ю., управляя автомобилем, совершил наезд на пешехода И.Д.П., который, получив тяжелые травмы, находился в бессознательном состоянии, а впоследствии скончался. И.А.Ю. с целью сокрытия преступления спрятал тело пострадавшего в кювете недалеко от проезжей части, забросав его картонными коробками. Погибшего И.Д.П. обнаружили спустя шесть дней, к тому времени часть мягких тканей трупа была объедена животными (грызунами)*.

Сокрытие виновным своего участия в преступлении происходит путем заявления о хищении транспортного средства либо его угоне. Заявление подается в 15 % случаев, чаще всего когда транспортное средство было оставлено на месте ДТП. При этом значительная часть таких лиц была ранее судима за умышленные преступления либо имеет представление о деятельности органов расследования (наличие соответствующего юридического образования, опыт работы в правоохранительных органах или участия в уголовном судопроизводстве). Возникшие в результате аварии телесные повреждения о

* Уголовное дело № 1-75/2013 // Архив Уссурийского районного суда Приморского края.

рулевую колонку или лобовое стекло выдаются как нанесенные неизвестными лицами в момент хищения автомобиля либо полученные в быту. Например, П., ранее неоднократно судимый за умышленные преступления, находясь в состоянии алкогольного опьянения и управляя автомобилем, совершил столкновение со встречным транспортным средством, после чего скрылся, оставив пострадавших водителя и пассажиров встречного автомобиля в опасном для жизни состоянии. При этом он обратился в полицию по поводу открытого хищения автомобиля неизвестными лицами путем применения насилия, так как в результате столкновения получил повреждения лицевой части головы при ударе о рулевую колонку*.

Подводя итог, следует отметить, что способы совершения и сокрытия рассматриваемых преступлений имеют определенные особенности: в них отсутствуют действия по подготовке к совершению преступления; виновный оставляет потерпевшего в опасности, скрываясь с места происшествия на своем транспортном средстве либо без него; сокрытие преступления происходит путем утаивания лицом факта совершенного ДТП или создания видимости неучастия в нем.

Обстановка во многом определяет и корректирует способ совершения преступления. В ней проявляются отдельные важные личностные черты преступника, принимающего участие, в большей или меньшей степени, в формировании данной обстановки, приспособляющегося к ней либо не учитывающего ее особенностей.

В проведенном нами исследовании местом совершения оставления в опасности определен тот участок проезжей части, где произошло дорожно-транспортное происшествие и пострадавший был оставлен в опасном для его жизни или здоровья состоянии. Нами было установлено, что наиболее типичным местом оставления в опасности являются: дорога – 88 % и прилегающая территория – 12 %. Термин «прилегающая территория» означает территорию, непосредственно прилегающую к дороге и не предназначенную для сквозного движения транспортных средств (дворы, жилые массивы, автостоянки, АЗС, предприятия и тому подобное) [6].

Дороги, расположенные в населенных пунктах, становятся местом совершения преступления в 74 % случаев. Такой высокий процент объясняется тем, что во многих ситуациях потерпевшими являются пешеходы, проживающие в этих населенных пунктах. Вне населенных пунктов на автотрассах федерального значения оставляют пострадавших в опасном состоянии в 7 % случаев, краевого значения – в 5 %, районного – в 2 %. При этом место преступления, за редким исключением, находится в непосредственной близости от населенного пункта.

Прилегающая территория, на которую приходится 12 % оставления в опасности, относится также к территории населенных пунктов. При этом во дворах и жилых массивах происходит 7 % преступлений и 5 % в иных местах – автостоянках, АЗС, свалках и т.д.

Следующим элементом обстановки является время совершения рассматриваемых преступлений, включающее такие параметры, как часы, сутки, дни недели, месяц, период года и иные временные характеристики. Обобщение практики показало, что в большинстве случаев оставление в опасности происходит в светлое время суток – 53 %, в темное время – 47 %. Однако в вечернее время, с 16 до 24 ч, совершается 43 % преступлений, с 8 до 16 ч – 34 %, с 0 до 8 ч – 23 %.

Приведенные данные можно объяснить следующим образом. В утренние и вечерние часы на дорогах усиливается автомобильное движение, так как граждане, соответственно, следуют на работу и обратно домой. Увеличение автомобилей и пешеходов приводит к совершению дорожно-транспортных происшествий и росту оставления в опасности пострадавших. В темное время суток автомобильный поток снижается, но ухудшается состояние видимости. При этом для водителя появляется больше возмож-

* Уголовное дело № 1-642/2015 // Архив Уссурийского районного суда Приморского края.

ностей, будучи незамеченным, скрыться после совершенного им ДТП, оставив пострадавшего в опасном для жизни или здоровья состоянии.

Относительно дней недели данные по оставлению в опасности распределились так: в понедельник – 12,9 %; во вторник – 13 %; в среду – 15,7 %; в четверг – 10 %; в пятницу – 11,4 %; в субботу – 16,7 %; в воскресенье – 13,3 %; в праздничные дни – 7 %. Следовательно, большого различия по дням недели в количестве совершенных преступлений нет. В субботные дни и в середине недели происходит незначительный их всплеск, это объясняется возрастанием активности движения в данный период времени.

Что касается распределения рассматриваемых преступлений по месяцам, то наибольшее их количество совершается в октябре – 9,6 %; в марте и июле – по 9,3 %; в июне – 9 %; в апреле и ноябре – по 8,7 %; в сентябре и мае – по 8,3 %; в феврале – 7,9 %; в августе – 7,6 %; в декабре – 7 % и в январе – 6,3 %. Соответственно, чаще всего данные преступления совершаются осенью, летом и весной.

При анализе времени совершения оставления в опасности при дорожно-транспортном происшествии можно проследить достаточно устойчивую зависимость между интенсивностью движения и количеством дорожно-транспортных происшествий [4, с. 8]. Это касается и времени суток, дней недели, месяца, и времени года.

Погодные условия также имеют определенное влияние на совершение данных преступлений. Неблагоприятные погодные условия – дождливая погода, снегопад и тому подобное – отрицательно сказываются на безопасности дорожного движения, что приводит к совершению ДТП. Кроме того, эти обстоятельства способствуют сокрытию следов происшествия и оставлению в опасности. Так, А.Ю. Головин, А.А. Бибииков, исследовавшие вопросы преодоления противодействия расследованию дорожно-транспортных преступлений, отмечают, что способ и обстановка дорожно-транспортного преступления во многом определяют действия преступника по сокрытию следов преступления [2, с. 14].

Поэтому при наличии неблагоприятных погодных условий, отсутствии освещенности, а также малой вероятности появления вблизи места происшествия очевидцев, количество рассматриваемых преступлений увеличивается.

Таким образом, в заключение следует констатировать, что типичные данные об обстановке, о способах совершения, а также сокрытия оставления в опасности при дорожно-транспортном преступлении (происшествии) позволяют предположить неизвестные следствию обстоятельства о преступлении, что благоприятным образом скажется в дальнейшем на процессе расследования при планировании и проверке следственных версий.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000.
2. Головин А.Ю., Бибииков А.А. Криминалистические средства и методы преодоления противодействия расследованию дорожно-транспортных преступлений. М.: РосНОУ, 2010.
3. Зубенко Е.В., Очинников Ю.Г. Проблемы квалификации оставления в опасности в случае дорожно-транспортного преступления (происшествия) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4.
4. Кольчурин А.Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
5. Мерецкий Н.Е. Исследования способа совершения преступления в криминалистической характеристике // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат-лов Всерос. конф. Орел: Орловский ЮИ МВД России, 2015.
6. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению без-

опасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 21.01.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru>

7. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 г. / РОССТАТ. М., 2016.

8. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

УДК 343.575

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЯМИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сергей Викторович Тайнов, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: svtainov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности планирования расследования преступлений, совершенных в сфере дорожного строительства автомобильных дорог. Автор анализирует специфику возбуждения уголовного дела и акцентирует внимание на аспектах планирования первоначального этапа расследования.

Ключевые слова: планирование расследования; хищения; дорожное строительство; первоначальный этап расследования.

SPECIAL FEATURES OF PLANNING INVESTIGATION OF CRIMES INVOLVING THEFT IN ROAD CONSTRUCTION

Sergei Viktorovich Tainov, lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Some special features of planning the investigation of crimes committed in the sphere of road construction are studied in the paper. The author analyzes the specific factors of the criminal complaint, and focuses on the aspects of planning the primary stage of the investigation.

Keywords: planning investigations; theft; road construction; the primary stage of the investigation.

Планирование начального этапа расследования по делам о хищениях, совершаемых при капитальном строительстве автомобильных дорог, так же как и по другим делам о хищениях государственного и иного имущества, имеет большое значение. От его результатов в значительной мере зависят полнота раскрытия преступления и избличения преступников, обеспечение возмещения нанесенного материального ущерба. Часто именно грамотное планирование начала расследования предопределяет успех расследования в целом.

Мы солидарны с точкой зрения ученых-криминалистов о том, что «планирование – это сложный мыслительный процесс, суть которого заключается в определении направленности и задач расследования, способов и средств их решения в рамках закона» [2, с. 462].

Прежде всего следователь должен четко определить конкретные обстоятельства, подлежащие установлению на данном этапе расследования. Для этого необходимо тщательно проанализировать материалы, послужившие основанием для возбуждения уго-

ловного дела. Правильная оценка данных, содержащихся в указанных материалах, позволит выдвинуть версии о событии и способе совершения преступления, его возможных участниках и многом другом, что должно в конечном итоге быть учтено в плане расследования. В связи с этим Н.Е. Мерецкий справедливо отмечает, что «смысл планирования по уголовным делам состоит в том, чтобы внести в процесс расследования определенную систему, гарантировать, что ничто не будет забыто, что из множества информации (в том числе и незначительной, мелкой) ничего не будет упущено» [4, с. 144]. Думается, что данное замечание в полной мере применимо к планированию расследования хищений в сфере дорожного строительства.

Поскольку существует определенная стабильность способов хищений при производстве дорожно-строительных работ, то знание этих способов значительно облегчает оценку материалов и планирование расследования. В связи с этим Т.Ф. Гелюс считает, что «...для того чтобы выявить признаки преступной деятельности в данной сфере, которые являются довольно специфичными, необходимо прежде всего иметь, как минимум, представление об источниках получения искомой информации» [1, с. 53].

Разделяя представленную точку зрения, полагаем, если следователь недостаточно знаком со способами хищения, то этот пробел следует восполнить с самого начала путем ознакомления с соответствующей литературой и использования помощи более опытных следователей, начальников следственных отделов, прокуроров, а также оперативных работников органов полиции, ведущих борьбу с хищениями в дорожном строительстве. Разумеется, в представленный перечень сотрудников могут и должны входить гражданские специалисты в области строительства и капитального ремонта автомобильных дорог.

При анализе материалов, особенно таких, как материалы контрольного обмера, материалы ревизии, может оказаться полезной помощь вышеуказанных специалистов, чтобы лучше разобраться в отдельных обстоятельствах, связанных с особенностями производственно-хозяйственной деятельности дорожно-строительных организаций, со спецификой учета, порядка расчетов за выполненные работы, применения расценок в актах приемки работ и нарядах и пр. С этой целью можно побеседовать с инженером дорожного строительства, ревизором, иными лицами, сведущими в интересующих следствии вопросах.

Объем и содержание материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, бывают различными. Наиболее полными являются, как правило, материалы ревизий. В связи с этим считаем необходимым отметить, что разрешая ситуации первоначального этапа, следователь проводит документальные проверки, ревизии (ст. 144 УПК РФ), делает запросы (ст. 21 УПК РФ) о предоставлении документов, предметов, которые исследует [6, с. 207]. Обозначенные мероприятия дают возможность построить достаточно развернутые версии о преступлении и его участниках. В других материалах, например, заявлениях о включении в наряды лиц, фактически не работавших, данных для выдвижения версий бывает значительно меньше. Тем не менее, тщательный анализ, оценка указанных материалов, а затем построение по ним следственных версий являются обязательными. При проведении первоначальных следственных действий материалы будут пополняться новыми данными, которые позволят развить версии дальше либо исключить некоторые из них, либо выдвинуть новые.

На данной стадии расследования полностью применяются все основные принципы планирования, разработанные криминалистикой. К ним относятся:

1. Принцип индивидуальности, который, по нашему мнению, требует учета не только общих задач расследования, но и особенностей совершенного хищения. Думается, что нарушение этого принципа, применение шаблона в планировании приводят к отрицательным последствиям. Следователь лишается возможности учесть все детали, которые могут иметь значение для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств расследуемого дела. Поэтому принцип индивидуальности планиро-

вания находит свое выражение также в индивидуальной ответственности следователя за проведение расследования.

2. Принцип конкретности, требующий четкой формулировки задач следствия на каждом этапе расследования, перечня конкретных следственных и иных действий с указанием сроков их проведения.

3. Принцип реальности, учитывающий при планировании только реальные (обоснованные) версии и намечающий реально выполнимые следственные и иные действия.

4. Принцип динамичности, означающий, что процесс планирования сопутствует всему расследованию хищений и носит непрерывный характер. Отметим, что по мере установления новых фактических данных следователь уточняет и дополняет план как в части стоящих перед ним задач, так и путей их решения.

5. Принцип научности планирования означает, что при составлении плана расследования должны учитываться следующие обстоятельства:

- закономерности процесса познания в расследовании, рекомендации криминалистики по использованию средств и приемов обнаружения, сохранения и использования доказательств;

- возможности использования достижений науки в области исследования различных объектов, которые могут быть вещественными доказательствами по делу, специальные технические возможности обнаружения и фиксации доказательств;

- требования научной организации труда следователя, в частности, наиболее эффективное использование научно-технических средств, правильное сочетание следственных действий с оперативно-розыскными мерами, взаимодействие следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, предполагающее четко выраженный взаимообмен информацией и координацию совместных действий.

Для проверки версий и установления конкретных обстоятельств по делу следователь намечает проведение определенных следственных действий, оперативно-розыскных, организационных и подготовительных мероприятий.

Весьма важно правильно определить их последовательность, а также решить, какие действия следует провести одновременно (например, организовать инвентаризации сразу на нескольких строительных объектах).

Планирование расследования бывает эффективным, как правило, лишь в тех случаях, когда оно включает подготовку и ведение письменного плана. Составление плана, а также различных схем называют техникой планирования расследования.

Общие рекомендации по технике планирования, даваемые в криминалистической литературе, применимы и при расследовании дел о хищениях, совершаемых при капитальном строительстве автомобильных дорог.

По мнению Н.Е. Мерецкого, «задачей первых дней расследования является не только выбор конкретных действий, но и определение последовательности их выполнения» [3, с. 79]. Следовательно, и план расследования можно составлять по различной форме, выбирая наиболее приемлемую и удобную в каждом конкретном случае. При этом целесообразно руководствоваться двумя требованиями:

- 1) чтобы план содержал все необходимые элементы (определяемые в конечном счете, исходя из обстоятельств дела и потребностей расследования);

- 2) чтобы он позволял учитывать все последующие изменения и осуществлять динамичное планирование.

Обычно минимально необходимыми элементами плана являются:

- указания на версии, выдвинутые следователем в результате оценки имеющихся у него данных;

- указания на вопросы и обстоятельства, подлежащие выяснению по каждой версии;

- указания на задачи, связанные с принятием мер против уклонения преступников от следствия и суда, а также с обеспечением возмещения материального ущерба;

- указания на следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, проведение которых требуется для выяснения намеченных вопросов и обстоятельств и выполнения предусмотренных задач;

- указания на очередность и конкретные сроки проведения отдельных действий и мероприятий.

Если в расследовании принимает участие несколько следователей, то дополнительным элементом плана должны являться указания на конкретных исполнителей отдельных действий.

Многие хищения при производстве дорожно-строительных работ слагаются не из одного, а целого ряда эпизодов. Нередко их бывает значительное количество. По таким многоэпизодным делам составлять план расследования гораздо труднее. Как правило, наиболее удобной формой в этих случаях является планирование по отдельным эпизодам с составлением, при необходимости, координирующего общего плана.

По сложным делам, содержащим большое количество документов и следственных материалов, может быть целесообразным ведение специального конспекта, который облегчит анализ собранных данных. Определенное распространение на практике имеет составление планов с одновременным конспективным изложением в них отдельных сведений, необходимых для постановки или уяснения вопросов и планирования следственных действий. В этих планах даются также ссылки на листы дела, где находятся соответствующие документы.

В графе плана можно поставить следующие вопросы, подлежащие выяснению:

- кто выписывал наряд, почему не указал табель времени; почему не утвержден наряд;

- мог ли некто выполнить эту работу и где он работал в действительности;

- кто выписал документы на выплату в счет зарплаты и на каком основании;

- почему эта сумма не была разнесена в расчетную ведомость и не удержана при выдаче зарплаты и т.д.

Следующую графу можно отнести для записи следственных действий, намечавшихся в целях выяснения поставленных вопросов. Об их выполнении делаются отметки. Сроки производства действий указываются отдельно.

Полагаем, что ведение плана по описанной форме обеспечивает динамичное планирование и должно способствовать быстрому и успешному расследованию.

Иногда по очень большим делам в дополнение к плану расследования, составленному по эпизодам, следователи ведут дополнительные записи. Кроме того, к общему плану можно составлять еще промежуточные сводные планы ближайших очередных следственных действий. В зависимости от этого можно вести две алфавитные книги: в одной из них записывать допрошенных свидетелей с кратким изложением наиболее существенных моментов из их показаний и ссылками на листы дела, в другой – лиц, которых надлежит допросить в качестве свидетелей по делу. Ежедневно в конце рабочего дня желательно подводить итоги проделанной работы, анализировать собранные данные, дополнять план.

Наряду с планами расследования и в дополнение к ним в большинстве случаев мы рекомендуем составлять различные схемы: структуры и документооборота в дорожно-строительной или иной организации, преступных связей расхитителей, участия обвиняемых в отдельных эпизодах хищения и т.п.

Изучение практики показывает, что в технике планирования допускается много недостатков, которые отрицательно сказываются на качестве и сроках расследования. Из них можно отметить следующие:

- некоторые следователи не составляют письменных планов расследования либо делают отдельные записи на листочках;

- вместо плана часто составляется краткий перечень основных мероприятий, подлежащих проведению, без указания вопросов, для разрешения которых планируются

мероприятия, и сроков исполнения. В других случаях в перечень включаются обстоятельства, требующие проверки и установления, но не указываются средства проверки;

- иногда составляются планы только по основным эпизодам или для проверки лишь одной из версий;

- некоторые планы составляются бессистемно, кроме того, в них не делается ссылок на листы дела, отметок о выполнении отдельных пунктов и прочее, что затрудняет их использование;

- мало применяются различные схемы, дополняющие план.

В ряде случаев, принимая дела к производству, некоторые следователи составляют планы расследования, выдвигают версии, намечают средства и сроки их проверки. Однако в дальнейшем эти планы не развиваются и не корректируются, и следствие, по существу, идет самотеком. Тем самым нарушается один из указанных нами ранее важнейших принципов планирования – динамичность, что влечет за собой те же последствия, которые бывают при бесплановом расследовании. Как справедливо отмечает М.Е. Степанов, «все это в значительной мере осложняет производство предварительного расследования, существенно влияет на качество материалов уголовного дела, тем самым увеличивает процент дел, направленных на дополнительное расследование» [5, с. 105].

Анализ судебно-следственной практики показывает, что существенные различия в планировании и проведении первоначальных действий могут иметь место в зависимости от того, известно расхитителям о предстоящем расследовании или нет. Это обстоятельство должно быть выяснено при подготовке плана первоначальных следственных действий. В тех случаях, когда расхитители не знают о возбуждении уголовного дела, большое значение может иметь фактор внезапности в проведении отдельных действий (обыск, инвентаризация и др.).

Одной из отличительных особенностей начального этапа расследования является то, что многие действия, осуществляемые в этот период, носят неотложный характер. Это связано с необходимостью выполнения на данном этапе задачи выявить и закрепить доказательства, которые могут быть уничтожены или в дальнейшем претерпят изменения, а также обеспечить сохранность документов и вещественных доказательств. Кроме того, важными задачами начального этапа расследования являются обеспечение возмещения нанесенного материального ущерба и возможной конфискации имущества и принятие мер против уклонения расхитителей от следствия и суда.

В связи с этим следователь должен определить, какие действия являются неотложными и какие из них, может быть, требуется провести немедленно. Неотложными могут оказаться различные действия: обыски, наложение ареста на имущество, выемка документов, инвентаризация, осмотр дорожно-строительных и иных объектов, сбор сведений о местонахождении лиц, подозреваемых в хищении, и других установочных данных об этих лицах, задержание и арест расхитителей и пр.

Наметив порядок и сроки проведения первоначальных действий, следователь должен разрешить вопрос об их исполнителях. При необходимости он принимает меры для создания группы следователей. В группу могут быть включены и работники полиции. Обязанности между членами группы должны быть четко распределены, и предусмотрена необходимая координация действий всех исполнителей.

Помимо этого следователь определяет, какие задания он поручит выполнять органам полиции и кого еще требуется привлечь для участия в выполнении первоначальных действий. Если предстоит проведение инвентаризации и назначение ревизии, то следует продумать вопрос о привлечении ревизоров и других должностных лиц, а также, возможно, представителей общественности. Если готовится осмотр дорожно-строительных объектов, то необходимо заранее принять меры к обеспечению участия в нем соответствующего специалиста.

Планирование первоначального этапа расследования по делам о хищениях при производстве дорожно-строительных работ имеет существенные особенности в зависимости от материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела.

Уголовные дела о хищениях, совершенных при капитальном строительстве автомобильных дорог, часто возбуждаются по заявлениям рабочих или иных работников дорожно-строительных организаций о включении в наряды лиц, не работавших на стройке, и выплате им заработной платы. Подобные заявления дают основание выдвинуть версию о хищении денежных средств путем выписки нарядов на подставных или вымышленных лиц, а также версию о круге участников преступления, имея в виду, что хищения данным способом совершаются обычно производителями работ (мастера, начальники участков), которые выписывают наряды. В сговоре с производителями работ могут состоять: бригадир рабочих, подписывающий наряды (если наряды оформляются сразу на всю бригаду), главный инженер или начальник дорожно-строительной организации, утверждающие наряды к оплате, и другие лица.

По указанным делам возможно запланировать следующие первоначальные действия:

- установление связи с работниками правоохранительных органов и получение от них информации об имеющихся в их распоряжении сигналах и сведениях о фактах хищений и иных злоупотреблений в соответствующей дорожно-строительной организации; о поведении и образе жизни лиц, причастных к этим хищениям;
- допрос заявителей;
- изъятие подложных нарядов, ведомостей на выплату заработной платы, возможных заявлений и распоряжений о приеме на работу и других документов, касающихся лиц, в отношении которых есть подозрения, что они являются подставными или вымышленными;
- изучение изъятых документов;
- сбор сведений через органы полиции об указанных лицах (где проживают, с кем, как характеризуются; где находились, в чем были заняты в тот период, когда на них выписывались подложные наряды; кто может подтвердить, что они не работали на стройке);
- допрос рабочих дорожно-строительной организации, работавших на объектах, по которым выписаны подложные наряды;
- допрос бригадира (при необходимости, очные ставки с рабочими, давшими показания о том, что в наряды включены лица, фактически не работавшие на стройке);
- допрос подставных лиц (при необходимости, очные ставки с рабочими и другими свидетелями);
- проведение обысков по месту жительства производителя работ и других лиц, подозреваемых в хищении; наложение ареста на их имущество; проведение обысков на рабочем месте указанных лиц;
- допрос производителя работ (мастер, начальник участка), выписавшего подложные наряды (при необходимости, очные ставки с рабочими, а также бригадиром и подставными лицами, давшими показания, изобличающие производителя работ в преступлении);
- изъятие актов приемки выполненных работ, журналов учета выполненных работ, проектно-сметной документации по тем дорожно-строительным объектам, по которым выписаны подложные наряды, содержащие завышения объемов выполненных работ и размеров оплаты;
- назначение дорожно-строительной экспертизы;
- проведение с участием эксперта и производителя работ осмотра соответствующих дорожно-строительных объектов, сопряженного с обмером выполненных работ;
- организация ревизии;

- назначение почерковедческой экспертизы (при необходимости, проверить, кем исполнены подписи в платежных ведомостях, текст заявлений о приеме на работу и пр.).

Первоначальное планирование может включать в себя и другие мероприятия. В каждом конкретном случае вопрос о том, какие именно из них и в каком порядке проводить, решается в зависимости от обстоятельств дела. Поэтому вышеизложенный порядок действий является примерным, одним из возможных.

В заключение отметим, что расследование хищений, совершаемых в сфере строительства автомобильных дорог, отличается крайней сложностью и трудоемкостью. Данное обстоятельство обусловлено высоким уровнем латентности, многоэпизодностью и технической спецификой рассматриваемого вида преступлений. Полагаем, что эффективным средством оптимизации процесса расследования выступает его надлежащее планирование.

Литература

1. Гелюс Т.Ф. Расследование преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства. М.: ВНИИ МВД России, 2015.
2. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. М., 2008.
3. Мерецкий Н.Е. Значение первоначального этапа расследования преступлений // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. мат-лов междунар. науч.- практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Академия управления МВД России, 2015.
4. Мерецкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации. М., 2007.
5. Степанов М.Е. К вопросу об оптимизации деятельности следователя // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2009. № 2 (17).
6. Шурухнов Н.Г. Осмотр места происшествия и допрос свидетелей на первоначальном этапе расследования экологических преступлений // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч.1. М.: Академия управления МВД России, 2012.

УДК 343.98

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СВЯЗИ

Анастасия Константиновна Клименко, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: lady.anastasia7891@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные в настоящее время проблемы расследования мошенничеств с использованием средств связи, которые характеризуются целым рядом специфических признаков (активное использование современных технических средств, изобретение новых способов криминальных действий, широкая география преступления и его последствий). Автор приходит к выводу, что четкое планирование, глубокий анализ, в том числе и путем составления схем, а также знание механизма совершения указанных преступлений позволяют успешно и незамедлительно их раскрывать.

Ключевые слова: мошенничество с использованием средств связи; антропологическое мошенничество; «курьер»; банковская карта.

ACTUAL PROBLEMS OF INVESTIGATION OF FRAUDS WITH MEANS OF COMMUNICATION

Anastasiya Konstantinovna Klimenko, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article discusses the current problems facing the investigator, investigating this type of crime, which are characterized by several specific features (active use of modern technical means, the invention of new methods of criminal activities, a wide geography of crime and its consequences). The author comes to the conclusion that good planning and knowledge of the mechanism of committing these crimes successfully and immediately disclose the crimes.

Keywords: fraud with use of means of communication; anthropological fraud; «courier»; Bank card.

С развитием общественных отношений, с появлением и совершенствованием современных средств связи множатся и способы мошеннических действий.

В настоящее время самыми распространенными из них можно назвать мошенничества с использованием средств сотовой связи (мошенничества, совершенные под видом сотрудников полиции за освобождение родственников от уголовной ответственности, розыгрышей ценных призов через рассылку на телефонные номера потерпевших SMS-сообщений, служб безопасности банков, оплаты услуг либо предоплаты за товар, компенсации за некачественные лекарственные средства и т.д.) [3].

В Хабаровском крае только за три месяца (январь, февраль, март) 2016 г. уже зарегистрировано 579 преступлений рассматриваемого вида, что в пять раз превысило показатели первого полугодия 2015 г. *.

Изучение материалов уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ (хищение денежных средств граждан путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное посредством сотовой связи) **, а также мнений ученых-процессуалистов по рассматриваемому вопросу [2] позволило условно разделить такие мошенничества по способу совершения на две основные группы:

1) осуществляемые с помощью «вирусов», перекидывающих деньги с одного счета на другой (следует отметить, что указанный вид мошенничества в Российской Федерации совершается редко);

2) антропологические, то есть совершаемые непосредственно человеком, а не «вирусом», разработанным им. В эту группу попадают операции с SIM-картой, а также всевозможные виды мошенничества путем обмана с использованием мобильного телефона.

Ко второй группе следует отнести ряд мошеннических действий, которые мы рассмотрим ниже.

Первым подвидом такого рода мошеннических действий является мошенничество, совершенное с использованием рассылки SMS-сообщений с предложением получить услугу на мобильный телефон или отказаться от ее подписки, или от изменения стоимости тарифа. Для подтверждения согласия (или отказа) на подписку или изменения тарифа необходимо прислать подтверждающее перерегистрацию SMS-сообщение, при отправке которого происходит автоматическое списание денежных средств со счета потерпевшего.

* Статистические данные представлены контрольно-методическим отделом СУ УМВД России по Хабаровскому краю (на основании запроса).

** Автором были изучены 200 материалов уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, находившихся в производстве следственных подразделений СУ УМВД России по Хабаровскому краю и СУ УМВД России по Курганской области за период с 2012 по 2015 г.

Ко второму подвиду следует отнести мошенничество, совершенное с использованием рассылки сообщений с указанием, что абоненту пришло мультимедийное сообщение, для открытия которого необходимо пройти по ссылке, указанной в сообщении, или отправить последнее, после чего произойдет автоматическое списание денежных средств со счета потерпевшего.

Третьим подвидом является мошенничество, совершенное с использованием рассылки сообщений с просьбой пополнить баланс телефона и указанием дальнейшего алгоритма действий абонента с последующим установлением связи с абонентом телефона, указанным в сообщении. В этом случае при наборе требуемого телефонного номера происходит отключение связи до ее нового соединения, в результате чего происходит списание денежных средств с баланса потерпевшего.

Четвертым подвидом является истребование от потерпевшего путем общения по телефону от имени представителей государственных, муниципальных, правоохранительных органов следующей информации: паспортных и иных личных данных, номеров счетов, кредитных карт с последующим их использованием в ходе снятия денежных средств.

Пятый подвид мошеннических действий выражается в следующем: на абонентский номер сотового телефона звонит мошенник, представляющийся инженером компании – оператора сотовой связи, который сообщает о плановой проверке качества связи и просит абонента ввести определенную комбинацию цифр и символов с помощью клавиатуры телефона. Например, #90 или #09, или любую другую комбинацию цифр и символов. Вводя диктуемые символы, абонент невольно обеспечивает доступ мошенникам к своей SIM-карте, что позволяет мошеннику в дальнейшем управлять счетом абонента по своему усмотрению.

Шестым подвидом мошеннических действий являются случаи, когда лица через фиктивную фирму приобретают у местного оператора сотовой связи определенное количество SIM-карт, подключенных к корпоративному тарифу, после чего предлагают гражданам осуществлять звонки в другие страны с указанных SIM-карт по низкой стоимости. В последующем суммы за оказанные услуги сотовой связи не оплачиваются в установленном порядке, в результате чего сотовой компании наносится материальный ущерб.

Седьмым подвидом указанного преступления, наиболее распространенным среди осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях ФСИН России, являются мошеннические действия, когда лицо (осужденный):

- осуществляет звонки на стационарные телефоны, определяя по голосу пожилых людей и представляясь родственником, сотрудником полиции, прокуратуры, сообщает о совершенном членом семьи (сыном, внуком, племянником) правонарушении или преступлении (например, о совершении дорожно-транспортного происшествия с причинением пострадавшему телесных повреждений или смерти), предлагая заплатить определенную сумму денежных средств с целью решения вопроса об освобождении его от уголовной или иных видов ответственности. После получения согласия от потерпевшего (ей) по указанному последним (ей) адресу прибывает «курьер» – как правило, лицо, заранее не посвященное в преступный замысел, и получает от жертвы денежные средства, которые в дальнейшем передает инициатору преступления. Данный вид мошенничества также предполагает передачу потерпевшим (ей) указанной суммы денежных средств путем осуществления денежных переводов на имя родственников или знакомых осужденных;

- осуществляет звонок или отправляет SMS-сообщение на мобильный телефон, представляясь сотрудником рекламной фирмы, банка или иной коммерческой организации, сообщает потерпевшему о победе в проведенных лотерее, конкурсе и необходимости получения главного приза (автомобиль, теле-, видеоаппаратура, бытовая техника и пр.). Как правило, мошенник предлагает оплатить налог за выигранный приз или

определенную денежную сумму за его доставку «победителю», передавая при этом номер счета в банке, на который необходимо сделать перевод денежных средств;

- осуществляет звонок или отправляет SMS-сообщение на мобильный телефон с информацией о том, что банковская карта потерпевшего или счет его мобильного телефона заблокирован в результате противоправного посягательства. В данном случае мошенник представляется сотрудником банка или телефонной компании, компании сотовой связи и предлагает набрать определенную комбинацию цифр на сотовом телефоне или на клавиатуре банкомата с целью доступа к счету банковской карты, в результате чего денежные средства перечисляются на счет мошенника или иных заинтересованных лиц.

Следует отметить, что мошенники продолжают отыскание иных способов осуществления мошеннических действий, это связано с тем, что в России в последние годы происходят значительные изменения в системе расчетов между юридическими и физическими лицами, благодаря появлению нового платежного инструмента – банковской карты.

Мошеннические действия с использованием средств связи характеризуются рядом особенностей:

1. Как правило, в преступлениях с использованием средств мобильной связи участвуют несколько лиц (в том числе и не посвященных в преступный замысел мошенников).

2. Мошенничества такого рода могут быть совершены лицами (осужденными) непосредственно в пенитенциарных учреждениях либо в период нахождения последних вне мест лишения свободы. В данном случае лица, совершающие мошеннические действия, имеют определенный преступный опыт, в том числе связанный с привлечением к ответственности по аналогичным статьям Уголовного кодекса РФ; обладают знаниями о содержании и особенностях применения тактических приемов и комбинаций субъектами расследования в ходе производства следственных действий, осуществления оперативно-розыскной деятельности; имеют возможность тщательно спланировать преступление, скрыть следы и, в случае необходимости, понудить других лиц взять вину на себя.

3. Для общения с потенциальными жертвами мошенники используют телефонный звонок либо SMS-сообщение.

4. Основной целью мошенников в данном случае является необходимость убедить жертву в реальности предоставляемой ей информации и необходимости передачи (перевода) денежных средств мошенникам добровольно.

При этом изъятие денежных средств может происходить различными способами: путем передачи денежных средств через «курьера» (из рук в руки) или оставления их в установленном месте; путем приобретения карт «экспресс-оплаты» и сообщения мошеннику кодов данных карт; путем перевода денежных средств на счет телефона мошенника и введения специального кода; путем перевода денежных средств на указанный мошенником банковский счет.

Следует отметить, что в последние годы уровень раскрытия преступлений с использованием средств сотовой связи повысился, однако, при расследовании преступлений данной категории следователь сталкивается со многими трудностями.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел позволил выявить обстоятельства совершения исследуемых преступлений, среди которых можно отметить тот факт, что, как правило, лица, на которых зарегистрированы SIM-карты, используемые при совершении преступлений, не имеют отношения к совершенным мошенничествам (причастность их проверялась в ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) и являются лицами без определенного места жительства, умершими, инвалидами, лишеными двигательных функций, лицами, ранее утратившими документы, удостоверяющие их личность. Этот факт можно объяснить тем, что продажа SIM-карт происходит через недобросовестных дилеров и исполнителей.

Кроме того, используемые при совершении преступлений SIM-карты «работают», как правило, в течение нескольких дней, после чего появляются новые SIM-карты, что осложняет процесс установления связи между однородными преступлениями, местонахождения лиц, причастных к совершению преступлений.

Важно также отметить, что перечисление денежных средств потерпевшими происходит на абонентские номера, электронные расчетные счета («электронные кошельки»), банковские карты через банкоматы либо иные платежные системы. В этом случае процесс перемещения денежных средств от жертвы к мошеннику представляет собой цепочку нескольких операций по совершению денежных переводов на разные телефонные номера и платежные системы, что затрудняет получение информации о лице, получившем в итоге реальную возможность распорядиться денежными средствами, а также о месте обналичивания денежных средств.

В целях повышения процента раскрываемости данного вида преступлений первоначальные следственные действия, а также порядок их проведения зависят от того, установлено или нет на момент возбуждения уголовного дела лицо, совершившее данное преступление (в большинстве случаев данное лицо неизвестно).

Немаловажным фактором, влияющим на результативность деятельности следователя в ходе раскрытия и расследования данного вида преступлений, является наличие тесного взаимодействия с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскные и технические мероприятия.

Полагаем целесообразным в ходе работы по материалу проверки и расследованию уголовного дела осуществлять следующие меры:

- незамедлительно привлекать к мероприятиям по установлению лиц, совершивших мошеннические действия, а также к установлению обстоятельств дела оперативные и наружные службы территориального органа МВД России (участковых уполномоченных полиции, уголовный розыск, патрульно-постовую службу);

- при поступлении сообщения о телефонном мошенничестве сотрудникам органов дознания и предварительного следствия необходимо принять неотложные меры к установлению вида, марки, идентификационного номера («IMEI») и абонентского номера мошенника, по возможности установить место его нахождения, а также в какой сотовой компании, предоставляющей услуги мобильной связи, зарегистрирован указанный абонентский номер;

- в ходе проведения предварительного расследования по уголовному делу в порядке, предусмотренном ст. 186.1 УПК РФ, следует истребовать информацию:

- 1) о входящих и исходящих соединениях абонента с телефонного номера, по которому звонили потерпевшему (детализация вызовов), в целях установления лиц (организаций) с указанием данных о личности, адресов, на которых зарегистрирован указанный абонентский номер на день совершения преступления. Это связано с тем, что зачастую после совершения преступления владелец SIM-карты с целью сокрытия следов преступления производит замену абонентского номера, в результате чего первоначальный телефонный номер может быть оформлен на нового владельца, не имеющего никакого отношения к расследуемому уголовному делу;

- 2) о базовых станциях, в радиусе действия которых находился абонент, об азимутах покрытия данных станций;

- 3) о номерах «IMEI» телефонов, в которых была активирована SIM-карта с вышеуказанным абонентским номером;

- 4) о поступлении денежных средств на счет абонентского номера (пополнение баланса, снятие денежных средств, перевод денежных средств другим абонентам);

- 5) о входящих и исходящих звонках с вышеуказанного абонентского номера с целью установления персональных данных абонентов, на телефонные номера которых поступали вызовы с телефона мошенника в день совершения преступления, для установления их причастности (непричастности) к совершению преступления.

Руководствуясь положениями ст. 186 УПК РФ, с целью получения дополнительной информации, следователю необходимо вынести ходатайство о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров. Анализ информации, полученной от операторов сотовой связи, позволит определить местонахождение абонента, осуществляющего звонок, выявить не известных следствию лиц, причастных к совершению преступления, потерпевших и свидетелей.

В отношении лица, пострадавшего от преступления, в рамках производства следственных действий необходимо признать заявителя потерпевшим, допросить последнего; в ходе проведения допроса выяснить: в какое время поступил звонок, с какого номера ему звонили, кем представился преступник, о чем он говорил, что предлагал сделать; какую сумму и за оказание каких услуг мошенник требовал к передаче; каким способом были переданы денежные средства (блиц-переводом, нарочным, помещением на счет определенного номера мобильного телефона и др.); звонил ли повторно потерпевший преступнику; сможет ли описать голос преступника и опознать его по голосу; если денежные средства передавались посреднику, попросить описать внешность данного лица, составить его субъективный портрет, выяснить, сможет ли потерпевший опознать данное лицо.

В случае, если денежные средства были переведены блиц-переводом, то необходимо установить:

- когда и каким способом потерпевший сообщил свои персональные данные и код перевода, необходимые для получения отправленных денежных средств мошеннику. Произвести выемку документов о совершенном блиц-переводе у потерпевшего, осмотреть и приобщить их в качестве иных документов, определив место хранения последних;

- запросить в банке информацию о денежных переводах, полученных фигурантом уголовного дела, название и адрес филиала, где они были получены. При необходимости произвести выемку в отделении банка документов, на основании которых были получены денежные средства, а также изъятие видеозаписей с камер видеонаблюдения, установленных в отделениях банка, в случае снятия потерпевшим денежных средств со сберегательной книжки или в банкомате;

- в случае установления получателя денежных средств, собрать на него характеризующий материал, допросить данного гражданина об обстоятельствах получения им денежных переводов. В случае необходимости, изъять образцы голоса и предъявить их для опознания потерпевшему, провести психофизиологическое исследование;

- установить родственников данного гражданина и круг его общения с целью получения информации о наличии среди них лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, и лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. В случае положительного результата направить соответствующее поручение в оперативные подразделения, осуществляющие сопровождение по уголовному делу;

- направить поручение оперативным подразделениям с целью установления причастности подозреваемого к ранее совершенным аналогичным преступлениям и проведения в отношении указанного лица оперативных и технических мероприятий, направленных на изобличение лиц, совершивших данное преступление.

При получении результатов выемки из компании сотовой связи необходимо провести анализ данной информации, в том числе путем составления схем, в которых наглядно будет отражен весь процесс перераспределения похищенных денежных средств, места нахождения абонентов с указанием базовых станций, и установить, не находится ли пенитенциарное учреждение недалеко от места определенного географического положения абонентского номера, с которого звонил преступник в момент совершения преступления. В случае подтверждения данной информации, организовать взаимодействие с оперативным отделом данного исправительного учреждения с целью установления лиц, причастных к факту мошенничества. В случае установления искомым лиц, допросить последних об обстоятельствах совершенного преступления, о ме-

сте и времени регистрации SIM-карты (банковской карты), о факте получения денежных средств в соответствии и на основаниях, установленных УПК РФ.

Кроме того, после выемки информации (документов), полученных из сотовой компании, следовательно необходимо допросить лицо, на которого была оформлена SIM-карта, посредством которой был произведен звонок потерпевшему. В случае, если лицо, на которое оформлена SIM-карта, свидетельствует о своей непричастности к оформлению последней, то необходимо произвести выемку документов из компании сотовой связи и назначить почерковедческую экспертизу.

Если денежные средства были зачислены на счет банковской карты, абонентского номера или электронный кошелек («Webmoney», «Yandex Деньги» и др.), то необходимо направить запрос в банк (платежную систему, оператору связи), на счет клиента которых потерпевший перечислил денежные средства, с целью установления сведений о владельце банковской карты, счета (клиента электронной платежной системы, оператора связи); сведений о дальнейшем движении поступивших средств до момента обналичивания либо вывода их из системы; IP-адресов, даты и времени доступа пользователя к системе (для электронных платежных систем); географического местоположения, детализации с указанием информации об абонентах для перевода на счет абонентского номера.

Таким образом, в целях сокращения количества исследуемого вида мошенничеств:

- во-первых, следует своевременно размещать информацию в средствах массовой информации о новых формах совершения вышеуказанного вида преступлений, о типовых ситуациях и схемах действия преступников [1], в рамках реализации профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции с населением на обслуживаемом административном участке;

- во-вторых, доводить информацию о новых видах мошенничеств с использованием средств связи путем размещения социальной рекламы, рекламных баннеров, предупреждающих население об опасности стать жертвой мошенников;

- в-третьих, сотрудникам Управления «К» Бюро специальных технических мероприятий МВД России в рамках взаимодействия проводить занятия по служебной подготовке с сотрудниками подразделений предварительного следствия и дознания с выработкой рекомендаций по совместной организации работы, а также с обобщением уже имеющегося положительного опыта в раскрытии и расследовании данного рода уголовных дел (вплоть до составления образцов запросов с целью получения необходимых сведений от операторов связи, электронных платежных систем, социальных сетей и т.п.);

- в-четвертых, в рамках дополнительного профессионального обучения сотрудников подразделений предварительного следствия и дознания, оперуполномоченных подразделений уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции уделять особое внимание анализу следственных ситуаций и выдвижению версий в рамках расследования данного вида преступлений.

Литература

1. Астишина Т.В., Маркелова Е.В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2 (16).

2. Кривошеинов Н.В. Определение подследственности при рассмотрении сообщения и расследовании уголовных дел о «телефонных мошенничествах». URL: <https://e-koncept.ru/2014/54828.htm> (дата обращения: 10.03.2016).

3. Сергеева А.А. Предупреждение мошенничества: проблемы и перспективы. URL: <http://www.scinceforum.ru>2013/22/63> (дата обращения 22.03.2016).

УДК 343.985

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗРАБОТКИ
ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННЫХ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР**

Оксана Владимировна Усенко, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: oksana.usenko@list.ru

В статье рассматриваются основополагающие факторы, необходимые для формирования оперативно-тактических комбинаций: их цели, задачи, познавательный потенциал, структура и содержание, в том числе применительно к расследованию незаконных организации и проведения азартных игр.

Ключевые слова: оперативно-тактические комбинации; структура; содержание; оригинальность; эффективность.

**THE THEORETICAL BASIS OF THE CONCEPT OF DEVELOPMENT
OF TACTICAL COMBINATIONS USED IN THE INVESTIGATION
OF AN ILLEGAL GAMBLING ORGANIZATION AND CONDUCT**

Oksana Vladimirovna Usenko, post graduate of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is considered the basic factors necessary for shaping of tactical combinations: their objectives, goals, cognitive potential, structure and content, including concerning to the investigation of an illegal gambling organization and conduct.

Keywords: tactical combination; structure; content; originality; effectiveness.

По данным статистики, уровень раскрываемости дел о незаконных организации и проведении азартных игр достаточно низкий, и есть все основания полагать, что причина этого – отсутствие научно обоснованных рекомендаций, используемых в расследовании. В связи с этим особую актуальность представляет исследование одной из основных научных проблем в криминалистике – построение моделей использования оперативно-тактических комбинаций, применяемых в раскрытии и расследовании преступлений.

Понятие оперативно-тактической комбинации не следует путать с понятиями тактической операции или тактической комбинации. Полагаем, нельзя согласиться с авторами, отождествляющими все эти дефиниции [16; 18].

Безусловно, в науке нет и не может быть единогласного мнения о содержании каждого из данных понятий.

Так, Р.С. Белкин тактическую комбинацию понимает как «определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией» [1, с. 82]. В.А. Жбанков и Е.М. Девяткина систему «приемов или следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, преследующих цель решения конкретной задачи расследования» [7, с. 31] именуют уже тактической операцией. По мнению Н.Е. Мерещкого, «в тактические комбинации может быть включен не только комплекс различных оперативно-розыскных мероприятий, следственных

действий и организационных мероприятий, но и в том числе мероприятия по выдвижению версий и планированию расследования» [11, с. 38].

В.И. Шиканов тактическую операцию рассматривает как «систему согласованных между собой следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, предпринятых в соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального закона правомочными должностными лицами для выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания по расследуемому ими уголовному делу» [20, с. 156-157]. Л.Я. Драпкин под этим термином понимает «подсистему следственных, организационно-подготовительных, иных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по единому плану и направленных на решение отдельных промежуточных задач, подчиненных общим целям расследования уголовного дела» [5, с. 54].

Здесь следует отметить, что с этимологической точки зрения операция (от лат. *operatio* – действие) – это законченное действие или ряд действий, подчиненных единому стратегическому плану, объединенных общей целью или направленных на один предмет для решения определенной задачи [3; 4; 17]; а комбинация (от лат. *combinatio* – соединение) – взаимное расположение, совокупность объединенных единым планом, сложным замыслом приемов, действий, ухищрений, предпринимаемое с какими-либо практическими целями, порождающее создание какого-либо нового соотношения предметов или явлений [3; 4; 14; 17].

На основании этого Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов и Е.Р. Россинская полагают, что с точки зрения криминалистической тактики термин «комбинация» предпочтительнее, поскольку включает в себя весьма существенное указание на объединяющее начало (единый замысел) и раскрывает смысл этого замысла – ухищрение, уловка как средство решения задачи [9].

На наш взгляд, существенное отличие «комбинации» от «операции» заключается также в том, что в результате реализации «комбинации» возникает новое соотношение предметов и явлений. Изложенное позволяет предположить, что оперативно-тактическая комбинация представляет собой сочетание ряда как тактических, так и оперативных приемов, проводимых в целях решения конкретных задач расследования. Здесь следует согласиться с А.С. Шаталовым в том, что «оперативно-тактическая комбинация имеет сходные черты с тактической комбинацией и различия в процессуальной однородности полученных результатов» [19, с. 45].

В этом контексте особую научную ценность приобретает определение оперативно-тактических комбинаций, сформулированное Н.Е. Мерецким: «Типичная оперативно-тактическая комбинация – это допустимое совокупное использование тактических приемов по реализации следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий на начальном этапе расследования, в зависимости от следственной ситуации, в целях дальнейшего выдвижения версий, планирования расследования и проведения целесообразной работы по уголовному делу» [11, с. 61].

По делам о расследовании незаконных организации и проведения азартных игр такими типичными оперативно-тактическими комбинациями являются: опрос лиц, обладающих какой-либо информацией об игорном заведении, представляющем интерес для следствия; наведение справок о режиме работы и паролях для входа в игорное заведение; наблюдение за лицами, посещающими игорное заведение; прослушивание телефонных переговоров лиц, подозреваемых в организации незаконного игорного заведения; оперативное внедрение; проверочная закупка; исследование предметов и документов, осмотр места происшествия, при необходимости выемка; одновременные обыски по месту жительства подозреваемых; допрос свидетелей, при необходимости опознание и проведение очных ставок.

Подчеркивая значимость данного Н.Е. Мерецким определения, мы отмечаем, что в типичной оперативно-тактической комбинации при раскрытии преступлений, связан-

ных с незаконными организацией и проведением азартных игр, наблюдается сочетание оперативно-розыскных мероприятий, процессуальных и следственных действий.

Таким образом, главный признак оперативно-тактической комбинации – это единый план ее проведения, в основе которого лежит единая цель раскрытия и расследования конкретного преступления.

Целью тактической комбинации, указывает Р.С. Белкин, всегда является решение конкретной задачи следствия, например, установление истины по делу, т.е. процесс доказывания. Но это общая цель, а непосредственными целями тактической комбинации, по его мнению, могут быть: разрешение конфликтной ситуации; создание условий, необходимых для проведения следственного и иного процессуального действия и гарантирующих их результативность; обеспечение следственной тайны, в том числе сохранение в тайне источников доказательственной и ориентирующей информации; обеспечение сохранности (до необходимого момента) еще неиспользованных источников доказательственной или ориентирующей информации [2, с. 212].

Так, для проведения осмотра места происшествия и обыска в игорном заведении необходимо предварительное согласование действий следователя, оперативных работников и специальных подразделений ОМОН и СОБР по беспрепятственному проникновению в указанное помещение. Для проведения обыска по месту жительства лиц, причастных к совершению незаконных организации и проведения азартных игр, необходимо сузить круг данных лиц по результатам информации, полученной оперативным путем, в целях предотвращения утраты доказательств по месту их нахождения. Обнаруженные в незаконном игорном заведении игровые автоматы, ноутбуки, флеш-карты, где могут находиться файлы с информацией, относящейся к финансово-хозяйственной деятельности заведения, должны быть изъяты в день осмотра места происшествия и сохранены до момента проведения экспертных исследований.

Думается, что те же цели можно определить и для оперативно-тактических комбинаций. В то же время следует согласиться с Е.С. Лобунец в том, что «к целям оперативно-тактических комбинаций можно отнести и теоретическую направленность в деятельности обеспечения борьбы с преступностью и реализацию этой цели в правоприменительной практике по раскрытию, расследованию и предупреждению конкретных видов и групп преступлений, в том числе и по нейтрализации противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц на различных этапах» [10, с. 152].

К непосредственным задачам разработки и реализации оперативно-тактических комбинаций при расследовании преступлений А.С. Шаталов относит следующие:

- а) установление конкретных фактов противодействия расследованию по уголовному делу, его оценка с позиций уровня организованности;
- б) предотвращение утечки информации, имеющей доказательственное значение;
- в) определение времени и обстоятельств проведения оперативно-тактической комбинации и комплекса тактических средств;
- г) разработка запасного варианта действий при осуществлении конкретного элемента оперативно-тактической комбинации и т.д. [19, с. 46].

Задачи разработки и реализации оперативно-тактических комбинаций не следует путать с задачами, решаемыми путем проведения оперативно-тактических комбинаций. Например, применительно к незаконным организации и проведению азартных игр к таким задачам, решаемым путем проведения оперативно-тактических комбинаций, можно отнести:

- установление и задержание лица, осуществляющего организацию или проведение азартных игр, и решение вопроса о привлечении его в качестве обвиняемого;
- выявление соучастников незаконной игорной деятельности;
- выявление размера полученного дохода;
- изъятие оборудования, используемого в процессе игры, и обеспечение его экспертного исследования;

- выявление дополнительных эпизодов незаконных организации и проведения азартных игр;
- создание условий, направленных на опережение действий преступников во времени и пространстве при совершении последующих эпизодов преступления.

Познавательный смысл оперативно-тактических комбинаций, как показывает практика, состоит, во-первых, в преодолении дефицита информации и расширении оснований проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий и, во-вторых, в определении самостоятельного места в структуре частных криминалистических теорий [11, с. 49].

Как показывают результаты анкетирования и интервьюирования следователей, при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр, как правило, возникают сложности с пониманием содержательной и структурной составляющей оперативно-тактических комбинаций. Здесь прежде всего необходимо отметить разницу между содержанием оперативно-тактической комбинации и ее структурой. Содержание следует понимать как «состав, набор, перечень элементов оперативно-тактической комбинации, а структура оперативно-тактической комбинации – это взаимосвязь ее элементов, взаимное расположение» [15, с. 21].

Учитывая некоторое обозначенное выше сходство тактической и оперативно-тактической комбинации, обратимся уже к разработанной в криминалистике содержательной составляющей тактической комбинации. Так, Р.С. Белкин полагает, что тактическая комбинация может заключаться:

1. В определенном сочетании приемов. Речь идет о комплексировании тактических приемов относительно именно одного следственного действия – допроса, обыска, задержания и т.п.

2. В определенном сочетании следственных действий в рамках расследования конкретного дела. Оно не образует никакого «комбинированного» действия, каждое действие как элемент структуры является самостоятельным и незаменимым.

3. И в одноименных, и в разноименных следственных действиях [2, с. 210].

Сказанное в отношении тактических комбинаций, безусловно, не утрачивает своей актуальности и для комбинаций оперативно-тактических, однако на содержании оперативно-тактической комбинации существенно сказываются и проводимые оперативно-розыскные мероприятия. В таком случае, говоря о содержании оперативно-тактической комбинации, по мнению Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова и Е.Р. Россинской, необходимо иметь в виду следующее:

- а) с процессуальной точки зрения значимы только входящие в структуру подобной комбинации следственные действия, путем проведения которых реализуются, т.е. приобретают процессуальное значение, оперативные данные;

- б) оперативно-розыскные мероприятия как элемент комбинации служат целям создания условий, обеспечивающих результативность, целеустремленность и безопасность входящих в структуру комбинаций следственных действий;

- в) комбинационное сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий вовсе не означает возникновения на этой основе неких комбинированных «оперативно-следственных» действий. Оперативно-розыскные меры и следственные действия сочетаются, а не смешиваются [9].

Действительно, несмотря на включение в содержание оперативно-тактической комбинации оперативно-розыскных мероприятий, проводится такая комбинация неизменно только под руководством следователя. По мнению Ю.А. Саламаха, здесь реализуется принцип процессуальной самостоятельности и руководящей роли следователя в расследовании [15, с. 22].

Непосредственно содержание каждой конкретной оперативно-тактической комбинации при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр определяется совокупностью различных факторов:

1) объемом информации о преступнике. Например, если следствие обладает информацией, что подозреваемый в незаконных организации и проведении азартных игр состоит в коррупционных связях с работником контролирующего органа, то за этим должностным лицом дополнительно устанавливается наблюдение и прослушивание телефонных переговоров;

2) местом совершения преступления. По делам о незаконных организации и проведении азартных игр место совершения преступления, как правило, тщательно замаскировано, что требует предварительного наведения справок об истории функционирования данного заведения;

3) способом совершения преступления. Например, осуществляется ли оно с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, либо с использованием средств подвижной связи и т.д.;

4) масштабом совершения преступления. Например, в случае, если речь идет об организации целой сети игорных заведений.

Разумеется, при реализации оперативно-тактической комбинации необходимо соблюдать ряд установленных и научно обоснованных принципов, к числу которых, как указывает Н.Е. Мерецкий, следует отнести:

1. Комбинация должна быть аргументированной, т.е. разрабатываться на основании доказательств, подкрепленных определенной ориентирующей информацией с учетом конкретных условий, обстоятельств расследуемого преступления и установленных особенностей личности субъекта, в отношении которого проводится расследование.

2. Комбинация должна быть существенной, т.е. для всех участников (следователя, оперработника, специалиста и т.д.) являться конкретной, логически понятной, тактически применимой.

3. Комбинация должна быть легитимной, т.е. не противоречащей закону.

4. Комбинация должна быть адекватной, т.е. при ее разработке необходимо рассчитывать на имеющиеся в подразделении силы и средства, надлежащим образом реализовав функции различных должностных лиц в сферах сбора ориентирующей и доказательственной информации.

5. Комбинация должна быть перспективной, т.е. ее применение должно иметь определенные прогнозируемые результаты, на которые надеется следователь.

6. Комбинация должна быть соответствующей, т.е. применяться в разрешении конкретно сложившейся следственной ситуации. Здесь важно не только предугадать действия лица, совершившего преступление, а, прогнозируя их, желательно достичь полного тактического превосходства в противостоянии между субъектами расследования путем использования имеющегося в распоряжении следователя (оперработника, участкового уполномоченного полиции, специалиста и т.п.) научного потенциала.

7. Комбинация должна быть эквивалентной, т.е. иметь способность одновременного применения не только в нескольких равнозначных по составу (в уголовно-правовом понимании) преступлениях, но и в других.

Кроме того, каждая разрабатываемая тактическая комбинация должна осуществляться в строгом соответствии с принципом объективности. Недопустимо применение надуманной, вымышленной комбинации на основе отсутствующей информации. Нельзя извращать, передергивать и искажать смысл оперативно-тактической комбинации. Только на основе грамотного, правильного оперирования полученной информацией возможно успешное решение и логическое обоснование принятой комбинации [11, с. 31-34].

Для разработки оперативно-тактических комбинаций при наличии информации об организации и проведении азартных игр могут использоваться сведения, полученные как на первоначальном этапе расследования, так и еще до возбуждения уголовного дела при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. Е.С. Лобунец отмечает следующую закономерность расследования: «как только следователь переходит от ана-

лиза имеющейся информации к решению конкретных задач расследования, на первый план выступает необходимость ее интеграции в разрабатываемой оперативно-тактической комбинации, в целях установления и изобличения субъекта, совершившего преступление, при условии взаимодействия с должностными лицами оперативных подразделений» [10, с. 139].

Каждое преступление (даже среди однотипных) по-своему уникально, и, как следствие, уникальны разрабатываемые оперативно-тактические комбинации по каждому конкретному уголовному делу. Как правило, они используются лишь однократно, однако в измененном виде могут повторяться при раскрытии и расследовании аналогичных преступлений. В таком случае оригинальные комбинации фактически могут приобретать статус типичных. По этому поводу Н.Е. Мерецкий отмечает, что для того, чтобы оперативно-тактические комбинации постоянно могли играть положительную роль, они должны быть регулярно функционирующими [13, с. 66].

Говоря о возможностях применения оригинальных оперативно-тактических комбинаций, Е.С. Лобунец отмечает следующее:

- оригинальные комбинации применяются только после обеспечения высококвалифицированного осуществления проверочных и типичных оперативно-тактических комбинаций;

- потребность в оригинальных комбинациях часто возникает в условиях активного противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц;

- при расследовании других аналогичных преступлений, совершенных в более позднее время (сроки), в другом месте (местности), другими лицами, не могут применяться оригинальные комбинации повторно;

- информация, лежащая в основе разработки оригинальных комбинаций, может явиться основой и быть использована в качестве примера для разработки других [10, с. 147-148].

Структуру оперативно-тактической комбинации можно определить посредством схемы: средства – силы – орудия – условия.

Средствами оперативно-тактической комбинации, полагаем, следует считать:

1. Процессуальные действия, проводимые в соответствии с нормами УПК РФ. Например, при проведении выемки игрового оборудования, согласно ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, необходимо обязательное привлечение специалиста, обладающего познаниями в области компьютерной информации.

2. Приемы и методы криминалистической тактики и методики. Например, при фиксации в протоколе выемки информации об игровом оборудовании обязательно учитывать пароли и установочные даты плат памяти, т.к. эта информация может существенно повлиять на результат экспертизы.

3. Оперативно-розыскные мероприятия. Применительно к незаконным организации и проведению азартных игр это будут: опрос, наведение справок, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, оперативное внедрение, проверочная закупка, исследование предметов и документов.

4. Иные организационные мероприятия. Например, наложение ареста на игровое оборудование, обеспечение его сохранности до разрешения дела по существу.

В таком контексте средства оперативно-тактической комбинации фактически и являются ее содержанием.

Силы оперативно-тактической комбинации – это ее участники.

Как уже было отмечено, главным и единственным обязательным участником оперативно-тактической операции является следователь или группа следователей, объединенных в единую следственную группу.

Только в случае если оперативно-тактическая комбинация начинается с проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, ее инициатором может являться орган дознания, но сразу же после возбуждения уголовного дела

эта инициатива полностью принадлежит следователю. В этом контексте оперативно-тактическая комбинация может рассматриваться как форма взаимодействия следователя и органа дознания.

Дополнительные участники оперативно-тактической комбинации – это:

- оперативные работники, выполняющие свои функции по проведению оперативно-розыскных мероприятий;

- криминалисты, оказывающие содействие следователю в проведении следственных действий, например, в осмотре игровых автоматов на месте происшествия.

Можно выделить также и вспомогательных участников оперативно-тактических комбинаций. По делам о незаконных организации и проведении азартных игр это могут быть, например, сотрудники ОМОНа, СОБРа, в случае если планируется возможность оказания сопротивления при физическом задержании или проведении сложных и конфликтных следственных действий.

Орудия оперативно-тактических комбинаций – это любые средства криминалистической техники, транспортные средства, средства связи и тому подобное, находящиеся в распоряжении следователя.

Условия оперативно-тактических комбинаций носят, как правило, процессуальный характер:

1) соблюдение предусмотренных УПК РФ сроков расследования уголовного дела;

2) соблюдение требований УПК РФ о допустимости доказательств, что особенно актуально при реализации в оперативно-тактических комбинациях оперативно-розыскных данных и связано как с соблюдением прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и с процессом придания сведениям, полученным при проведении оперативно-розыскных мероприятий, силы доказательств.

Так, практика расследования деятельности субъектов, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр, должна опираться на следующие принятые в теории криминалистики рекомендации:

- во-первых, организация мероприятий, направленных на получение данных о месте нахождения определенных документов (устав игорного заведения, оплата за игру, внесение денежных средств при покупке лотерейных билетов, электронные носители информации, счета по оплате израсходованной электрической энергии и т.д.), предметов;

- во-вторых, сведения о лицах, способных дать показания по обстоятельствам дела, целесообразно использовать не при допросе обвиняемых, а первично – при производстве выемки, обыска, допроса игроков или свидетелей, при получении образцов для сравнительного исследования [6; 8].

При таком подходе, по мнению Н.Е. Мерецкого, весь комплекс оперативной информации, в том числе относящейся к результатам проведения первоначальных следственных действий, реализуемых в оперативно-тактической комбинации, позволяет убедиться, что вся деятельность субъектов, связанная с незаконными организацией и проведением азартных игр, полностью будет установлена, а показания отдельных лиц, входящих в состав преступной группы, организовавшей игорное предприятие, не только выслушиваются, но и постоянно контролируются следователем [12, с. 187-188].

В то же время Н.Е. Мерецкий обращает внимание на следующие критерии допустимости разрабатываемых оперативно-тактических комбинаций:

- непротиворечивость поступающей информации, служащей базой для логического построения комбинаций;

- учет специфических особенностей уголовно-процессуальных отношений между субъектами (следователем и руководителем следственного подразделения, оперуполномоченным и его руководителем и т.п.) в процессе предварительного расследования;

- возможность быть использованной для получения доказательств в процессе всего расследования по уголовному делу;

- конкретность и взаимозависимость одновременно применяемых следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий в оперативно-тактической комбинации;

- обязательность учета всех разработанных (разрабатываемых, но не реализованных) и примененных комбинаций в различных ситуациях;

- полнота, предполагающая применение комбинации, для получения достаточных сведений, служащих обоснованием в обвинительном заключении;

- преемственность успешно реализованной комбинации во вновь разрабатываемой, предполагающая отражение ее основных элементов;

- классификация и учет наиболее устойчивых и эффективных комбинаций, используемых при расследовании преступлений;

- анализ и фиксация наиболее эффективно использованных комбинаций в классификационно-справочной картотеке [11, с. 109-110].

Таким образом, резюмируя изложенное, можно заключить:

1. Эффективность разрабатываемых оперативно-тактических комбинаций, направленных на раскрытие и расследование незаконных организации и проведение азартных игр, зависит прежде всего от правильности формирования следователем их структуры, содержания и своевременной их реализации.

2. Для достижения максимальной эффективности оперативно-тактическая комбинация должна включать в себя:

- а) разнообразные научно обоснованные тактические приемы;

- б) следственные действия, позволяющие достоверно установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания;

- в) типичные оперативно-тактические комбинации и при этом находить в них индивидуальные признаки для разработки уникальной оперативно-тактической комбинации в каждом конкретном случае незаконных организации и проведения азартных игр.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: краткая энциклопедия. М., 1993.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997.
3. Большой толковый словарь современного русского языка: в 3 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. СПб.: Норинт, 2008.
4. Большой энциклопедический словарь / под ред. И. Лапина [и др.]. М.: Астрель, 2008.
5. Драпкин Л.Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976.
6. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Основы криминалистической тактики. Хабаровск, 2008.
7. Жбанков В.А., Девяткина Е.М. Производство обыска и выемки органами дознания Государственного таможенного комитета России: учеб. пособие. М.: РИО РТА, 2000.
8. Калинин В.Н., Гаазе К.Э., Шурухнов В.А. Получение образцов для сравнительного исследования: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. М.: Юрист, 2010.
9. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 2000.
10. Лобунец Е.С. Назначение, сущность и содержание этапов расследования отдельных видов и групп преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
11. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
12. Мерецкий Н.Е. Реализация в оперативно-тактической комбинации оперативно-розыскных данных в период предварительной проверки сообщений о незаконных организации и проведении азартных игр // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., 14 мая 2015 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2015.

13. Мерещкий Н.Е. Тактические основы функционирования оперативно-тактической комбинации // Актуальные проблемы юридических и экономических наук: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., 12-13 февраля 2009 г. М.: Моск. экономико-правовой ин-т, 2009.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010.
15. Саламаха Ю.А. Основы организации тактических операций: учеб.-практ. пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2003.
16. Святненко А.И. Тактическая операция как способ разрешения следственных ситуаций с высокой степенью информационной неопределенности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008.
17. Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Дрофа, 2000.
18. Чернышев М.А. Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
19. Шаталов А.С. Оперативно-тактическая комбинация как мера по нейтрализации организованного противодействия расследованию уголовных дел // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: мат-лы науч.-практ. конф., 29-30 октября 1996 г. М.: ЮИ МВД России, 1997.
20. Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976.

УДК 343.102

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА

Лариса Васильевна Михайлова, заместитель начальника отдела Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу
кандидат юридических наук

E-mail: Lora.mihailova@mail.ru

В статье анализируются теоретические аспекты борьбы с преступностью путем использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Рассматриваются понятия и основные теоретические положения оперативно-розыскного обеспечения выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное обеспечение; борьба с преступностью; выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

ABOUT THE NOTION AND ESSENCE OF THE OPERATIVE- INVESTIGATIVE ENSURE PREVENTION, DETECTION AND INVESTIGATION OF THEFT AT THE FACILITIES OF MARITIME TRANSPORT

Larisa Vasilyevna Mikhailova, deputy head of department of the Transport Management Russian Interior in the Far Eastern federal district
kandidat nauk, degree in Law

In this article the author analyses theoretical aspects of struggle against crime by using forces, means and methods of operational-search activities. Concepts and main theoretical points of detection, prevention, suppression and solution of crimes are considered.

Keywords: operational-search activity; investigation and search providing; struggle against crime; detection, prevention, suppression and solution of crimes.

Скрытый, латентный характер большинства противоправных деяний, в том числе хищений, требует совершенствования оперативно-розыскных мер по борьбе с ними. Выполнение указанной задачи в большинстве случаев весьма затруднительно без применения негласных методов и средств. Как справедливо отмечают О.А. Вагин и А.Е. Чечетин, необходимость иметь в распоряжении оперативных подразделений органов внутренних дел комплекс негласных оперативно-розыскных мероприятий объясняется тем, что пресечение и раскрытие преступлений определенного вида при помощи только следственных действий и гласных мер административного характера практически невозможно [17, с. 6].

Это особо актуально по отношению к преступлениям, совершаемым на объектах морского транспорта. Так, за период 2009-2013 гг. доля выявленных и раскрытых по оперативным данным преступных деяний составляет более 60 % от общего количества зарегистрированных преступлений, совершенных на объектах морского транспорта. В части хищений на этих объектах доля выявленных и раскрытых по оперативным данным преступлений еще выше: в 2009 г. – 84 %, в 2010 г. – 87,5 %, в 2011 г. – 86,7 %, в 2012 г. – 74,2 %, в 2013 г. – 68,3 %*. При этом ежегодно раскрываются следственным путем, без оперативно-розыскного обеспечения, только от 5 до 7 % от общего числа этих общественно опасных деяний**. Эти данные лишней раз указывают на актуальность оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования указанных преступлений.

Проблема оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел – одна из важных и исключительно сложных в практической деятельности. Не менее важной она представляется в научном плане, поскольку ее содержание следует рассматривать на стыке наук: оперативно-розыскной деятельности, криминалистики и уголовного процесса.

Прежде чем перейти к формированию определения и раскрытия сущности оперативно-розыскного обеспечения применительно к хищениям на объектах морского транспорта, кратко коснемся научной дискуссии в этой области. Итак, что представляет собой оперативно-розыскное обеспечение, какова его сущность и структурные элементы?

Чаще всего оперативно-розыскное обеспечение определяют как систему мер, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в целях создания оптимальных условий для осуществления уголовного судопроизводства [10, с. 10]. В ряде работ оперативно-розыскное обеспечение определяется как самостоятельная организационно-тактическая форма оперативно-розыскной деятельности [18, с. 43; 5, с. 134]. Е.С. Дубоносов рассматривает оперативно-розыскное обеспечение в двух аспектах: как создание условий постоянной профессиональной готовности субъектов раскрытия и расследования преступлений к использованию оперативно-розыскных сил, средств и методов и как практическую реализацию таких условий в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступления [7, с. 80].

А.Ю. Шумилов определил оперативно-розыскное обеспечение уголовного процесса как комплекс поступков, сыскных и других мер оперативно-розыскного свойства, совершаемых и принимаемых ОРО (оперативниками и др.) по установлению фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, источников информации о них, лиц, противодействующих уголовному процессу, в целях обеспечения пред-

* Здесь приведены данные, поступившие в Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу в виде обзоров и информационных писем из ГУ на транспорте МВД России за 2008-2014 гг.

** Форма № 6 ГИАЦ МВД России за 2008-2014 гг.

варительного расследования и судебного разбирательства необходимыми сведениями, а также защиты участников уголовного процесса [15, с. 93].

Подобное, но более объемное определение дает В.К. Зникин. Он рассматривает оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства как систему мер, реализуемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в ходе оперативно-розыскного процесса в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания, пресечения и нейтрализации противодействия криминальной среды исполнению функций уголовного преследования и правосудия, безопасности участников уголовного судопроизводства и достижения цели неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении преступного деяния [9, с. 84-85].

Изучение литературы позволило выявить еще один признак, упоминавшийся в ряде дефиниций оперативно-розыскного обеспечения. Суть его заключается в необходимости пресечения или нейтрализации противодействия криминальной среды. Данный признак с полным основанием можно отнести к категории существенных, поскольку он напрямую отражает реалии нашего дня, когда противодействие со стороны преступников становится все активнее, изощреннее и многограннее. Это подтверждается и проведенным нами опросом оперативных сотрудников, которые показали, что противодействие осуществляется по каждому третьему делу*.

Кроме того, полагаем, что в понятие (и содержание) оперативно-розыскного обеспечения в качестве существенного признака должно быть введено предупреждение, профилактика преступной деятельности оперативно-розыскными средствами. В теории оперативно-розыскной деятельности предупреждение преступлений включает в себя две формы: общую и индивидуальную профилактику. Общая профилактика предполагает выявление причин и условий совершения преступлений. Индивидуальная профилактика подразумевает под собой выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и применение к ним мер профилактического воздействия [16, с. 132].

Важность профилактики в аспекте оперативно-розыскного обеспечения государственного обвинения убедительно доказывают В.Ф. Луговик, С.И. Давыдов и О.Н. Пономаренко [11, с. 9-11]. В.А. Бодренков также рассматривает предупреждение как атрибут общих положений оперативно-розыскного обеспечения [1, с. 12; 6, с. 357-358]. Анализ содержания ряда научных работ показывает, что многие авторы придают настолько большое значение задаче профилактики, что ограничивают предмет своих монографических исследований исключительно только оперативно-розыскным обеспечением предупреждения определенного вида или группы преступлений [8; 12; 13].

Так, Е.Ф. Новиков, давая определение оперативно-розыскного обеспечения предупреждения хищений с объектов транспорта, обращает внимание на то, что помимо мер непосредственного противодействия, направленных на выявление и нейтрализацию негативных последствий противоправной деятельности отдельных лиц, необходим комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и принятие законных мер реагирования в отношении причин и условий хищений [13, с. 10]. В своей работе Е.Ф. Новиков аргументированно показал важность деятельности по предупреждению хищений с объектов транспорта. В связи с этим понятие и содержание оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта не может не включать функцию предупреждения.

В пользу этого вывода имеются и иные аргументы. Проведенное нами исследование, а также анализ позиций авторов работ смежного характера [4, с. 6-17; 14, с. 8-9] позволяют выделить следующие особенности обстановки как элемента оперативно-розыскной характеристики хищений на объектах морского транспорта:

* В опросе приняло участие 244 оперативных сотрудника, изучено 186 дел по преступлениям, связанным с хищениями на объектах транспорта.

1. Круглосуточный цикл работы этих объектов, что в отдельных ситуациях отрицательно сказывается на общественной безопасности, создает повышенную уязвимость перевозимых материальных ценностей, особенно в вечернее и ночное время, способствует сокрытию преступлений, позволяет лицам, имеющим преступные намерения, совершать различные преступные посягательства.

2. Сезонные колебания интенсивности пассажирских и грузовых морских перевозок. Объем их резко увеличивается в весенне-летний период (примерно с мая по октябрь). Именно в эти периоды, в пору отпускной кампании, каникул студентов и школьников, наблюдается «миграционный взрыв». Благоприятные метеорологические условия позволяют заниматься добычей биоресурсов и т.д. В связи с резким увеличением пассажирооборота и грузооборота на морском транспорте в эти периоды скапливаются огромные товарно-материальные ценности. Злоумышленники используют эти обстоятельства для активизации своей преступной деятельности. Следовательно, перед оперативными сотрудниками органов внутренних дел на морском транспорте стоит задача резкой активизации в этот период усилий по выявлению и раскрытию указанных преступлений, что, мягко говоря, не всегда возможно по организационным причинам. Легче и эффективнее широко развернуть профилактическую и просветительскую деятельность, реализуемую оперативно-розыскными средствами.

3. Концентрация больших людских потоков на морском транспорте, что создает условия для случайных знакомств, пребывания на судах не относящихся к членам экипажа лиц, готовящихся совершить преступление. Скоротечность встреч и знакомств граждан при стоянках судов, халатность членов экипажа затрудняют поиск преступников и установление свидетелей.

4. Значительная протяженность маршрутов морского транспорта. Так, протяженность только внутренних водных путей Российской Федерации составляет 101 667,6 км. В летний период их протяженность увеличивается на 484 км*. Высокий темп отдельных технологических операций по обработке транспорта и перевозимого груза приводит к скоротечности механизма совершения преступлений, затрудняет своевременное обнаружение преступлений, способствует перемещению самого места происшествия и свидетелей на значительные расстояния. Все это является причиной несовпадения места обнаружения преступления и места его совершения.

Перечислены лишь некоторые характеристики обстановки, указывающие на то, что на объектах морского транспорта, в части противодействия хищениям, предупредительная деятельность должна быть в особом приоритете и найти адекватное отражение в рамках рекомендаций по оперативно-розыскному обеспечению. Быть может, имеются основания для более общего вывода: как общие положения оперативно-розыскного обеспечения, так и частные разработки, относящиеся к отдельным видам и группам преступлений, должны с необходимостью включать рекомендации профилактического характера.

Нами выдвигается еще одно предложение. Оно касается задачи правового просвещения населения оперативно-розыскными средствами. Здесь мы берем за основу концептуальный подход, изложенный Ю.П. Гармаевым. В связи со значимостью этого подхода рассмотрим его более подробно. Автор в ряде своих работ сначала цитирует ряд положений Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ 4 мая 2011 г. В числе мер этой политики названо «...распространение ... информационной продукции, содержащей правовую информацию, а также способствующей развитию правовой грамотности и правосознания граждан ...» (пп. 1 п. 19). В тексте документа используется следующая характеристика информационной продукции:

* Данные Федерального агентства морского и речного транспорта Российской Федерации. URL: /http://www.morflot.ru (дата обращения: 11.08.2014).

«...доступность для непрофессионального восприятия информационных материалов, предоставляющих базовые юридические знания и формирующих правовую культуру и правосознание граждан» (пп. 2 п. 19). Далее Ю.П. Гармаев доказывает, что все науки антикриминального цикла (включая, безусловно, и оперативно-розыскную деятельность – *Л.М.*) должны сами двигаться навстречу своему «конечному потребителю», имея в виду не только и не столько профессиональных участников уголовного судопроизводства и оперативных сотрудников, но и широкие слои населения [2, с. 71-78].

В этом назначении (превенция и правовое просвещение) оперативно-розыскное обеспечение как совокупность научных положений и прикладных рекомендаций, первоначально излагаемая языком, понятным в основном для профессионалов ОРД, может далее стать основой для разработки доступных уже для более широких слоев населения информационных материалов (памятки, буклеты, пособия) [3].

В пользу актуальности данного подхода, применительно к хищениям на морском транспорте, следует отметить, что, например, по мнению 52 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений, основной причиной высокой латентности хищений является нежелание руководителей фирм, занимающихся перевозкой, заявлять о хищениях, так как, по их мнению, если товар застрахован, то и нет необходимости «втягиваться» в уголовное разбирательство; 48 % опрошенных указали: учитывая, что, как правило, место совершения преступления не совпадает с местом его обнаружения, потерпевшие, не зная, куда обратиться с заявлением, предпочитают вообще не обращаться в ОВД. Ввиду сложившегося положения на объектах морского транспорта, когда собственники перевозимых грузов при их хищениях предпочитают утрату материальных ценностей компенсировать повышением цены продукции, оперативным сотрудникам приходится принимать во внимание, что значительная часть недостатков, выявленных работниками транспорта при выдаче отдельных наименований грузов, вообще не учитывается статистикой перевозчика. Такого рода криминальные ситуации, как показывает практика, охотно используются расхитителями из числа работников морского транспорта и материально ответственных лиц, которые нередко оформляют фиктивные коммерческие документы на недостатки и иные «факты несохранности» грузов, относя их на счет грузоотправителя. Очевидно, что специально разработанные наукой ОРД средства правового просвещения, адаптированные для работников морского транспорта, пассажиров и других лиц, могут повысить эффективность противодействия анализируемым преступлениям.

Таким образом, еще одним назначением формируемого оперативно-розыскного обеспечения может и должно быть правовое просвещение различных категорий граждан, имеющих отношение к морскому транспорту.

Исходя из изложенного, беря за основу позиции Ю.П. Гармаева, В.К. Зникина, А.Ю. Шумилова и других ученых, оперативно-розыскное обеспечение предупреждения, раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта можно определить как систему мер оперативно-розыскного свойства, реализуемых субъектами ОРД на указанных объектах в целях профилактики хищений, правового просвещения пассажиров и работников транспорта, создания необходимых условий осуществления полного и объективного процесса доказывания, пресечения и нейтрализации противодействия криминальной среды на указанных объектах, исполнения функций уголовного преследования, безопасности участников уголовного судопроизводства и достижения цели неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении указанных хищений.

Полагаем, что данное определение представляет собой надлежащую теоретическую основу для формирования и эффективной реализации оперативно-розыскного обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта.

Литература

1. Бодренков В.А. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
2. Гармаев Ю.П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3.
3. Гармаев Ю.П. Современные информационные технологии в механизме внедрения криминалистических и межотраслевых средств противодействия коррупции // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 25-26 сентября 2014 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014.
4. Гетман Н.И., Степаненко Ю.В. Организация борьбы с преступлениями на пассажирском железнодорожном транспорте: практ. пособие. М., 2003.
5. Глушков А.И. Методология оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 1.
6. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
7. Дубоносов Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / под ред. Г.К. Синилова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
8. Замылин Е.И. Взаимодействие следственных и оперативных аппаратов в условиях активного противодействия расследованию преступлений, оперативное сопровождение как фактор нейтрализации посткриминального воздействия: препринт. Волгоград: ВА МВД России, 2014.
9. Зникин В.К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Новгород, 2006.
10. Климов И.А., Синилов Г.К. Теоретические аспекты оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства // Теоретико-прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в России и на Украине на современном этапе: мат-лы российско-украинской межвуз. науч.-практ. конф., 4-5 июня 1999 г. Белгород, 2000.
11. Луговик В.Ф., Давыдов С.И., Пономаренко О.Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения: монография. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2007.
12. Нигметов Н.А. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса (на примере Северо-Западного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
13. Новиков Е.Ф. Оперативно-розыскное предупреждение хищений с объектов транспорта (по материалам Забайкальского УВД на транспорте): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012.
14. Омелин В.Н., Мотин С.Г., Бедринский А.А. Организация и тактика выявления раскрытия экономических преступлений на объектах воздушного транспорта: учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2007.
15. Оперативно-розыскной словарь: учеб. пособие / сост. А.Ю. Шумилов. М.: Изд. дом И.И. Шумиловой, 2008.
16. Ступницкий А.В. Оперативно-розыскное предупреждение экономического мошенничества (по материалам Восточно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.
17. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. комментарий / под ред. В.В. Николюка, В.В. Кальницкого, А.Е. Чечетина. Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1999.
18. Хомколов В.П., Миронычев М.И. Организация и тактика предупреждения, раскрытия преступлений, совершенных организованными преступными сообществами, и оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по ним. Домодедово, 1995.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.13

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Виктор Николаевич Шмаков, начальник кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: shmakov.v.n@mail.ru

В настоящей статье автором анализируется содержательная основа гражданско-правового института (гражданско-правовых средств) защиты профессиональной чести, профессионального достоинства и профессиональной репутации сотрудников полиции в сфере государственной правоохранительной службы с учетом состоявшихся изменений гражданского законодательства в части защиты нематериальных благ. Также рассматривается вопрос о допустимости использования современного гражданско-правового института защиты от диффамации для целей предотвращения и устранения последствий конструирования «фиктивного конфликта интересов» на службе в ОВД.

Ключевые слова: гражданско-правовые средства защиты нематериальных благ; профессиональная честь, профессиональное достоинство и профессиональная репутация сотрудника полиции; диффамация; конфликт интересов.

TO THE QUESTION ABOUT THE CONTENT OF CIVIL LEGAL INSTITUTION OF PROTECTION OF PROFESSIONAL HONOR, DIGNITY AND REPUTATION OF THE POLICE OFFICERS IN THE APPLICABLE RUSSIAN LEGISLATION

Victor Nikolaevich Shmakov, chair head of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law,
Associate Professor

In this article the author analyzes the substantive basis of civil-legal institution (civil remedies) of protection of professional honor, dignity and professional reputation of the police in the field of state law enforcement service taking into account held changes of civil legislation regarding the protection of intangible benefits, and examines the question of the admissibility of the use of modern civil-legal institution of protection against defamation for the purpose of prevention and removal of the consequences of constructing "fictitious conflict of interests" on the service of the internal affairs agencies.

Keywords: civil remedies of the protection of intangible benefits; professional honor, professional dignity and professional reputation of the police; defamation; conflict of interests.

В соответствии с Федеральным законом «О полиции» [6] (ст. 30) правовые средства обеспечения государственной защиты чести и достоинства сотрудника полиции от преступных и иных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей ре-

гламентированы всей системой действующего законодательства РФ, анализ которого позволяет констатировать, что правовой институт защиты профессиональной чести, достоинства и профессиональной репутации сотрудников полиции, а также профессиональной репутации органов, организаций и подразделений системы МВД России носит комплексный характер и содержит как гражданско-правовые, административно-правовые, так и уголовно-правовые институты соответствующей защиты.

В настоящей статье речь пойдет о защите таких нематериальных благ, как профессиональная честь, профессиональное достоинство и профессиональная служебная репутация сотрудников органов внутренних дел (сотрудников полиции), органов, организаций и подразделений системы МВД России, имеющих особые, внутренние и внешние морально-нравственные основы, отличные от таковых нематериальных благ, присущих любому иному гражданину [12]. Данное обстоятельство возникает в силу того, что при нарушении чести, достоинства и репутации сотрудника полиции путем распространения не соответствующих действительности и порочащих сведений о нем, о его деятельности речь идет не просто о гражданине, а о профессионале в сфере особо значимой государственной правоохранительной службы. Осознание этой значимости важно для всякого государственного служащего и в идеале составляет основу его профессионального достоинства, самооценку собственной государственно значимой деятельности. Здесь особо следует подчеркнуть, что именно профессиональные честь и достоинство полицейского составляют основу общественного мнения, которое, в свою очередь, является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел (п. 6 ст. 9 ФЗ «О полиции»).

В силу специфики задач, выполняемых сотрудниками полиции, их профессиональные честь, достоинство и служебная репутация нередко становятся объектом посягательств в форме их дискредитации. В связи с этим, безусловно, правы авторы, указывающие на необходимость дальнейшего совершенствования института правовой защиты профессиональных чести, достоинства и репутации, имеющего при этом комплексный характер и направленного на защиту этих благ, недопустимость всякого покушения на основы федеральной государственной службы и ее представителей [2, с. 34]. В силу этого возникает закономерный вопрос о содержательном наполнении гражданско-правового института защиты профессиональной чести, профессионального достоинства и профессиональной репутации сотрудников полиции в сфере государственной правоохранительной службы соответствующими гражданско-правовыми средствами (мерами).

Профессиональные честь, достоинство и профессиональная репутация сотрудников полиции как блага нематериальные защищаются нормами ст. 151-152.2 ГК РФ, составляющих основу гражданско-правового института защиты нематериальных благ. В настоящее время данный институт претерпел значительные изменения в рамках реализации Концепции совершенствования гражданского законодательства [3]. В частности, Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ [5] изменена редакция ст. 152 ГК РФ, введены ст. 152.1 (Охрана изображения гражданина) и ст. 152.2 (Охрана частной жизни гражданина).

При этом, если говорить об умалении чести, достоинства и репутации граждан, деловой репутации юридических лиц путем распространения не соответствующей действительности сведений, то эти действия охватываются известным цивилистической науке правовым понятием «диффамация», не имеющим, однако, законодательного определения и, что главное, единых научных позиций в части его содержания.

Так, М.В. Свинцова, анализируя судебную практику и правовую доктрину различных государств, при этом констатируя различие подходов к пониманию термина «диффамация», делает вывод, что «страны обычного права традиционно понимают под диффамацией распространение о лице любой порочащей информации», тогда как

«в странах континентальной Европы, в том числе и Российской Федерации, диффамация – это распространение не соответствующих действительности порочащих сведений». Далее она заключает: «...исходя из того, что диффамация является тем правовым институтом, через который, с одной стороны, в гражданском праве реализуется право на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации и конституционное право на свободу слова и массовой информации – с другой, логичной выглядит ситуация с многообразием вариантов баланса этих двух прав в национальных правовых системах» [11].

В соответствии с точкой зрения А.М. Эрделевского родовое понятие «диффамация» охватывает любое распространение порочащих другое лицо сведений и может иметь форму:

а) распространения заведомо ложных порочащих сведений – умышленная недостоверная диффамация, или клевета;

б) неумышленного распространения ложных порочащих сведений – неумышленная недостоверная диффамация;

в) распространения правдивых порочащих сведений – достоверная диффамация [13].

Д.А. Самородов также допускает недостоверную и достоверную диффамацию, разграничивая при этом ее по объектам посягательств, у первой – это честь и деловая репутация, а у второй – честь и достоинство [10].

Более единодушной в этой части следует признать позицию судебной практики, согласно которой в российском законодательстве «диффамация» охватывается сугубо правилами ст. 152 ГК РФ. Подтверждает это Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [7], а именно: «при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Проблема же в рамках исследуемого института видится в том, что правоприменитель в лице судебной практики в качестве оснований реализации предусмотренных ст. 152 ГК РФ гражданско-правовых средств защиты чести, достоинства граждан и деловой репутации гражданина и юридического лица усматривает лишь ситуацию распространения сведений, которые, во-первых, не соответствуют действительности и, во-вторых, порочат честь, достоинство или деловую репутацию соответствующего гражданина, тогда как сотрудники полиции, реализуя свои полномочия в сфере правоохранительной службы, нередко подвергаются различного рода информационным «атакам» путем распространения сведений дискредитирующего характера. В силу этого ведомственные нормативные документы МВД РФ, закрепляя основы деятельности по организации защиты чести и достоинства подчиненных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, государственных гражданских служащих системы МВД России, а также деловой репутации органов внутренних дел, организаций и подразделений системы МВД России, в качестве оснований для такой деятельности называют: «распространение не соответствующей действительности и (или) порочащей их информации», «распространение недостоверных сведений», «распространение не соответствующих действительности сведений либо иных сведений, ущемляющих права и

законные интересы», при этом распространение таких сведений связывают с действиями по «дискредитации (компрометации)» личности сотрудника [1] и таким образом расширяют перечень оснований применения гражданско-правового института защиты профессиональных чести, достоинства и репутации подчиненных МВД России сотрудников, а также ОВД, организаций и подразделений системы МВД России. Кроме того, высказываются предложения в рамках исполнения п. 7 Плана мониторинга МВД России на 2016 г. о внесении изменений в ч. 6 ст. 30 Федерального закона «О полиции», а именно об установлении ответственности граждан за недостоверную диффамацию при обращении в госорган и об ответственности за распространение оценочных суждений порочащего характера.

В данном случае нельзя не согласиться с тем, что дискредитировать должностное лицо (сотрудника полиции) возможно, распространив не только не соответствующие действительности и порочащие его профессиональные честь, достоинство или репутацию сведения, но и иные не соответствующие действительности сведения. Наконец, скомпрометировать сотрудника полиции возможно через распространение сведений, соответствующих действительности. Например, незаконное распространение информации о частной жизни сотрудника полиции, право на защиту которой предусмотрено ст. 152.2 ГК РФ (данная статья впервые закреплена Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), при определенных обстоятельствах компрометирует данного сотрудника полиции, причем в большей степени, нежели любого иного гражданина в аналогичной ситуации.

В этом смысле заслуживает внимания точка зрения авторов, согласно которой используемое ЕСПЧ в его постановлениях понятие диффамации не следует понимать как правовое определение, которое значительно шире по объему и предполагает любое распространение порочащих сведений, безотносительно к их соответствию действительности, и на этой основе выделяют так называемую негативную диффамацию, которая посягает на профессиональную честь, достоинство, профессиональную репутацию сотрудников органов внутренних дел и влечет применение способов защиты, предусмотренных ст. 152 ГК РФ, и позитивную диффамацию, способную нарушить иные личные права, и предполагает другие способы защиты, предусмотренные гражданским законодательством [8]. На это, как нам представляется, указывает и Верховный Суд РФ, закрепляя в Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 положение, согласно которому (абз. 3 п. 1) «суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами – свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации), с другой». Тем самым, суд не исключает и равного права защиты нарушенного субъективного права на «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» с использованием как общих гражданско-правовых способов (средств) защиты нарушенных гражданских прав и охраняемых законом интересов (ст. 12 ГК РФ), так и специальных, предусмотренных ст. 150-152.2 ГК РФ.

Кроме того, при определенных обстоятельствах не исключается возможность использования для целей защиты профессиональной чести, профессионального достоинства и профессиональной репутации сотрудников полиции в сфере государственной правоохранительной службы и гражданско-правового института предотвращения «злоупотребления правом» (ст. 10 ГК РФ). В данном случае заслуживает внимания позиция, обозначенная профессором М.А. Рожковой в рамках комментария конкретного гражданского дела, согласно которой «в ситуации, когда одно лицо реализует свое право на

обращение в государственные органы с заявлением (жалобой) в отношении другого лица, не имея для такого обращения никаких реальных оснований и стремясь исключительно к цели причинить вред («во зло») этому другому лицу, налицо злоупотребление правом в форме шиканы. К сожалению, такого рода случаи встречаются на практике, но не всегда могут быть выявлены, поскольку установление судом факта злоупотребления правом сопряжено с известными трудностями». И, далее, профессор делает вывод о том, что, «если при рассмотрении дела о защите чести, достоинства и деловой репутации истца судом будет установлен факт злоупотребления правом (в форме шиканы) при обращении ответчика в государственные органы и органы местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции обязаны рассматривать эти обращения, то ответчик не может быть освобожден от выплаты компенсации. Это обусловлено тем, что в подобных случаях речь идет не о реализации ответчиком права на обращение в компетентные органы, а о совершении им правонарушения, приводящего к распространению не соответствующих действительности порочащих истца сведений, поэтому положения п. 10 Постановления Пленума № 3 здесь не применимы» [9].

Проблема «шиканы» в форме распространения информации, не соответствующей действительности, с целью причинить вред служебному положению (статусу государственного служащего) сотрудника полиции сегодня приобретает особое значение в условиях функционирования так называемого института конфликта интересов на государственной службе, в нашем контексте – конфликта интересов на службе в органах внутренних дел. Его широко трактуемая по действующему законодательству дефиниция основана на достаточно вероятностных и оценочных критериях, что дает широкий простор для усмотрения в действиях сотрудника полиции, при наличии определенной информации о его имущественном положении либо об имущественного характера действиях (сделках), существования той самой конфликтной ситуации. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] рассматривает конфликт интересов в органах внутренних дел РФ как ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) сотрудника ОВД и иного должностного лица системы МВД РФ, обязанного принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение ими должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). При этом под личной заинтересованностью сотрудника органов внутренних дел или иного должностного лица системы МВД РФ, обязанного принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, следует понимать возможность получения указанными лицами доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ), и (или) состоящими с ними в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми сотрудник ОВД и иное обозначенное должностное лицо системы МВД РФ, и (или) лица, состоящие с ними в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Как видим, уровень коррупционного конфликтационного риска в условиях конфликта интересов конструируется, исходя из вероятностной оценки взаимосвязи личной заинтересованности в получении как имущественных выгод, так и каких-либо иных выгод (преимуществ) как самого сотрудника ОВД или иного должностного лица системы МВД РФ, обязанного принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, так и иных выгодоприобретателей, указанных в законе. В этих условиях информация, например об имущественного характера действиях (сделках) сотрудника полиции, не соответствующая действительности в части ее содержания, мо-

жет быть расценена как конфликт интересов со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом данная информация может быть распространена как с целью, так и без цели причинить вред служебному положению сотрудника полиции, но так или иначе дискредитирующая его служебное (должностное) положение. В силу этого достаточно закономерным представляется и вопрос о допустимости использования современного гражданско-правового института защиты от диффамации для целей предотвращения и устранения последствий конструирования на основе распространения не соответствующей действительности информации о «фиктивном конфликте интересов» на службе в ОВД.

Положительное разрешение данного вопроса изначально видится в том, что в настоящее время Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ произошло законодательное изменение содержания гражданско-правового института защиты от диффамации, охватываемого правилами ст. 152 ГК РФ. Речь идет о том, что законодатель, закрепив в п. 10 ст. 152 ГК РФ положение, согласно которому «правила п. 1-9 данной статьи, за исключением положений о компенсации морального вреда, могут быть применены судом также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности», тем самым охватил случаи распространения сведений, не соответствующих действительности и при этом не имеющих порочащего характера, чего ранее в ГК РФ не было.

Наконец, как нам представляется, конструкция ст. 152.2 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) не допускает без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, а именно сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни, что вполне корреспондируется с положением ранее действующего п. 3 ст. 152 ГК РФ, где речь шла о распространении информации, в том числе имеющей достоверный и действительный характер, но ущемляющей права или законные интересы гражданина. Из этого следует вывод о том, что статья 152.2, в совокупности со ст. 150, 151 ГК РФ, не исключает реализации защиты права на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну с использованием форм (способов) защиты, предусмотренных правилами ст. 152 ГК РФ, по крайней мере, по аналогии.

Таким образом, можно констатировать, что правовые подразделения системы МВД России, в рамках реализации приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России», должны использовать в сфере отношений по защите профессиональной чести, профессионального достоинства и профессиональной репутации сотрудников полиции весь спектр гражданско-правовых средств защиты нематериальных благ, как предусмотренных ст. 150, 151, 152, 152.1, 152.2 ГК РФ, включая и их сочетание (гражданско-правовой институт защиты нематериальных благ), так и предусмотренных ст. 10 ГК РФ (гражданско-правовой институт предотвращения злоупотребления правом). Это в совокупности и составляет действующий гражданско-правовой институт защиты профессиональной чести, профессионального достоинства и профессиональной репутации сотрудников полиции системы МВД России. При этом обозначенные гражданско-правовые средства защиты могут охватывать как случаи распространения не соответствующих действительности и порочащих профессиональную честь, профессиональное достоинство или профессиональную репутацию сотрудника полиции сведений, так и случаи распространения иных сведений, не соответствующих действительности, а также иные действия, посягающие на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, и при определенных обстоятельствах дискредитирующее соответствующее должностное лицо, включая случаи инициирования «фиктивного конфликта интересов» на службе в ОВД.

Литература

1. Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России: приказ МВД РФ от 2 октября 2012 г. № 900. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «СТРАС-Юрист».
2. Комиссарова Е.Г. Профессиональные честь и достоинство государственных служащих: предпосылки междисциплинарного характера // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4.
3. Концепция совершенствования гражданского законодательства. Рекомендована Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 13 мая 2009 г.). URL: http://privlaw.ru/concep_mchp.rtf
4. О внесении изменений в часть первую ГК РФ: федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.
5. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
6. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
7. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
8. Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудника полиции: учеб. пособие / А.Г. Брагина [и др.]. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2014.
9. Рожкова М.А. О некоторых вопросах применения статьи 10 Гражданского кодекса РФ при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Самородов Д.А. Достоверная диффамация и гражданско-правовая ответственность за нее // Юрист. 2001. № 8.
11. Свинцова М.В. Противодействие диффамации по российскому гражданскому законодательству. М.: Юстицинформ, 2013.
12. Шмаков В.Н. К вопросу о профессиональной чести и достоинстве сотрудников полиции, а также профессиональной репутации органов внутренних дел Российской Федерации как объектах гражданско-правовой защиты от их дискриминации // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., 14 мая 2015 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2015.
13. Эрделевский А. Диффамация // Законность. 1998. № 12.

УДК 343.4

О КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ: СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кирилл Дмитриевич Рыдченко, старший преподаватель Воронежского института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: Rkd7@yandex.ru

В статье проводится формально-юридический и лексический анализ положений Концепции информационной безопасности детей, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. Особое внимание уделяется терминологическому аппарату, цели, задачам и принципам защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации. Отмечается важность позитивного информационного воздействия на молодежь и предлагаются механизмы оценки эффективности реализации Концепции.

Ключевые слова: информационная безопасность; несовершеннолетние; вредоносная информация; государственная политика; позитивное информационное воздействие; информационная культура.

ABOUT THE CONCEPT OF CHILDREN INFORMATION SAFETY: CONTENT, MEANING AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Kirill Dmitrievich Rydchenko, senior lecturer of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia *kandidat nauk*, degree in Law

The article gives the formal-legal and lexical analysis of the Concept of children information security, approved by Government of the Russian Federation dated December 2, 2015 № 2471-p. Particular attention is paid to terminology, purpose, tasks and principles of the minors protection from harmful information exposure. The importance of a positive information impact on children is noted and suggests the mechanisms for assessing the effectiveness of the Concept implementation.

Keywords: information security, minors, harmful information, public policy, the positive impact of the information, information culture.

Правовые основания запрета или ограничения оборота вредоносной информации в постиндустриальном глобальном обществе все чаще становятся объектом научного исследования и предметом внимания законодателя. На заре российской демократической государственности после семидесяти лет авторитарной государственной идеологии свобода слова нередко воспринималась как правовой абсолют, посягательство на который подрывает основу народовластия. История доказала, что это не так. Манипулирование общественным сознанием организаторами финансовых «пирамид», вездесущая реклама вредной для здоровья продукции, пропаганда потребительской модели жизни и эрзац-культуры, распространение идеологии экстремизма и терроризма, а также многие другие вредоносные информационные воздействия вернули нас к тезису, согласно которому «свобода махать руками заканчивается там, где начинается чужой нос». Иными словами, право на свободное распространение и получение информации имеет место лишь тогда, когда в результате этой деятельности не нарушаются права

третьих лиц, не создается угроза интересам государства. На использование средств массовой коммуникации для распространения вредоносной информации внимание обращалось неоднократно, в том числе, и в научных исследованиях [5].

Российское информационное право применительно к рассматриваемой сфере сегодня находится на стадии становления. С одной стороны, мы существенно отстаем от развитых государств, законодательство которых уже более полувека назад оперировало категориями «вредоносная (вредная) информация» и «нежелательная (вредная) информационная продукция», однако, с другой стороны, это позволяет нам модифицировать с учетом российской ментальности и инкорпорировать в национальное законодательство уже прошедшие проверку временем нормы зарубежного права.

Проблема обеспечения запрета или ограничения оборота вредоносной информации чрезмерно широка, в связи с этим в данном скромном исследовании нам хотелось бы обратить внимание на отдельное направление этой деятельности – обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних, подвергнув правовому анализу конкретный нормативный документ – Концепцию информационной безопасности детей (далее – Концепция), которая была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р.

Предваряя непосредственное исследование этого нормативного акта, отметим, что его положения опираются на нормы Конституции России, законодательства, в составе которого особо следует выделить Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», подзаконного нормотворчества Президента РФ, Правительства РФ и нормативные правовые акты уполномоченных федеральных органов исполнительной власти. В частности, принятие Концепции было во многом обусловлено положениями Указа Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы».

Структурно Концепция включает пять логически последовательных разделов. В первом разделе отмечаются исходные тезисы, обуславливающие внимание государства к проблеме обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Во многом они перекликаются с негативными тенденциями, указанными нами в начале статьи, и связаны с принципиальной новизной информационных угроз и возрастающим влиянием сети Интернет на «реальную» жизнь ребенка. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на фактическое нормативное признание нескольких терминов, ранее не встречавшихся в отечественных нормативных правовых актах. Таковыми являются «гиперинформационное общество», «дестабилизирующее воздействие информационной продукции», «медиаграмотность», «психологическое благополучие ребенка» и другие.

Значение и содержание данных терминов в тексте Концепции не разъяснены, более того, поиск их толкования в Интернете часто приводит к литературе публицистического характера. Полагаем, введение нового юридического термина, а особенно дефиниции, заимствованной из иностранного языка, должно быть обосновано лишь появлением нового вида общественных отношений (элемента этих отношений), лаконично описать которые посредством русского языка невозможно. Держа в памяти этот тезис, зададимся вопросом о трактовке категории «гиперинформационное общество». Приставка «гипер» переводится как «над» или «превышающее предел, норму». Если брать за основу первую трактовку, то синонимом гиперинформационного общества является «надинформационное». Однако никаких качественных характеристик такого общества наукой не выявлено, да и прежде чем строить что-то «над», следовало бы завершить в России формирование институтов информационного общества. Таким образом, можно прийти к выводу, что приставка «гипер» в рассматриваемом документе подразумевает превышение нормы, предела. Развитие информационных технологий действительно породило существенную избыточность информации в современном обществе. Эта из-

быточность производна от научно-технической революции в сфере компьютерных технологий, что позволяет провести параллель между «гиперинформационностью» и кризисами промышленного перепроизводства, которые, начиная с 20-х гг. XIX в., признавались негативным циклом расширенного производства, порожденного промышленной революцией. Иными словами, «гиперинформационность» не является признаком качественно нового общества, а выступает последствием бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих свободный доступ к информации. Это одно из свойств информационного общества в традиционном его понимании. Таким образом, использование термина «гиперинформационное общество» представляется нам преждевременным.

Отдельного внимания заслуживает термин «медиаграмотность», содержание которого также легально не закреплено, однако нормативно определены критерии его оценки. Согласно приказу Минкомсвязи России от 28 июля 2014 г. № 226 «О критериях медиаграмотности и методике оценки уровня медиаграмотности населения», таковыми являются:

а) умение пользоваться поисковыми системами и находить необходимую информацию;

б) способность обращать внимание на источники информации, верифицировать информацию и критически ее оценивать;

в) умение защитить свои персональные данные в сети Интернет и способность не допускать утечки информации, касающейся личной жизни, которая может представлять интерес для злоумышленников;

г) знание о системах «родительского контроля», умение пользоваться ими, а также способность провести для детей курс личной безопасности по их действиям в социальных сетях и сети Интернет;

д) способность сопоставлять информацию из различных источников, стремиться проверять любую полученную информацию.

Очевидно, что данные критерии оценки ориентированы на совершеннолетних граждан. Трудно представить десятилетнего ребенка, способного «верифицировать», «критически оценивать» или «сопоставлять» получаемую информацию. Полагаем, критерии оценки «уровня медиаграмотности детей» должны быть закреплены в ином подзаконном акте, однако такового нет. Также следует обратить внимание на уместность термина «медиаграмотность» с позиций семантики. Языковая единица «медиа» заимствована из английского языка, где под ним понимается совокупность радио, телевидения и периодической печати [2]. Соответственно, при дословной трактовке медиаграмотность – это умение использовать информацию, передаваемую СМИ. Однако этот термин морально устарел с массовым распространением сети Интернет, информационные ресурсы которого не являются СМИ, но при этом признаются разработчиками Концепции «важнейшими институтами социализации, образования и просвещения нового поколения». На наш взгляд, более уместно в контексте рассматриваемого вопроса было бы использовать термин «информационная культура», под которым в научно-справочной литературе понимаются «знания и навыки эффективного пользования информацией. Предполагает разностороннее умение поиска нужной информации и ее использования, от работы с библиотечным каталогом, компьютерной грамотности до просмотра информации в сети Интернет» [1].

Второй раздел Концепции посвящен принципам обеспечения информационной безопасности детей. Принципы права выступают базовой категорией теории права, при этом под ними часто понимают основополагающие идеи, руководящие начала, лежащие в основе права, которые выражают его сущность и определяют его функционирование. Рассматриваемый нами нормативный документ определяет принципы государственной политики в области обеспечения информационной безопасности детей. Таким образом, для определения сущности данных принципов в приведенном выше определе-

нии, по аналогии, вместо словосочетания «принципы права» следует использовать «принципы государственной политики». К сожалению, при подобном толковании далеко не все перечисленные в Концепции принципы отвечают данным требованиям.

Некоторые из принципов, исходя из их лексической формулировки, более подходят на задачи. Например, вряд ли можно считать основополагающими для государственной политики идеями такие принципы, как «воспитание у детей навыков самостоятельного и критического мышления» и «необходимость формирования у детей умения ориентироваться в современной информационной среде». Первое, скорее, является направлением деятельности, а второе – задачей информационной политики государства. Из 12 перечисленных в Концепции принципов вопросы о допустимости лексической формулировки возникают в отношении семи принципов (3-7, 9, 11).

Определенные вопросы возникают при исследовании первого по очереди принципа – «признание детей равноправными участниками процесса формирования информационного общества в Российской Федерации». Равноправными дети признаются, что логично, по отношению к совершеннолетним лицам, при этом не говорится о каких-либо ограничениях права на доступ к информации, наносящей вред здоровью и развитию детей. Если несовершеннолетние и совершеннолетние равны в информационных правах, то сама Концепция теряет смысл, ведь подобное равенство позволяет применять к молодежи универсальные правила информационного оборота.

На наш взгляд, сохранив сущность предполагаемых Концепцией постулатов, принципами государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей следует считать:

- 1) приоритет обеспечения информационной безопасности детей над правом на свободу слова и информации;
- 2) полноправное участие детей в обороте информации с учетом установленных законодательством запретов и ограничений;
- 3) государственные гарантии соблюдения информационных прав и законных интересов детей в информационной сфере;
- 4) приоритет позитивного информирования детей, нацеленного на формирование информационной культуры, развитие творчества, навыков недискриминационной коммуникации, укрепление семейных ценностей, исторической преемственности поколений и патриотизма;
- 5) взаимосвязь и взаимозависимость государственной политики и деятельности общественных организаций, объединений и граждан при обеспечении информационной безопасности детей;
- 6) взаимопомощь и сотрудничество органов власти со средствами массовой информации и коммуникации в сфере обеспечения информационной безопасности детей;
- 7) беспрепятственное межведомственное взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности детей.

Примечательно, что в рамках второго раздела также дается и оригинальная трактовка информационной безопасности детей как «защиты ребенка от дестабилизирующего воздействия информационной продукции и создания условий информационной среды для позитивной социализации и индивидуализации, оптимального социального, личностного, познавательного и физического развития, сохранения психического и психологического здоровья и благополучия, а также формирования позитивного мировосприятия». В Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» дается несколько иная трактовка этого термина: «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию».

Сравнение первого определения с легально закрепленным его аналогом приводит нас к мысли о лучшей проработанности и полноте именно термина, приведенного в

Концепции. Ранее нами уже указывалось на ущербность подхода, согласно которому информационно-психологическую безопасность любого субъекта предполагается обеспечить лишь посредством ограничения или запрета оборота вредоносной информации [3]. Природа не терпит пустоты. Информационный вакуум будет заполнен так или иначе, в связи с этим необходимо не только налагать публично-правовые ограничения, но и распространять позитивную информацию, пропагандирующую общечеловеческие ценности, формирующую правовую культуру и повышающую уровень правосознания. Разработчиками Концепции это обстоятельство учтено в полной мере, что свидетельствует о научно обоснованном и поступательном развитии взглядов на природу и сущность информационной безопасности.

Объективным и правильным представляется нам и отход разработчиков Концепции от легально закрепленной идеи о возможности достижения состояния, «при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда...». Об утопичности такого подхода нами также говорилось ранее [4]. Разработчики Концепции справедливо определяют в качестве цели государственной политики в области информационной безопасности детей «обеспечение... минимизации всех негативных факторов, связанных с формированием гиперинформационного общества в России».

В разделе III Концепции перечисляются задачи государственной политики в области информационной безопасности детей, которые адресованы не только публичной администрации, но и институтам гражданского общества:

- формирование у детей навыков самостоятельного и ответственного потребления информационной продукции;
- повышение уровня медиаграмотности детей;
- формирование у детей позитивной картины мира и адекватных базисных представлений об окружающем мире и человеке;
- ценностное, моральное и нравственно-этическое развитие детей;
- воспитание у детей ответственности за свою жизнь, здоровье и судьбу, изживание социального потребительства и инфантилизма;
- усвоение детьми семейных ценностей и представлений о семье;
- развитие системы социальных и межличностных отношений детей;
- удовлетворение и развитие познавательных потребностей и интересов ребенка, детской любознательности и исследовательской активности;
- развитие творческих способностей детей;
- воспитание у детей толерантности;
- развитие у детей идентичности;
- формирование здоровых представлений о сексуальной жизни;
- эмоционально-личностное развитие детей;
- формирование у детей чувства ответственности за свои действия в информационном пространстве;
- воспитание детей как независимых, ответственных и самостоятельно мыслящих личностей с целью изживания социального иждивенчества.

Попытка конкретизировать те концептуальные идеи и одобряемые модели поведения, которые необходимы молодому поколению для успешной социализации, неминуемо приводит к оценочным суждениям, не всегда однозначно исчислимым. Так, дополнительного разъяснения, на наш взгляд, требуют такие категории, как «система социальных и межличностных отношений и общения детей», «толерантность», «гражданская, этническая и гендерная идентичность» и «здоровые представления о сексуальной жизни человека». Каждая из этих категорий имеет крайние значения – «полюса», достижение которых также представляется нежелательным. Так соотносятся толерантность и космополитизм, гражданская идентичность и крайний национализм, этническая идентичность и расистская ксенофобия, здоровые представления и полный отказ от сексуальной жизни. Справедливости ради, следует сказать, что в психологии и педаго-

гике однозначных критериев оценки категорий, перечисленных в задачах государственной политики, на сегодняшний день не существует. Правовые предписания производны от имеющихся знаний об окружающем нас мире, в связи с этим остается надеяться, что с развитием указанных наук мы получим возможность однозначно оценивать акцентуализацию перечисленных факторов.

Помимо «позитивных» задач разработчики Концепции отдельным блоком перечисляют формы поведения несовершеннолетних, пропаганда и популяризация которых должны быть пресечены: 1) агрессивное поведение, применение насилия и проявление жестокости по отношению к людям и животным; 2) совершение действий, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью ребенка, в том числе причинение вреда своему здоровью, суицид; 3) употребление наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, табачных изделий, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на их основе; 4) занятие проституцией; 5) бродяжничество; 6) попрошайничество; 7) иные виды противоправного поведения и (или) преступлений.

Перечень не является закрытым, так как разработчики Концепции на примере перечисленных позиций демонстрируют некоторые риски десоциализации и девиантного поведения детей. Следует особо отметить, что в рассматриваемом нормативном документе перечислены не виды вредоносной информации, а вероятные последствия ее восприятия несовершеннолетним. Подобная неконкретность чревата как расширительным толкованием, когда информационный оборот будет бездоказательно ограничен и подтвердить его безвредность будет невозможно, так и халатным отношением к фильтрации информационной продукции, когда оценка допустимости оборота информации отдается на усмотрение экспертного сообщества, не имеющего единой методики оценки. Более того, помимо предупреждения девиантного поведения, ограничение или запрет доступа несовершеннолетнего к вредоносной информации осуществляется в целях профилактики виктимности. И далеко не всегда виктимное поведение ребенка связано с непосредственной угрозой его жизни и здоровью. Это могут быть преступления против половой свободы и неприкосновенности или преступления против собственности, а также иные правонарушения.

Полагая правильным противодействовать информационным причинам девиации, нами предлагается следующая система информации, оборот которой должен пресекаться или ограничиваться в соответствии с возрастным цензом:

1. Деликтогенная информация:

а) вызывающая интерес или пропагандирующая употребление наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, табачных изделий, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на их основе;

б) оправдывающая расовое, этническое, религиозное, гендерное или иное превосходство по социальным признакам, оправдывающая или пропагандирующая экстремистскую или террористическую деятельность;

в) не соответствующая возрастному цензу информация о сексуальных отношениях, а также любая информация о сексуальных перверсиях;

г) вызывающая интерес или пропагандирующая криминальную субкультуру;

д) поощряющая и пропагандирующая жестокость и насилие к людям и животным;

е) нецензурная брань и сведения, оскорбляющие честь и достоинство третьих лиц (диффамация).

2. Виктимогенная информация:

а) оправдывающая или призывающая причинить вред своему здоровью или совершить суицид;

б) вовлекающая в участие в розыгрышах, лотереях, а также вызывающая интерес к азартным играм;

- в) оправдывающая нарушение или пренебрежение Правилами дорожного движения и мерами безопасного поведения на отдельных объектах и в местностях;
- г) пропаганда опасного для жизни и здоровья противоправного увлечения (хобби);
- д) публичное демонстрирование находящихся у ребенка значительных материальных ценностей и денежных средств;
- е) нецелевое распространение персональных данных о несовершеннолетнем.

Несмотря на то, что данный перечень также не является закрытым и может быть дополнен новыми видами вредоносной информации, нам представляется, что для родителей, иных законных представителей несовершеннолетнего, для средств массовой информации и коммуникации, а также уполномоченных должностных лиц подобную классификацию вредоносного контента использовать будет проще.

Раздел IV Концепции определяет механизмы реализации государственной политики в области информационной безопасности детей:

1. Модель сорегулирования средствами массовой информации и государством информационного потребления.
2. Учет психолого-педагогического и художественно-культурного аспектов при оценке содержания информационной продукции.
3. Возрастно-психологический подход к оценке вредного воздействия информационной продукции на психическое развитие, здоровье и психологическое благополучие детей.
4. Содействие созданию условий для позитивной социализации и индивидуализации ребенка, обеспечению его психологического благополучия и позитивного мировосприятия.
5. Активизация деятельности контролирующих и правоохранительных органов по пресечению фактов незаконного распространения на территории страны запрещенной к обороту информационной продукции.
6. Совершенствование механизма блокировки сайтов в Интернете.
7. Поддержка создания и осуществления деятельности организаций саморегулирования СМИ и СМК.
8. Государственные и общественные эмпирические исследования с целью оценки эффективности политики по защите детей от негативной информации.

Изучение раздела позволяет сделать некоторые комментарии. Во-первых, опыт развитых государств действительно показывает, что модель сорегулирования средствами массовой информации и государством информационного потребления является наиболее эффективной, однако эти страны отличаются от России давними демократическими традициями и развитым информационным законодательством, а уровень правосознания и правовой культуры населения этих стран существенно выше аналогичных характеристик российского общества. Это, безусловно, не повод для отказа от стремления использовать избранную модель взаимодействия, мы не говорим о тотальном государственном контроле за средствами коммуникации и не предлагаем «шоковую терапию» в виде одномоментного отказа государства от вмешательства в эту сферу. Хотелось бы лишь обратить внимание разработчиков Концепции на острую необходимость адаптации западной модели взаимодействия СМИ, СМК и государства с учетом российских реалий. Назовем лишь некоторые из них: исторически свойственная России система единоличного императивного управления при слабой развитости институтов парламентаризма и общественного контроля, высокий уровень правового нигилизма среди населения, многонациональность, многоконфессиональность и поликультурность российского общества, слабая развитость не зависящих от национального правительства или зарубежных субъектов средств массовой информации и коммуникации и т.д.

Во-вторых, разработчики Концепции дают некоторые разъяснения относительно положений Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», отмечая при этом, что основной задачей возрастной марки-

ровки информационной продукции является «не развернутая характеристика информационного продукта, а сигнализирование родителям о том, что он содержит информацию, которая может представлять угрозу для ребенка». По сути, такая формулировка переводит норму права, за нарушение требований которой предусмотрена юридическая ответственность, в разряд рекомендаций. Полагаем, что такой комментарий не входит в полномочия Правительства РФ, так как не имеет объективного подтверждения в законодательстве. Родители могут и должны нести ответственность за допуск ребенка к получению вредоносной информации, пока обратное не будет закреплено в соответствующем законодательном акте.

В-третьих, говоря о деятельности правоохранительных органов, разработчики Концепции допустили, как нам представляется, логическую ошибку, отнеся к запрещенной к обороту информационную продукцию, «пропагандирующую... порнографию». Полагаем, следует говорить о самой порнографии, а не только о ее пропаганде.

В разделе V Концепции перечислены основные ожидаемые результаты ее реализации, которые возможно будет определить через набор следующих характеристик: 1) наличие развитых информационно-коммуникационных механизмов, направленных на социализацию молодого поколения и раскрытие его творческого потенциала; 2) свободный доступ детей к историко-культурному наследию предшествующих поколений; 3) качественный рост уровня медиаграмотности детей; 4) увеличение числа детей, разделяющих ценности патриотизма; 5) гармонизация меж- и внутрипоколенческих отношений; 6) популяризация здорового образа жизни среди молодого поколения; 7) формирование среди детей устойчивого спроса на получение высококачественных информационных продуктов; 8) снижение уровня противоправного и преступного поведения среди детей; 9) формирование у детей уважительного отношения к интеллектуальной собственности и авторскому праву, сознательный отказ от использования «пиратского» контента.

Примечательно, что разработчиками Концепции предполагается качественное изменение указанных характеристик к 2020 г., чем будет обусловлено «формирование в Российской Федерации поколения молодых граждан, которые смогут свободно и самостоятельно ориентироваться в современном информационном пространстве».

Считая достижение перечисленных характеристик безусловно позитивным и необходимым для ставящихся перед Российским государством и обществом задач, все же хотелось высказать некоторые сомнения и замечания. Во-первых, большинство указанных характеристик неизмеримы по определению (качественный рост уровня медиаграмотности детей; гармонизация меж- и внутрипоколенческих отношений; формирование среди детей устойчивого спроса на получение высококачественных информационных продуктов), другие невозможно оценить по причине отсутствия подлежащих сравнению измерений и субъективности самой характеристики (увеличение числа детей, разделяющих ценности патриотизма). В-третьих, выбивающейся из общей канвы изложения текста Концепции является формулировка последнего результата. Если иные так или иначе увязаны с целью и задачами государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей, то упоминание интеллектуальной собственности и авторского права выглядит как искусственное внедрение нормы в логически чуждый контекст.

Наиболее удачными формулировками характеристик развития информационной культуры молодого поколения следует признать:

а) пункт 1 перечня, который может быть оценен путем подсчета количества ориентированных на социализацию и творческое развитие молодого поколения приложений и социальных сервисов, а также подсчета аудитории, использующей подобные информационные ресурсы;

б) пункт 2 перечня, который может быть измерен количеством несовершеннолетних, посетивших объекты историко-культурного наследия, в том числе с использованием сети Интернет (виртуальные музеи, библиотеки и т.п.);

в) пункт 6 перечня, который может быть оценен через подсчет несовершеннолетних, участвующих в спортивных секциях и общественных объединениях, а также посредством учета количества и популярности в социальных сетях информационных материалов, пропагандирующих здоровый образ жизни;

г) пункт 8 перечня, который может быть оценен на основе статистических данных МВД России о количестве совершивших деликты несовершеннолетних, а также о количестве административных правонарушений и преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. В широком понимании у каждого деликта есть информационная составляющая, однако для более точной оценки рассматриваемого критерия оценки следует учитывать лишь правонарушения, на совершение которых прямо повлияла информационная среда ребенка, а также административные правонарушения и преступления, связанные с оборотом вредоносной информации или совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Производство предложенной выборки требует совершенствования системы статистической отчетности органов внутренних дел, так как на сегодняшний день информационные причины и условия совершения противоправного деяния несовершеннолетним учитываются далеко не всегда.

Подводя итог сказанному, хотелось бы повторно отметить важность и значимость принятия Концепции информационной безопасности детей как программного документа, вносящего обоснованные уточнения в трактовку действующих правовых норм, а также ставящего новые задачи перед государством и обществом на пути защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации и формирования информационной культуры детей.

Литература

1. Райзберг Б.А. и др. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999.
2. Резник Р.В., Сорокина Т.С. A Grammar of Modern English Usage. М., 2008.
3. Рыдченко К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.
4. Рыдченко К.Д. «Недетские» проблемы обеспечения информационной безопасности детей // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2.
5. Соловьев В.С. Предупреждение преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в сферу коммерческих сексуальных услуг: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. Плата за опубликование статей не взимается.

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.